

#1 САМЫХ ПРОДАВАЕМЫХ КНИГ AMAZON!
МГНОВЕННЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES!

18+

РЕБЕККА ЯРРОС

Эмпирей

Ребекка Яррос

Четвертое крыло

«РОСМЭН»

2023

Яррос Р.

Четвертое крыло / Р. Яррос — «Росмэн», 2023 — (Эмпирей)

ISBN 978-5-353-10847-4

Двадцатилетняя Вайолет Сорренгейл готовилась стать писцом и спокойно жить среди книг и пыльных документов. Но ее мать – прославленный генерал, и она не потерпит слабости ни в каком виде. Поэтому Вайолет вынуждена присоединиться к сотням молодых людей, стремящихся стать элитой Наварры – всадниками на драконах. Однако из военной академии Басгиат есть только два выхода: окончить ее или умереть. Смерть ходит по пятам за каждым кадетом, потому что драконы не выбирают слабаков. Они их сжигают. Сами кадеты тоже будут убивать, чтобы повысить свои шансы на успех. Некоторые готовы прикончить Вайолет только за то, что она дочь своей матери. Например, Ксейден Риорсон – сильный и безжалостный командир крыла в квадранте всадников. Тем временем война, которую ведет Наварра, становится все более тяжелой, и совсем скоро Вайолет придется вступить в бой. Книга содержит нецензурную лексику.

ISBN 978-5-353-10847-4

© Яррос Р., 2023

© Росмэн, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	69
Глава 8	78
Глава 9	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ребекка Яррос

Четвертое крыло

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Ребекка Яррос, текст, 2023

© ООО «РОСМЭН», 2023

Посвящается Аарону.

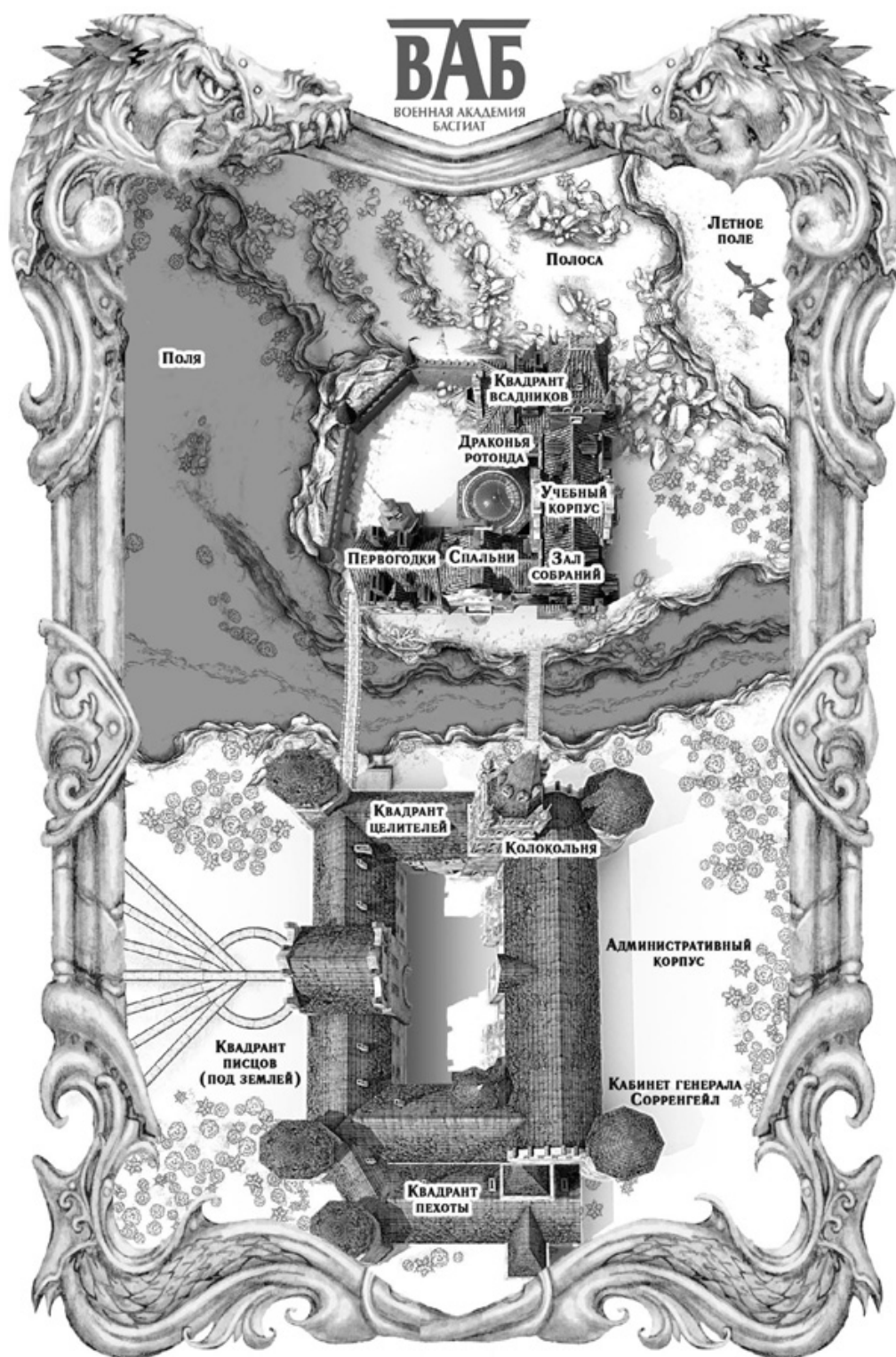
Моему собственному Капитану Америке.

В дороге или дома, на вершинах радости, полных солнца, и в самых черных долинах печали, мы всегда были вместе, малыши

Всем творцам на свете.

В ваших руках таится сила, меняющая мир

Следующий текст был максимально точно переложен с наваррского на современный язык Есинией Нейлварт, куратором квадранта писцов в Военной академии Басгиат. Все события соответствуют действительности, а имена были сохранены, чтобы почтить мужество павших. Пусть души их будут преданы Малеку.

Глава 1

*Дракон без своего всадника горюет.
Всадник без своего дракона мертв.
Кодекс драконьих всадников, статья 1, раздел 1*

День новобранца – самый смертоносный день в году. Всегда. Может, именно поэтому рассвет в то утро показался мне особенно прекрасным. Просто он мог стать последним в жизни.

Я подтянула лямки тяжелого холщового рюкзака и медленно зашагала по широкой лестнице. Она вела на верхние этажи крепости, которую я привыкла называть своим домом. Грудь тяжело вздымалась от усталости, а легкие горели к тому моменту, как я добралась до каменного коридора, ведущего к кабинету генерала Сорренгейл. Вот и все, на что я была способна после шести месяцев интенсивных тренировок: с трудом преодолеть шесть лестничных пролетов с тридцатифунтовым рюкзаком на спине.

И это означало, что я в полной жопе.

Тысячи двадцатилетних, что ожидали у ворот, чтобы войти в крепость и отправиться служить в выбранный ими квадрант, были самыми умными и сильными в Наварре. Сотни из них с рождения готовились биться в отборе для квадранта всадников и получить шанс стать элитой. У меня же на это было ровно шесть месяцев. Лица охранников, выстроившихся вдоль широкого коридора на верхнем ярусе, не выражали ни единой эмоции. Стражи избегали моего взгляда, когда я проходила мимо, но в этом не было ничего нового. К тому же, возможно, игнор – лучший сценарий для моего случая.

Военная академия Басгиат не отличалась добротой... ну ни к кому, даже к тем, чьи матери входят в состав командования.

Каждого наваррского офицера, будь то целитель, писец, пехотинец или всадник, жестоко прессовали в этих стенах в течение трех лет, чтобы в итоге воспитать и заточить, подобно оружию, для защиты наших горных границ от яростных попыток вторжения королевства Поромиэль и их ездоков на грифонах. Слабые здесь не выживали, особенно в квадранте всадников. Об этом заботились сами драконы.

– Ты посылаешь ее на смерть! – из-за толстой деревянной двери генеральского кабинета громыхал знакомый голос, и у меня перехватило дыхание.

На всем континенте есть лишь одна женщина, достаточно безрассудная, чтобы повышать голос на генерала, но сейчас она должна была быть на границе, вместе с Восточным крылом. Мира.

В ответ раздалось что-то возмущенно-неразборчивое, и я потянулась к дверной ручке.

– У нее нет ни единого шанса! – прокричала Мира, когда я с силой распахнула тяжелую дверь, и вес рюкзака сместился вперед, чуть не свалив меня на пол.

Вот дерьмо.

Генерал выругалась, поднимаясь из-за стола, а я ухватилась за спинку дивана с малиновой обивкой, чтобы удержать равновесие.

– Проклятье! Мам, да она даже со своим рюкзаком не может справиться, – огрызнулась Мира и бросилась ко мне на помощь.

– Я в порядке. – Мои щеки пылали от досады, в то время как я изо всех сил пыталась восстановить равновесие.

Сестра всего пять минут как вернулась и уже пытается меня спасти. *Просто потому, что ты, дура, нуждаешься в спасении.*

Я не хотела этого. Не хотела, никак, ни на столечко, участвовать в этом дерьме от квадранта всадников. И не то чтобы я жаждала смерти. Лучше бы я провалила вступительные экзамены в Басгиат и отправилась прямиком в армию вместе с большинством призывников. Но в тот момент мне важно было знать, что я *могу* справиться со своим рюкзаком, и я *умею* справиться с собой.

– Ох, Вайолет. – Обеспокоенный взгляд карих глаз.

Мира смотрела на меня сверху вниз, сжимая плечи.

– Привет, Мира. – Я почувствовала, как улыбка невольно тронула уголки рта.

Может, наша встреча и станет прощальной, но я все равно была рада впервые за много лет увидеть сестру.

Ее взгляд смягчился, и ее пальцы скользнули по плечам, как будто она собиралась меня... Но тут она отступила в сторону и повернулась ко мне боком, чтобы встать плечом к плечу – против нашей матери.

– Ты не можешь этого сделать.

– Всё уже решено. – Мама пожалала плечами, от этого движения ее приталенная черная форма сначала поползла вверх, потом вернулась на место, облепив фигуру.

Я усмехнулась. Вот тебе и надежда на отсрочку. Впрочем, я и не ждала милосердия от женщины, которая прославилась именно отсутствием оногo.

– Так отмени это всё, – прорычала Мира. – Она всю жизнь готовилась стать писцом. Ее не воспитывали всадницей.

– Да уж, она точно не ты, не так ли, лейтенант Сорренгейл? – Мама уперлась ладонями в безупречную поверхность своего стола и слегка наклонилась вперед, оценивающе глядя на нас.

В ее прищуренных глазах отразились драконы, вырезанные на массивных ножках стульев и диванов. И мне не требовалась запрещенная способность читать мысли, чтобы понять, что именно она видит.

В свои двадцать шесть лет Мира выглядела как молодая версия нашей матери. Высокая, с крепкими мышцами, подтянутыми за годы спаррингов и сотни часов, проведенных на спине дракона. Ее кожа светилась здоровьем, а золотисто-каштановые волосы были коротко подстрижены для боя: в том же стиле, что и у мамы. Но еще больше, чем внешность, их обеих отличали от простых людей высокомерие и непоколебимая уверенность в том, что их место в небе. Мира – всадница до мозга костей.

Она представляла из себя все, чем не являлась я, и неодобрительное покачивание маминoй головы говорило именно об этом. Я была слишком маленькая. Слишком хрупкая. Изгибы под моей одеждой не были мускулами, а предательское тело делало меня неловкой и уязвимой.

Мама направилась к нам, ее начищенные черные сапоги сверкали в магическом свете, что лился из бра. Она ухватила мою длинную косу за кончик и усмехнулась, глядя туда, где на уровне плеч теплый каштановый цвет тускнел и превращался в холодный металлический, серебряный. Потом отбросила ее прочь.

– Бледная кожа, бледные глаза, бледные волосы.

Ее взгляд словно высасывал мою уверенность, проникая глубоко в душу и тело, до самых костей. Но все же я продолжала притворяться, что в порядке, и подняла подбородок, чтобы смотреть ей в глаза.

– Как будто эта проклятая лихорадка украла все краски твоего тела вместе с твоей силой. – В ее глазах мелькнула печаль, и она нахмурила брови. – Я говорила ему не держать тебя в библиотеке.

Я не в первый раз слышала, как она проклинает болезнь, что чуть не убила ее, когда она была беременна мной, или библиотеку, которую отец сделал моим вторым домом, когда семью расквартировали здесь, в Басгиате. Мать – как инструктора всадников, а его – в роли писца.

– Я люблю эту библиотеку, – ответила я.

Прошло уже больше года с тех пор, как сердце отца окончательно отказало, но Архивы все еще оставались единственным местом в этой гигантской крепости, где я чувствовала себя как дома, единственным местом, где я все еще ощущала его присутствие.

– И говорит она словно дочь писца, – тихо сказала мама, и в этот момент я увидела ее – ту самую женщину, какой она бывала, пока папа был жив. Мягче. Добрее... по крайней мере, в отношении близких.

– Я и есть дочь писца.

Моя спина уже буквально вопила от боли, поэтому я позволила рюкзаку соскользнуть с плеч на пол и сделала первый полный вдох с тех пор, как покинула свою комнату.

Мама моргнула, и та самая, мягкая, женщина исчезла, оставив в комнате лишь генерала.

– Ты – дочь всадницы, тебе двадцать лет, и сегодня день призыва. Я разрешила тебе закончить обучение, но, как я уже говорила прошлой весной, я не буду просто так стоять и смотреть, как один из *моих* детей попадает в квадрант писцов, Вайолет.

– Потому что писцы много ниже всадников? – проворчала я, прекрасно зная, что всадники – вершина социальной и военной иерархии. Чему, кстати, сильно способствует то, что их драконы поджаривают людей ради забавы.

– Да! – ее привычное самообладание наконец пошатнулось. – И если ты посмеешь сегодня войти в туннель, ведущий в сторону квадранта писцов, я выдерну тебя оттуда за эту самую нелепую косу и собственными руками поставлю на парাপет.

Мой желудок болезненно сжался.

– Папа бы этого не хотел! – возразила Мира, краснея от ярости, ее шею понемногу тоже заливало алым.

– Я любила твоего отца, но он умер, – ответила мама таким спокойным тоном, как будто сообщала прогноз погоды. – Сомневаюсь, что сейчас он хоть чего-то хочет.

Я со свистом втянула воздух, но удержала рот на замке. Потому что понимала: слова ни к чему не приведут. Она никогда не слушала ничего из того, что я хотела сказать, и сегодня это не изменилось бы.

– Отправить Вайолет в квадрант всадников – это все равно, что подписать ей смертный приговор, – похоже, Мира не считала, что спор окончен.

Она *никогда* не уступала в спорах с мамой, и самое обидное, что мама всегда уважала ее за это. Двойные стандарты – для тех, кто и так в выигрыше.

– Она недостаточно сильна, мама! Она уже сломала руку в этом году, она постоянно получает растяжения, и она недостаточно высока, чтобы оседлать дракона достаточно большого, чтобы тот сохранил ей жизнь в битве.

– Серьезно, Мира? – Что. За. На хрен. Мои ногти впились в ладони, когда я изо всех сил сжала руки в кулаки. Знать, что мои шансы на выживание минимальны, – это одно. А слушать, как сестра бросает в лицо слова о моей никчемности, – совсем другое. – Ты называешь меня *слабой*?

– Нет. – Мира сжала мою руку. – Просто... хрупкой.

– Это ничуть не лучше.

Драконы не привязываются к хрупким женщинам. Они их испепеляют.

– Так, значит, она маленькая.

Мама осмотрела меня с ног до головы, словно оценивая, насколько хорошо сидят кремовая туника с поясом и брюки, которые я выбрала сегодня утром для своей потенциальной казни.

Я фыркнула:

– Теперь мы просто перечисляем мои недостатки?

– Я не говорила, что это недостаток. – Мама повернулась к моей сестре. – Мира, Вайолет за один день испытывает больше боли, чем ты за всю неделю. Если кто-то из моих детей и способен выжить в квадранте всадников, так это она.

Мои брови невольно поползли вверх. Это прозвучало очень похоже на комплимент, но с мамой никогда ни в чем нельзя быть уверенной.

– Сколько новобранцев этого квадранта умирает в день призыва, мама? Сорок? Пятьдесят? Тебе так хочется похоронить еще одного ребенка? – Мира окончательно вспылила.

Я вздрогнула, когда температура в комнате резко упала. Это все мамина штормовая печать, магическая сила, которую она выплеснула, сконцентрировав с помощью Аймсира, своего дракона.

Горло свело при воспоминании о брате. Никто не смел упоминать Бреннана или его дракона за все те пять лет, что прошли с момента их гибели в битве против восстания тирришей на юге. Мама терпела меня и уважала Миру, но по-настоящему любила она лишь Бреннана.

Папа тоже его любил. Боли в груди у него начались сразу после смерти Бреннана.

Мама сжала челюсти, когда она посмотрела на Миру, в глазах ее горела угроза жестокой расправы.

Сестра сглотнула, но все еще держала себя в руках, не отводя глаз.

– Мама, – начала было я. – Она вовсе не имела в виду...

– Убирайтесь. Отсюда. Прочь. Лейтенант. – Мамины слова шипели, словно струйки пара в ледяном воздухе кабинета. – Прочь, пока я не доложила о вашем отсутствии в подразделении без официально одобренного отпуска.

Мира выпрямилась, кивнула, повернулась с военной точностью и без лишних слов направилась к двери, по пути прихватив с пола небольшой рюкзак.

И мы с мамой впервые за несколько месяцев остались наедине.

Ее глаза встретились с моими, она глубоко вдохнула, и в комнате стало немного теплее.

– На вступительных экзаменах ты была среди лучших по баллам за скорость и ловкость. У тебя все получится. У всех Сорренгейлов прекрасно получается.

Она провела тыльной стороной ладони по моей щеке, едва касаясь кожи.

– Так похожа на своего отца, – прошептала она, прежде чем прочистить горло и отступить на несколько шагов.

Да уж, все ее награды получены не за проявление эмоций.

– Я не смогу признавать или афишировать наше родство в течение следующих трех лет, – сказала она, присаживаясь на край стола. – Поскольку, как генерал, командующий Басгиатом, я буду изрядно выше тебя по званию.

– Я знаю. – Это меньшее из того, что меня беспокоило, учитывая, что она едва ли признавала меня и сейчас.

– К тебе не будет никакого особого отношения только потому, что ты моя дочь. Скорее всего, командующие будут третировать тебя даже сильнее, чем остальных, чтобы заставить проявить лучшие качества. – Она приподняла бровь.

– И об этом я тоже знаю. – Хорошо, что я тренировалась с майором Гиллстедом последние несколько месяцев – с тех самых пор, как мама приказала мне это делать.

Она вздохнула и заставила себя улыбнуться.

– Тогда увидимся в Долине, на Молотьбе, кандидатка во всадники. Хотя, полагаю, к закату ты станешь кадетом.

Или *мертвецом*.

Хотя никто из нас этого не сказал.

– Удачи, кандидатка Сорренгейл. – Она вернулась за свой стол, отгородившись им от меня.

– Спасибо, генерал. – Я взвалила рюкзак на плечи и медленно вышла из кабинета.

Охранник закрыл за мной дверь.

– Она окончательно свихнулась, – громко сказала Мира.

Она стояла в центре коридора, аккуратно между двумя охранниками.

– Теперь они доложат ей, что ты так говорила.

– Как будто они сами не знают, – процедила она сквозь стиснутые зубы. – Пойдем. У нас только час до того, как все кандидаты должны явиться. Их там несколько тысяч у ворот, я видела, пока поднималась.

И она быстро зашагала, провожая меня вниз по каменной лестнице и дальше, по переходам – к моей комнате.

Ну... к тому, что раньше было ею.

Всего за тридцать минут отсутствия все мои личные вещи упаковали в ящики, которые теперь стояли в углу. Мой желудок сделал кульбит и, судя по тому, как мне стало паршиво, просто шлепнулся на деревянный пол. Мама... Она просто взяла и упаковала всю мою жизнь.

– Она охренительно эффективна, надо отдать ей должное, – пробормотала Мира, прежде чем повернуться ко мне и окинуть внимательным, оценивающим взглядом. – Я надеялась, что смогу отговорить ее от этого. Ты никогда не была предназначена для квадранта всадников.

– Ты упоминала об этом. – Я приподняла бровь. – Раз или два.

– Прости. – Она поморщилась, присела и начала распаковывать рюкзак.

– Что ты делаешь?

– То, что когда-то Бреннан сделал для меня, – тихо ответила она, и горе холодной ладонью стиснуло мне горло. – Ты умеешь пользоваться мечом?

Я покачала головой:

– Он слишком тяжелый. Зато я довольно сносно управляюсь с кинжалами.

И охренительно быстро, если на то пошло. Молниеносно. Нехватку силы я отлично компенсировала скоростью.

– Поняла. Хорошо. Теперь брось рюкзак и сними эти ужасные ботинки.

Она быстро перебрала принесенные вещи и протянула мне новые сапоги и черную форму.

– Надень это.

– Что не так с моим рюкзаком? – спросила я, но все равно спустила его с плеча.

Она тут же открыла его и распотрошила все, что я тщательно упаковала.

– Мира! Я всю ночь его собирала!

– Он слишком тяжелый, а ботинки могут тебя и убить: с такими гладкими подошвами ты просто соскользнешь с парапета. На всякий случай я заказала для тебя сапоги на резиновом ходу, а сейчас, моя дорогая Вайолет, наихудший «всякий случай» из всех возможных.

Потом по комнате полетели книги, приземляясь рядом с ящиками.

– Эй, я могу взять с собой только то, что смогу утащить на себе! И я хочу тащить именно их!

Я бросилась за следующей книгой, и мой любимый сборник мрачных басен едва удалось спасти, прежде чем Мира успела отшвырнуть его.

– Ты готова умереть за книги? – спросила сестра, и взгляд ее стал жестоким.

– Я смогу нести их!

Всё это было нелепо. Неправильно. Я должна была посвятить жизнь книгам, а не бросать их сейчас в угол, чтобы облегчить рюкзак.

– Нет. Ты не сможешь. Ты едва ли втрое тяжелее рюкзака, ширина парашюта примерно восемнадцать дюймов, высота двести футов над землей, и в последний раз, когда я смотрела на небо, там собирались дождевые тучи. Тебе не дадут отсрочку, не позволят переждать дождь только потому, что мост стал вдруг скользким. Ты упадешь, сестренка. И умрешь. Может, все же послушаешь меня? Или хочешь присоединиться к другим мертвым кандидатам на завтрашней утренней перекличке?

В стоящей передо мной всаднице не было и следа моей старшей сестры. Эта незнакомая женщина выглядела пронзительной, хитрой, почти жестокой. Эта женщина за все три года учебы заработала единственный шрам – от раны, нанесенной ее собственным драконом во время Молотьбы.

– Потому что это все, что от тебя останется. Еще одно надгробие. Еще одно имя, выжженное на камне. Брось книги.

– Эту дал мне папа, – пробормотала я, прижимая книгу к груди.

Может быть, она была детской и несерьезной, просто сборник историй, предостерегающих от соблазнов магии и демонизирующих драконов, – но это все, что у меня оставалось.

Мира вздохнула:

– Это та старая книга сказочек о вредителях-чернокнижниках и их крылатых драконах с двумя лапами? Разве ты не читала ее уже тысячу раз?

– Наверное, больше тысячи, – призналась я. – И кстати, они вейнителы, а не вредители.

– Папа и его аллегории, – задумчиво ответила Мира. – Просто не пытайся использовать силу, не получив связку с драконом, и тогда красноглазые чудовища не будут прятаться у тебя под кроватью. Прятаться в надежде, что когда-нибудь ты проколешься, и тогда они украдут тебя и увезут на своих двулапых драконах, чтобы сделать частью темной армии.

Она достала из рюкзака последнюю книгу – из тех, что я с такой любовью туда складывала, – и протянула мне.

– Оставь книги. Папа тебя не спасет. Он пытался. Я пыталась. Решай, Вайолет. Ты собираешься сдохнуть писцом? Или выжить всадником?

– Какая же ты заноза в заднице!

Я опустила глаза, посмотрела на книги... и выбрала.

Басни я отправила в угол, но другую книгу так и не выпустила из рук, дерзко глядя в лицо сестры.

– Заноза в заднице, которая собирается сохранить тебе жизнь. А эта тебе зачем? – Мира продолжала спорить со мной.

– Чтобы убивать людей. – Я протянула ей томик.

И тут она улыбнулась:

– Хорошо. Ее можешь оставить. А теперь переоденься, пока я разбираюсь с остальным барахлом.

Где-то вдалеке раздался звон колокола. У нас оставалось ровно сорок пять минут.

Я быстро одевалась, чувствуя, что все эти вещи принадлежат кому-то другому. Хотя их явно подгоняли по размеру для меня. Вместо туники я натянула облегающую черную рубашку с длинными рукавами, а свободные брюки заменила на кожаные, плотно обхватившие бедра. Потом Мира помогла мне затянуть поверх рубашки корсет, скроенный в форме жилетки.

– Чтобы ничего не натирало, – пробормотала она.

– Похоже на снаряжение, которое всадники надевают на битву, – должна признать, одежда была крутая, пусть даже я чувствовала себя в ней самозванкой.

В голове билась мысль: *«Боги, это действительно происходит со мной».*

– Именно. Потому что это то, что ты сейчас делаешь. Идешь в бой.

Теперь от ключиц до пупка мое тело охватывал корсет из комбинации кожи и неизвестной мне ткани, обнимая грудь и переходя на плечи. Я провела пальцем по скрытым ножнам, пришитым по диагонали вдоль ребер.

– Для твоих кинжалов.

– У меня только четыре, – я вытащила их из кучи на полу.

– Ты добудешь еще.

Я вставила оружие в ножны, и мои ребра будто сами превратились в оружие. Конструкция была гениальна. Теперь клинки было легко достать, и они не цеплялись за бедра при движении.

Я едва узнавала себя в зеркале. Я выглядела как всадник. Но все еще чувствовала себя писцом.

Спустя несколько минут половина того, что я ранее упаковала, была свалена на ящики. Мира деловито собирала мой рюкзак, выбрасывая все ненужное и почти все сентиментальное, по ходу дела засыпая меня советами о том, как выжить в квадранте. А потом удивила меня, сделав самую сентиментальную вещь на свете: сказала мне сесть между ее коленями, чтобы она могла заплести мне косу вокруг головы.

Как будто я снова была ребенком, а не взрослой женщиной... но я сделала это.

– Из чего он?

Я провела ногтем по материалу корсета чуть выше сердца.

– Моя придумка, – объяснила Мира, больно натягивая волосы, чтобы заплести косу как можно крепче и ближе к голове. – Я сделала эту штуку специально для тебя, вшив сюда чешую Тейна, так что будь аккуратна с ней.

– Чешую дракона? – Я откинула голову назад, чтобы посмотреть на нее. – Как? Тейн такой огромный.

– Я знаю одного всадника, чья сила может делать большие вещи очень маленькими, – на ее губах заиграла коварная улыбка. – А маленькие вещи... намного, намного больше.

Я закатила глаза. Мира всегда была более откровенна в разговорах о своих мужчинах, чем я... о всех своих двоих.

– И? Насколько именно больше?

Она рассмеялась, потом дернула меня за косу.

– Наклонись вперед. Честно говоря, тебе стоило подстричься. – Она подтянула пряди ближе к моей голове и продолжила плести. – Это же помеха в спарринге и в бою, не говоря уже о том, что волосы делают из тебя отличную мишень. Ни у кого больше нет волос, которые вот так высветлены, тебя легко вычислить.

– Ты прекрасно знаешь, что длина ни при чем. Родной пигмент выцветет вне зависимости от того, подстригу я их или нет.

И глаза мои тоже неопределенного цвета, светло-ореховые, отливающие то синевой, то янтарем. Они, кажется, так и не смогли выбрать какой-то один цвет радужки.

– К тому же, вне зависимости от того, что там кто думает про их цвет, волосы – это единственная часть меня, которая абсолютно здорова. И если я их обрежу... Получится, что я наказываю тело за его здоровье, так? Да и вообще я не чувствую необходимости скрывать свою суть.

– Ты и не должна. – Мира потянула меня за косу, заставляя откинуть голову назад, и наши глаза встретились. – Ты самая умная женщина из тех, кого я знаю. Не забывай об этом. Твой мозг – твое главное оружие. Перехитри их, Вайолет. Ты слышишь меня?

Я кивнула, и она ослабила хватку, потом закончила заплетать косу и помогла мне подняться на ноги. Все это время она торопливо говорила, едва делая паузы, чтобы отдышаться, – пыталась разом выложить все свои знания, накопленные за годы тренировок и сражений.

– Будь наблюдательна. Быть тихой и незаметной – это хорошо, но убедись сначала, что ты замечаешь все и всех вокруг и можешь применить это с пользой для себя. Ты читала Кодекс?

– Несколько раз.

Книга правил для квадранта всадников в разы меньше, чем для других подразделений. Наверное, потому что всадникам трудно подчиняться правилам.

– Хорошо. Тогда ты знаешь, что другие курсанты *могут* убить тебя в любой момент, а кадеты-головорезы *точно* попытаются это сделать. Меньше претендентов – больше шансов на Молотьбе. Драконов, желающих связать себя узами, всегда не хватает, а тот, кто достаточно безрассуден, чтобы погибнуть, все равно не достоин дракона.

– Только не во время сна. Нападение на любого кадета во время сна является преступлением и влечет наказание. Статья три...

– Да, но это не значит, что ночью ты в безопасности. Спи в этом, если можешь, – она щелкнула меня по животу, затянутому в корсет.

– Черный цвет, который носят всадники, надо сначала заслужить. Ты уверена, что мне не стоит сегодня быть в своей тунике? – я провела ладонями по коже.

– Ветер на парاپете надует любую свободную ткань, как парус. – Мира протянула мне изрядно полегчавший рюкзак. – Чем плотнее твоя одежда, тем лучше тебе будет там, наверху, и на ринге тоже, когда начнешь спарринг. Носи защиту всегда. И всегда держи кинжалы при себе.

Она показательно ткнула в ножны у себя на бедрах.

– Кто-нибудь обязательно скажет, что я их не заслужила.

– Ты – Сорренгейл, – ответила она, как будто этого достаточно. – Пусть катятся со своими словами.

– И ты не думаешь, что использовать драконью чешую – это жульничать?

– Нет такого понятия, как жульничество, когда ты на парापете. Есть только выживание или смерть. – Снова прозвонил колокол – осталось всего тридцать минут. Мира сглотнула: – Почти пора. Готова?

– Нет.

– Я тоже не была, – язвительная улыбка приподняла уголок ее рта. – А ведь я всю жизнь готовилась к этому.

– Я не собираюсь умирать сегодня.

Я закинула рюкзак на плечо и поняла, что теперь мне дышится немного легче, чем раньше. С ним стало гораздо проще управляться.

Когда мы спускались по лестнице, в помещениях центральной, административной, части крепости царила жуткая тишина. Однако чем ниже, тем громче становился шум снаружи. Глядя в окна, я видела, как тысячи кандидатов обнимают своих близких и прощаются с ними на лужайке прямо под главными воротами. По моим наблюдениям, каждый год большинство родственников держатся за своих кандидатов до последнего удара колокола. Четыре дороги, ведущие к крепости, были забиты лошадьми и повозками, особенно там, где они сходились перед академией. А вот меня, когда я смотрела на пустые проезды вдоль полей, начинало тошнить.

Потому что именно туда сложат трупы.

Перед последним поворотом, ведущим к выходу во двор, Мира остановилась.

– Что та... Оууу.

Она изо всех сил прижала меня к груди и крепко обняла, пользуясь моментом – в коридоре никого не было.

– Я люблю тебя, Вайолет. Помни все, что я тебе говорила. Не становись еще одним именем в списке погибших.

Ее голос дрожал, и я тоже обхватила ее руками, крепко-крепко.

– Со мной все будет в порядке, – пообещала я.

Она кивнула, и ее подбородок ударился о мою макушку.

– Знаю. А теперь идем.

Это все, что она сказала, прежде чем отстраниться и шагнуть на многолюдный двор перед главными воротами крепости. Инструкторы, командиры и даже наша мать уже собрались здесь, пока в неформальной обстановке, ожидая, когда безумие за стенами превратится в порядок внутри. Сегодня через главные ворота в академию не пойдет ни один кадет или кандидат, поскольку у каждого квадранта свой вход и свои помещения. Хотя – проклятье! – у всадников есть собственная цитадель. Претенциозные, самовлюбленные ублюдки.

Я последовала за Мирой, пытаюсь догнать ее за несколько быстрых шагов.

– Найди Даина Аэтоса, – сказала она, пока мы пересекали двор, направляясь к открытым воротам.

– Даина?

Я не могла сдержать улыбку при мысли о том, что снова увижу Даина, даже сердце начало стучать быстрее. Прошел год с тех пор, как мы виделись в последний раз, и я скучала по его теплым карим глазам и по тому, как он смеется... от души, всем существом, будто задействуя каждую частицу тела. Я скучала по нашей дружбе – или по тому, что при благоприятных обстоятельствах могло перерасти в нечто большее. Скучала по тому, как он смотрел на меня, словно я достойна внимания. Мне просто не хватало... его.

– Я, правда, не была в квадранте три года, но, как я слышала, у него все хорошо, он обеспечит твою безопасность. И не улыбайся так, – укоризненно сказала Мира. – Он же будет на втором курсе.

Она погрозила пальцем.

– Не связывайся со второкурсниками. Если захочешь переспать с кем-то, а ты должна... – тут она выразительно подняла брови, – делать это как можно чаще, учитывая, что никогда не знаешь, что будет завтра... То выбирай одногодок. Нет ничего хуже, чем сплетни кадетов о том, что ты обеспечила себе безопасность через постель.

– Значит, я могу пустить в постель кого угодно с первого курса, – сказала я с легкой усмешкой. – Главное, чтобы не со второго или третьего.

– Именно, – подмигнула Мира.

Наконец мы прошли через ворота, покинули крепость и присоединились к хаосу за ее пределами.

Новобранцев на военную службу ежегодно отправляла каждая из шести провинций Наварры. Некоторые прибывали добровольцами. Некоторых приговаривали к этому, в наказание за совершенные преступления. Большинство же призвали в армию. Единственное, что пока объединяло нас здесь, в Басгиате, это то, что мы прошли вступительные испытания – как письменный экзамен, так и испытание ловкости, в успешную сдачу которого я до сих пор не могла поверить, – и это означало, что мы, по крайней мере, не станем пушечным мясом на передовой.

Воздух буквально искрил от напряжения и предвкушения. Мира отвела меня по истертой булыжной дорожке к южной башне. Главное здание академии, пристроенное к горе Басгиат, выглядело, как будто его вырезали из хребта самой скальной гряды. Разросшееся грозное строение возвышалось над толпой встревоженных кандидатов и их родственников с глазами, полными слез. Крепость ухмылялась зубчатыми стенами, возведенными для защиты центрального донжона, и топорщилась орудийными башнями по углам, в одной из которых пряталась колокольня.

Большая часть толпы выстроилась у основания северной башни, у входа в пехотный квадрант. Часть людей направлялась к воротам позади нас – в квадрант целителей, который занимал южную часть академии. Зависть стиснула мою грудь, когда я заметила, как несколько человек

идут по центральному туннелю в архивы, расположенные в подвальных залах крепости, чтобы стать писцами.

Вход в квадрант всадников, как и вход для пехоты на севере, представлял собой укрепленную дверь в основании башни. Но если кандидаты в пехоту могли пройти прямо в свой квадрант на уровне земли, то кандидатам во всадники придется *подниматься*.

Мы с Мирой присоединились к очереди кандидатов во всадники, ожидая регистрации, и тут я совершила ошибку, посмотрев наверх.

Главное здание академии и грозную цитадель квадранта всадников на южной линии хребта разделяло ущелье, по дну которого текла река. Высоко над нами, переброшенный через это ущелье, протянулся каменный мост. Парапет. Спустя несколько часов он отделит кадетов от кандидатов во всадники.

И я просто не могла поверить, что сумею его перейти.

– Подумать только, все эти годы я изводила стопки бумаг, готовясь стать писцом, – мой голос просто сочился сарказмом. – А стоило бы все это время кувыряться на бревне.

Однако Мира проигнорировала меня, глядя, как очередь движется вперед и кандидаты один за другим исчезают в дверях.

– Не позволяй ветру пошатнуть тебя, когда делаешь шаг. Держи равновесие.

Тем временем впереди разворачивалась трагедия. Передо мной стояли два кандидата: и женщина – видимо, мать – горько рыдала, цепляясь за одного из них. Затем муж силой оторвал ее от парня и вытащил из очереди, после чего они – оба в слезах – зашагали вниз по склону холма. Туда, где вдоль дороги толпились родные и близкие новобранцев.

А перед нами остались только кандидаты, всего несколько десятков. Очередь быстро продвигалась к столам регистраторов.

– Гляди на камни перед собой и не смотри вниз, – продолжила Мира, и лицо ее сковала напряженная маска, сделав все линии жестче. – Руки раскинь в стороны, для равновесия. Если рюкзак начнет соскальзывать – брось его. Лучше пусть он упадет, чем ты.

Я оглянулась назад, где, кажется, только за последние несколько минут собрались сотни людей.

– Может, стоит пропустить их вперед? – прошептала я, чувствуя, как паника сжимает сердце. Проклятье, что я вообще делаю?

– Нет, – ответила Мира. – Чем дольше ты будешь ждать на этих ступеньках, – она показала в сторону башни, – тем больше у твоего страха будет шансов вырасти и окрепнуть. Пройди парапет, пока ужас полностью не овладел тобой.

Очередь продолжала двигаться, и снова раздался звон колокола. Было уже восемь часов.

К этому моменту многотысячная толпа позади нас полностью разделилась по выбранным квадрантам, и все уже выстроились, чтобы расписаться в ведомости и начать службу.

– Сосредоточься, – рявкнула Мира, и я судорожно кивнула в ответ. – Это может прозвучать жестоко, но не ищи там дружбы, Вайолет. Создавай союзы.

Теперь впереди нас остались только двое. Одна – девушка с набитой сумкой. Ее высокие скулы и овальное лицо напомнили мне Амари, королеву богов. Темно-каштановые волосы были заплетены в несколько рядов коротких косичек, которые едва доставали до середины такой же темной шеи. Второй – мускулистый блондин, тот, по которому плакала мать. Он тащил рюкзак, который был намного больше моего.

Я посмотрела поверх их голов, разглядывая стол регистрации, и широко распахнула глаза от удивления.

– Он, что?... – прошептала я.

Мира проследила за моим взглядом и сдавленно выругалась.

– Ребенок отступника? Да. Видишь мерцающую метку, которая начинается на верхней части его запястья? Это след со времен восстания.

Я удивленно подняла брови. Единственные следы, о которых я когда-либо слышала, возникали на коже, если дракон использовал магию, нанося метку на кожу своего всадника. Но эти следы – символ чести и власти, и обычно они имели форму дракона, того, что их подарил. А метка, на которую я сейчас смотрела – закручивающийся вихрь шрамов, – больше походила на грозное предупреждение, чем на славное признание.

– Это сделал дракон? – шепнула я.

Мира кивнула:

– Мама говорит, что дракон генерала Мельгрена сделал это со всеми детьми, когда казнил их родителей. Она не любит говорить на эту тему. Нет ничего лучше, чем наказать детей, чтобы удержать их родных от предательства.

Это казалось... жестоким, но первое правило жизни в Басгиате – никогда не задавать вопросов дракону. Они были склонны кремивать любого, кто покажется им грубым.

– Большинство детей, которые носят метки отступников, конечно, из Тиррендора, но несколько семей из других провинций тоже оказались предателями...

Тут кровь отхлынула от лица Миры, и она резко ухватила за лямки рюкзака, поворачивая меня к себе лицом и притягивая как можно ближе.

– Только сейчас вспомнила, – ее голос превратился почти в шепот, и я шагнула ближе, чувствуя, как подпрыгивает сердце – слишком уж серьезным тоном она говорила. – Держись подальше от Ксейдена Риорсона.

Воздух резко вырвался из моих легких. Это имя...

– Того самого Ксейдена Риорсона, – подтвердила Мира, и теперь во взгляде ее сквозил страх. – Он на третьем курсе, и он убьет тебя, как только узнает, кто ты.

– Но ведь его отец был Великим Предателем. Он *возглавлял* восстание, – тихо ответила я. – Что Ксейден тут вообще делает?

– Всех детей командиров призвали в армию в наказание за преступления их родителей, – продолжала шептать Мира, а очередь несла нас все ближе к столам. – Мама рассказала мне: они не ожидали, что Риорсон преодолеет парашют. Тогда они решили, что один из кадетов убьет его во время Молотбы, но, когда дракон выбрал его... – она покачала головой. – Ну, дальше уже ничего нельзя было поделать. В итоге он поднялся до командира крыла.

– Да что за бред, – прорычала я.

– Он присягнул на верность Наварре, но я не думаю, что это остановит его, если речь пойдет о тебе. Поэтому, как только переберешься через парашют – а ты *переберешься*, – найди Даина. Он возьмет тебя в свой отряд, и, будем надеяться, ты окажешься от Риорсона подальше.

Мира все сильнее тянула меня за лямки рюкзака, сжимая их в кулаках.

– Держись. От него. Подальше.

– Принято к сведению, – кивнула я.

– Следующий, – раздался голос из-за деревянного стола, на котором были ворохом свалены ведомости квадранта всадников.

Меченый всадник, которого сегодня я увидела впервые, сидел бок о бок с хорошо знакомым мне писцом. Седые брови капитана Фитцгиббонса высоко поднялись, обветренное лицо выражало явное удивление, когда он спросил:

– Вайолет Сорренгейл?

Я кивнула, взяла перо и быстро вписала свое имя в ведомость, заняв пустую строку.

– Но я думал, что ты собиралась в квадрант писцов, – мягко проговорил капитан Фитцгиббонс.

В этот момент я страшно завидовала его кителю кремового цвета, но не могла подобрать слов, чтобы ответить.

– Генерал Сорренгейл решила иначе, – сообщила Мира.

Печаль наполнила глаза старика.

– Жаль. Ты подавала такие надежды...

– Клянусь богами, – воскликнул всадник рядом с капитаном Фитцгиббонсом. – Вы – Мира Сорренгейл?

У него отпала челюсть, и я натурально почувствовала запах его восхищения через весь стол.

– Да, – кивнула Мира. – Это моя сестра, Вайолет. Она будет первокурсницей.

– Если выживет на парашюте, – хмыкнул кто-то позади меня. – Ветер может просто сдуть ее.

– Вы сражались в Страйтморе, – с трепетом проговорил всадник за столом. – И получили орден Талона за то, что уничтожили батарею в тылу врага.

Смешки позади тут же прекратились.

– Как я и говорила, – Мира положила руку мне на плечо, – это моя сестра Вайолет.

– Вы знаете дорогу? – капитан кивнул и указал на открытую дверь, ведущую в недра оружейной башни.

Там было ужасно темно, и я с трудом сдержала желание бежать прочь отсюда.

– Я знаю дорогу, – заверила его Мира и увлекла меня подальше от стола, чтобы хмыкающий засранец позади смог расписаться в ведомости.

Мы остановились в дверях и повернулись друг к другу.

– Не умирай, Вайолет. Не хочется стать единственным ребенком, – Мира ухмыльнулась и направилась прочь, вдоль очереди из восхищенно глазающих кандидатов.

Слухи о ней и ее подвигах уже явно дошли до них.

– Круто дослужиться до такого, – гулко прозвучал голос девушки впереди.

Она уже зашла в башню.

– Угу, – согласилась я, вцепилась в лямки рюкзака и шагнула в темноту. Однако глаза быстро привыкли к тусклому свету, проникающему сюда через окна, расположенные вдоль изогнутой лестницы на равном расстоянии друг от друга.

– Сорренгейл как?.. – спросила девушка, оглянувшись через плечо, когда мы начали карабкаться вверх по сотне ступенек, ведущих к возможной смерти.

– Ага.

Здесь не было перил, поэтому я держалась рукой за каменную стену, пока мы поднимались все выше и выше.

– Генерал? – спросил блондин впереди нас.

– Она самая, – ответила я, коротко улыбаясь ему.

Тот, кого мать *совсем не* не хотела отпускать, не может быть *таким уж* плохим, верно?

– Ух ты. И кожа отличная, – он улыбнулся в ответ.

– Спасибо. Это подарок от моей сестры.

– Интересно, сколько кандидатов свалились с лестницы и умерли, даже не дойдя до парашюта, – проговорила девушка, глядя в центр закручивающейся лестницы, а мы всё шагали вверх.

– Двое в прошлом году. – Когда она посмотрела на меня, я качнула головой. – Или трое, если считать девчонку, на которую приземлился один из парней.

В карих глазах девушки промелькнуло настороженное выражение, но она тут же развернулась и продолжила подниматься.

– Сколько здесь ступенек? – спросила она через некоторое время.

– Двести пятьдесят, – ответила я, и мы шли в тишине еще около пяти минут.

– Не так уж все и плохо, – сказала она, широко улыбнувшись, когда мы приблизились к вершине, и кандидаты впереди замедлили шаг. – Кстати, я Рианнон Маттиас.

– Дилан, – отозвался блондин и приветливо махнул рукой.

– Вайолет, – я одарила их напряженной улыбкой, откровенно игнорируя совет Миры всеми силами избегать дружбы и создавать только союзы.

– Кажется, я всю жизнь ждал этого дня, – Дилан поправил рюкзак на спине. – Ты веришь, что мы действительно сможем сделать это? Это же мечта, ставшая явью!

Естественно, все остальные кандидаты, кроме меня, рады были попасть сюда. Это единственный квадрант в Басгиате, который не принимал призывников, в него брали только добровольцев.

– Я, блядь, не могу дождаться, – улыбка Рианнон стала еще шире. – Кто бы не хотел оседлать дракона?

Я, например. В теории-то, конечно, звучало весело. А вот на практике мизерные шансы дожить до конца обучения вызывали у меня раздражение. Легкое раздражение.

– Твои родители одобряют? – спросил Дилан. – Потому что моя мама несколько месяцев подряд умоляла меня передумать. Я все твержу ей, что у меня будет больше шансов на лучшую жизнь в качестве всадника, но она хотела, чтобы я поступил в квадрант целителей.

– Мои всегда знали, что я хочу этого, поэтому они меня очень поддерживали. Кроме того, у них осталась моя сестра, близняшка, в которой они души не чают. Мечта Рейган уже исполнилась, она замужем и ждет ребенка, – Рианнон оглянулась на меня. – А как насчет тебя? Дай угадаю. С таким именем, могу поспорить, в этом году ты заявила первой.

– Скорее, это меня заявили. – В моем голосе было гораздо меньше энтузиазма, чем в ее.

– Хм, ясно.

– Кстати, всадники и вправду получают куда больше льгот, чем другие офицеры, – сказала я Дилану, когда очередь снова двинулась вверх.

Тем временем меня догнал тот самый кандидат – любитель похмыкать, – вспотевший и красный. *Глядите-ка, похоже, теперь кому-то уже не так смешно.*

– Им лучше платят, и с униформой не так жестко, – продолжила я.

Всем наплевать, что носят всадники, лишь бы одежда была черной. Единственные правила, которые применимы к всадникам, это те, что я запомнила из Кодекса.

– И право называть себя крутыми ублюдками, – добавила Рианнон.

– И это тоже, – согласилась я. – Почти уверена, что самомнение выдают вместе с летными шмотками.

– А еще я слышал, что всадникам разрешено жениться раньше, чем другим военным, – добавил Дилан.

– Ага. Сразу после выпуска. – *Если мы выживем.* – Думаю, это как-то связано с желанием продолжить династию.

Большинство успешных всадников продолжают семейное дело.

– Или потому что мы умираем раньше, чем другие воины, – задумчиво проговорила Рианнон.

– Я не умру, – заявил Дилан с гораздо большей уверенностью, чем я ощущала в себе. И вытащил из-за ворота туники цепочку, чтобы показать нам кольцо, висевшее на ней. – Она сказала, что делать предложение до отъезда – это плохая примета, так что мы подождем до выпускного.

Он поцеловал кольцо и отправил его обратно под тунику.

– Следующие три года будут долгими, но они того стоят.

Я сдержала вздох, хотя это, возможно, самая романтичная вещь из всех, что я когда-либо слышала.

– Можно сократить ожидание, – усмехнулся парень позади нас. – Если прыгнуть с парашюта, то до дна ущелья рукой подать.

Я молча закатила глаза.

– Заткнись и думай за себя, – огрызнулась Рианнон.

Мы снова поднимались, и ее каблуки звонко шелкали по камню на каждом шагу.

Наконец показался выход – дверной проем, наполненный мутным светом. Мира была права. Облака собирались обрушить на нас стену дождя, и мы должны оказаться на другой стороне до того, как хляби разверзнутся.

Шаг, еще шаг. Подошвы Рианнон все так же стучали.

– Покажи мне подошвы, – тихо проговорила я, так, чтобы не услышал придурок позади.

Она вздернула бровь, и в ее карих глазах появилось замешательство, но через мгновение она все же показала мне подошвы. Гладкие, точно такие же, как те, что были на сапогах, которые я хотела надеть сегодня с утра. В желудке потяжелело, будто я проглотила камень.

Очередь снова начала двигаться, и в следующий раз мы остановились уже почти у самого выхода.

– Какой у тебя размер ноги? – спросила я.

– Что? – Рианнон растерянно моргнула.

– Твои ноги. Какой у них размер?

– Восьмой, – ответила она, и две морщинки нарисовались между ее бровями.

– У меня седьмой, – быстро сказала я. – Это будет очень больно, но я хочу, чтобы ты взяла мой левый сапог. – Потому что в правом у меня кинжал. – Поменяйся со мной.

– Не поняла.

Она посмотрела на меня так, будто я сошла с ума, и возможно, так оно и было.

– Это сапоги всадника. У них лучше сцепление с камнем. Ты обдерешь и в хлам собьешь пальцы на ноге, но, по крайней мере, у тебя появится шанс не упасть, если пойдет дождь.

Рианнон посмотрела в открытую дверь на темнеющее небо, а затем снова на меня:

– Ты готова поменяться сапогами?

– На той стороне махнемся обратно.

Я тоже заглянула в открытую дверь. Три кандидата уже шли по парапету, широко раскинув руки.

– Но надо быстро. Уже почти наша очередь.

Рианнон на секунду поджала губы, как будто хотела поспорить, но потом согласилась, и мы поменялись левыми сапогами. Я едва успела затянуть шнуровку, как очередь снова начала двигаться, и парень, стоявший сзади, толкнул меня в спину. В итоге я пошатнулась и вылетела на открытый воздух.

– Давай уже шевелись. Некоторым есть чем заняться на той стороне.

Его голос словно оборвал мои последние нервы. Из тех, что еще остались.

– Так, успокойся, еще не хватало силы на него тратить, – пробормотала я, восстанавливая равновесие.

Ветер хлестал по щекам, а утренний летний воздух был густо напитан влагой. *Хорошая идея насчет косы, Мира.*

На верхней площадке башни было пусто. Каменные зубцы доставали мне примерно до груди и никак не заслоняли открывающийся вид. Ущелье и река внизу внезапно показались очень, очень далекими. Сколько пустых повозок ждут там, внизу? Пять? Шесть? Я знала статистику. На парапете отсеивалось примерно пятнадцать процентов кандидатов во всадники. Каждое испытание здесь, включая это, было предназначено для проверки способности кадета ездить верхом. Если кто-то не может прогуляться с ветерком по тонкому каменному мосту, то он уж точно не сумеет удерживать равновесие и сражаться на спине дракона.

Что же касается показателя смертности – половина всадников считала, что риск стоит славы, а вторая половина самонадеянно думала, что уж они-то точно не упадут.

Я же не относилась ни к тем, ни к другим.

Тошнота заставила меня согнуться, прижав ладонь к животу, я осторожно вдыхала через нос и выдыхала через рот, идя по краю площадки вслед за Рианнон и Диланом и ведя кончиками пальцев по каменной кладке. Парапет был все ближе.

Три всадника ждали у входа на мост, который представлял собой просто зияющую дыру в ограждении башни. Один, с оборванными рукавами, записывал имена тех, кто уже ступил на коварный парапет. Другой – с узким ирокезом по центру бритого черепа – давал инструкции Дилану. Тот готовился выступить, похлопывая себя по груди, словно спрятанное за пазухой кольцо могло принести удачу. Я надеялась, что так и будет.

Третий повернулся ко мне, и мое сердце просто... остановилось.

Он был высокий, с развевающимися на ветру черными волосами и темными бровями. Смуглая кожа теплого оттенка, сильная линия челюсти, тронутая щетиной. Когда он сложил руки на груди, мышцы на его торсе и предплечьях задвигались так, что я невольно сглотнула. А его глаза... Его глаза были цвета золотистого оникса. Контраст поразительный, у меня даже челюсть свело – все в нем поражало просто навывет. Черты его сурового лица казались высеченными из камня, и в то же время они были поразительно совершенны, словно творец работал над его скульптурой всю жизнь... И по меньшей мере год ушел на то, чтобы создать идеальный рот.

Он самый роскошный мужчина, которого я когда-либо видела.

А я, живя в военной академии, видела *много* мужчин.

Даже шрам, рассекающий его левую бровь по диагонали до самой скулы, делал его только горячее. Пламенно-горячим. Обжигающе. Горячим до уровня ты-попала-детка-и-тебе-это-по-вкусу. Как-то внезапно я забыла, почему Мира запрещала мне трахаться с парнями с других курсов.

– Увидимся на другой стороне! – бросил Дилан через плечо с взбудораженной ухмылкой, прежде чем ступить на парапет, широко раскинув руки.

– Готов принимать следующего, Риорсон? – спросил всадник с оборванными рукавами.

Ксейден Риорсон?

– Готова, Сорренгейл? – спросила меня Рианнон, шагнув вперед.

Черноволосый всадник перевел взгляд на меня, развернувшись всем телом, и мое сердце зашлось. Метка отступников, изгибаясь в форме торнадо, начиналась на его обнаженном левом запястье, затем исчезала под черной униформой, чтобы снова появиться у воротника, где она вихрем взлетала по шее, останавливаясь лишь у линии челюсти.

– Вот дерьмо, – прошептала я, и его глаза сузились, будто он услышал эти слова за воем ветра, который рвал волосы из моей туго затянутой косы.

– Сорренгейл? – он сделал шаг ко мне, и я закинула голову, чтобы поглядеть на него вверх... и еще выше.

Боги милостивые, я даже не доставала ему до ключицы. Он был огромен. Выше шести футов – как минимум на четыре дюйма.

Я тут же почувствовала себя именно такой, как обо мне говорила Мира. Хрупкой. Однако я кивнула, и в сияющий оникс его глаз просочилась холодная, неприкрытая ненависть. Я почти ощутила его на языке, этот вкус ненависти, исходивший от Ксейдена, словно флер горького одеколona.

– Вайолет? – повторила Рианнон, продолжая двигаться вперед.

– Ты – младшая генерала Сорренгейл, – его глубокий голос звучал обвиняюще.

– Ты – сын Фена Риорсона, – ответила я, и уверенность, подаренная этим откровением, словно осела в глубине моих костей.

Я вздернула подбородок и изо всех сил напрягла мышцы, чтобы не задрожать.

«Он убьет тебя, как только узнает, кто ты».

Слова Миры набатом зазвучали у меня в голове, страх застрял в горле. Он собирается бросить меня через край. Он подхватит меня и сбросит прямо с этой башни. У меня никогда не будет возможности даже подойти к парапету. Я умру именно той, кем меня всегда называла мать, – слабачкой.

Ксейден сделал глубокий медленный вдох, и мышцы у него на шее закаменели.

Один вдох.

Второй.

– Твоя мать схватила моего отца и проследила, чтобы его казнили.

Стоп. Как будто только у него было право ненавидеть? Ярость забурилась в венах.

– Твой отец убил моего старшего брата. Похоже, мы в расчете.

– Едва ли.

Его пристальный взгляд пробежал по мне, словно он запоминал каждую деталь или выискивал малейшую слабость.

– Твоя сестра – всадница. Думаю, этим можно объяснить кожаную одежду.

– Думаю, да.

Я выдерживала его взгляд так, будто победа в этом соревновании обеспечила бы мне сам вход в квадрант, а не всего лишь допуск к парапету. Как бы то ни было, я перейду на ту сторону. Мира не должна потерять и брата, и сестру.

Руки Ксейдена сжались в кулаки, он напрягся всем телом.

Я приготовилась к удару. Он может сбросить меня с башни, но я не собиралась облегчать ему эту задачу.

– Ты в порядке? – спросила Рианнон, переводя взгляд с меня на Ксейдена.

Он посмотрел на нее:

– Вы друзья?

– Мы познакомились на лестнице, – ответила она, расправляя плечи.

Он перевел взгляд вниз, заметил наши несовпадающие сапоги, и поднял бровь. Потом разжал кулаки:

– Интересно.

– Собираешься убить меня? – я подняла подбородок еще на дюйм.

Взгляд Риорсона снова столкнулся с моим, и тут небо разверзлось и дождь обрушился стеной, за считанные секунды вымочив мои волосы, кожаный костюм и камни вокруг нас.

Тут в воздухе зазвенел крик, и мы с Рианнон обе взглянули на парапет... Как раз в тот момент, когда Дилан поскользнулся.

Я задохнулась, сердце закувыркалось где-то у горла.

Дилан сумел уцепиться руками за камни и попытался подтянуться, его ноги беспомощно дергались, пытаясь нашарить опору, которой не было.

– Подтягивайся, Дилан! – закричала Рианнон.

– О боги!

Я закрыла рот ладонью – как раз тогда, когда пальцы Дилана соскользнули с мокрого камня, и он упал, быстро исчезнув из вида. Ветер и дождь украли любые звуки, которые его тело могло бы издать, рухнув в ущелье внизу. И мой крик они тоже украли.

Ксейден не сводил с меня глаз и молча наблюдал. И взгляд его я не смогла истолковать. В моем же не было ничего, кроме ужаса.

– Зачем тратить силы на то, чтобы убить тебя, если парапет сделает это за меня? – злая улыбка искривила его губы. – Твоя очередь.

Глава 2

Существует ошибочное мнение, будто в квадранте всадников принято действовать в рамках стратегии «убей или будешь убит». На самом деле всадники не убивают других кадетов... если только в этом году нет нехватки драконов или кадет не является помехой для их крыла.

Тогда все может стать... интересным.

Майор Афендра. Руководство для драконьих всадников (запрещенное издание)

Я не умру.

Я мысленно повторяла эти слова, как заклинание, пока Рианнон называла свое имя всаднику, что вел счет кадетам возле отверстия в стене. Того самого, за которым начинался парапет. Ненависть во взгляде Ксейдена была такой жаркой, что обжигала мое лицо, словно пламя. И даже дождь, который хлестал кожу все сильнее с каждым порывом ветра, не мог унять этот жар – и вместе с ним дрожь ужаса, что раз за разом пробегала по позвоночнику.

Дилан был мертв. Он превратился в имя, всего лишь очередное имя, которое высекут на могильном камне, одно из имен на бесконечном кладбище, окаймляющем дорогу в Басгиат. Лишнее предупреждение для тех амбициозных кандидатов, что предпочитали рискнуть жизнью ради шанса стать всадниками – вместо того, чтобы попытаться счастье в любом другом квадранте. Теперь я поняла, почему Мира советовала не заводить друзей.

Рианнон обеими руками схватила за каменные зубцы, оглянулась и посмотрела на меня через плечо.

– Буду ждать тебя на той стороне! – крикнула она.

Свист ветра заглушил ее слова, в ее глазах словно отражался мой собственный ужас.

– Увидимся на той стороне, – кивнула я и даже умудрилась улыбнуться в ответ.

Она шагнула на парапет и пошла. И пусть я была уверена в том, что сегодня у Зинхала, бога удачи, дел выше крыши, все равно прошептала ему беззвучную мольбу. Пусть она дойдет. Пожалуйста.

– Имя? – спросил всадник у выхода.

Его напарник растянул плащ над свитком в довольно бессмысленной попытке сохранить бумагу сухой.

– Вайолет Сорренгейл, – когда я отвечала, прямо над головой прогремел гром, и звук этот странным образом меня успокоил.

Всегда любила ночи, когда гроза билась в окна крепости, ярко высвечивая одни книги и погружая в тень другие, в обнимку с которыми я дремала. И сейчас я вспомнила об этом теплом чувстве... пусть даже сегодняшней ливень мог стоять мне жизни. Быстро взглянув

на свиток, я увидела, как имена Дилана и Рианнон уже расплываются – в тех местах, где капли воды попали на бумагу. Что же, это был последний раз, когда имя Дилана будет написано где бы то ни было, кроме камня на его могиле. А на другом конце парашюта ждал еще один свиток... Надо же писцам вести свою любимую статистику потерь. В другой жизни я сама стала бы одной из тех, кто изучает и записывает данные для истории.

– Сорренгейл? – Всадник поднял на меня глаза, вздернув брови от удивления. – Пишется, как фамилия генерала Сорренгейл?

– Именно так.

Это все мне уже изрядно надоело, а дальше будет только хуже. Невозможно избежать сравнений с матерью – с учетом того, что она здесь командует. Более того, все, вероятно, думали, что я одарена от природы и буду отличной всадницей, как Мира, или блестящим стратегом – каким был Бреннан. Или же они, взглянув на меня, поймут, что я ничто в сравнении с теми тремя, и объявят сезон охоты на Вайолет.

Я положила ладони на зубцы ограждения и провела кончиками пальцев по камню. Еще теплый от утреннего солнца, он быстро остывал под дождем. Мокрый, но нескользкий – хорошо, что тут не рос мох.

Впереди Рианнон двигалась через пропасть, раскинув руки для равновесия. Она прошла уже, наверное, четверть пути, и ее фигура становилась все более размытой за пеленой дождя, по мере того как она удалялась от меня.

– А я думал, что у нее только одна дочь, – с сомнением пробормотал второй всадник, поправляя плащ, – на нас налетел очередной порыв ветра.

Ограждение хоть немного, но защищало, и если уж здесь дуло так сильно, то на парашюте меня ждали большие проблемы.

– Так многие думают.

Втягивая воздух через нос и выпуская через рот, я заставила дыхание успокоиться, а пульс замедлиться. Потому что понимала: если буду паниковать, я умру. Если поскользнусь, я умру. Если... О, ну на хрен. Я больше ничего не могла сделать, чтобы подготовиться ко всему этому дерьму.

Я сделала всего один маленький шаг по парашюту и тут же снова ухватила за каменную стену, когда очередной порыв ветра развернул меня боком к проходу и чуть не скинул вниз.

– Что, ты и вправду думаешь, что сможешь ездить верхом? – расхохотался тот говнюк, который шел за мной. – Какая из тебя Сорренгейл, совсем балансировать не умеешь. Ох, как жаль то крыло, в которое ты попадешь.

Тем временем я восстановила равновесие и подтянула лямки рюкзака.

– Имя? – снова спросил всадник, но я понимала, что он уже обращается не ко мне.

– Джек Барлоу, – раздалось позади. – Запомни это имя. Когда-нибудь я стану командиром крыла.

В тоне его явственно звучало высокомерие.

– Тебе лучше поспешить, Сорренгейл, – приказал глубокий голос.

Ксейден.

Я оглянулась через плечо и поймала его пристальный взгляд.

– А может, тебе нужна мотивация? – Джек рванул вперед с вытянутыми руками.

Вот проклятье, он что, хочет меня столкнуть?

Страх волной прокатился по венам, я двинулась вперед, покинув безопасное место между зубцами ограждения, и забралась на парашют. Теперь назад дороги не было.

Мое сердце билось так сильно, что я слышала в ушах грохот, похожий на бой барабана.

Смотри только на камни впереди, не смотри вниз.

Совет Миры эхом звучал в голове, но мне трудно было прислушиваться к нему, когда любое движение могло стать последним. Я широко раскинула руки для равновесия и пошла

вперед крошечными шажочками, как во время тренировок с майором Гиллстедом во дворе крепости. Вот только ветер, дождь и перспектива падения с высоты в двести футов явно демонстрировали, что это уже не тренировка. Камни под ногами лежали неровно, на стыках, скрепленных раствором извести, было легко споткнуться, и я сконцентрировалась на пути впереди, чтобы не смотреть на собственные сапоги. А еще напрягла мышцы и сосредоточилась на том, чтобы держаться вертикально и контролировать центр тяжести.

Перед глазами все плыло, пульс скакал в сумасшедшем ритме.

Спокойствие. Я должна была оставаться спокойной.

Пусть я не могла насвистеть какую-нибудь мелодию, чтобы отвлечься, или напеть хоть что-то в силу отсутствия слуха, зато... зато я знала, как работают ученые. Нигде не найдешь такого спокойствия, как в архивах, вот о чем я подумала. Факты. Логика. История.

Твой разум уже знает ответ, так что просто успокойся и дай ему вспомнить. Так всегда говорил мне папа. И теперь я нуждалась в чем-то, что не даст логично мыслящей части мозга развернуть тело и отправить его обратно к башне.

– Континент есть дом для двух королевств, и мы воюем вот уже четыреста лет, – произнесла я, озвучивая основные, самые базовые данные, которые крепко вдолбили мне в голову, чтобы легко вспомнить их во время экзамена на должность писца. Шаг за шагом я двигалась по парапету. – Наварра, мой дом, является более крупным королевством, с шестью отдельными провинциями. Тиррендор, наша самая южная и самая большая провинция, граничит с провинцией Кровла в королевстве Поромиэль.

Каждое слово успокаивало дыхание и выравнивало пульс, ослабляя головокружение.

– На востоке лежат остальные две провинции Поромиэль – Брайевик и Сигнисен, а естественной границей между ними и нашими землями служат горы Эсбен. – Я перешагнула линию, нарисованную на камнях. Ту самую, что обозначала половину пути. Значит, сейчас я была на самой верхней точке парапета... но я запретила себе думать об этом. Главное, не смотреть вниз. – За Кровлой, за вражескими территориями, далеко-далеко расположены Пустоши, кото...

Тут раздался раскат грома, порыв ветра ударил в бок, и я взмахнула руками:

– Блядь!

Тело качнуло влево, и я упала на парапет, ухватила за края и прикинула к камням, чтобы не потерять опору и чтобы ветру, что завывал над головой и внизу, справа и слева, было сложнее сдвинуть меня с места. В желудке забурлило, и я почувствовала, как дыхание становится все более частым и поверхностным – паника пронзила мое тело, словно острие ножа.

– Что касается Наварры, то Тиррендор стал последней из пограничных провинций, присоединившихся к альянсу и присягнувших на верность королю Реджинальду! – закричала я навстречу ветру, убеждая разум в том, что нужно двигаться, чтобы ужас не парализовал меня, заставляя прирасти к камням. – Он также был единственной провинцией, которая попыталась отделиться шестьсот двадцать семь лет спустя, что в конечном итоге оставило бы наше королевство беззащитным, если бы Тиррендору это удалось.

Рианнон все еще виднелась впереди, – кажется, на отметке в три четверти пути. Хорошо. Она заслуживала того, чтобы дойти.

– Королевство Поромиэль в основном состоит из пахотных равнин и болот и известно удивительными тканями, бесконечными полями зерновых и уникальными драгоценными камнями, способными усиливать малую магию. – Я бросила быстрый взгляд на темные облака над головой, прежде чем двинуться вперед, осторожно ставя одну ногу перед другой. – В то время как горные районы Наварры предлагают изобилие руды, крепкую древесину из восточных провинций, а также огромные стада оленей и лосей.

Мой следующий шаг сбил вниз пару кусков извести, и я остановилась, осторожно двигая руками, чтобы восстановить равновесие. Сглотнула, убедилась, что вернула устойчивость, и снова двинулась вперед.

– Торговый договор Рессона, подписанный более двухсот лет назад, обеспечивает обмен мяса и пиломатериалов из Наварры на ткани и сельскохозяйственную продукцию Поромиэля четыре раза в год на заставе Альдебаин на границе Кровлы и Тиррендора.

Отсюда уже хорошо был виден квадрант всадников. Массивные опорные колонны цитадели примыкали к горному склону; их венчало строение, в котором, насколько я знала, завершится мой путь по парапету. Если я сумею туда добраться, конечно. Наклонившись к кожаному наплечнику, чтобы смахнуть капли с лица, я оглянулась, чтобы посмотреть, как там Джек.

Он замер на отметке, обозначающей четверть пути, вся его коренастая фигура была абсолютно неподвижна... как будто он чего-то ждал. Руки плотно прижаты к бокам. Похоже, ветер вообще не беспокоил этого гребаного ублюдка. На секунду мне показалось, что Джек улыбается, но, может, я просто неверно разглядела – из-за капель дождя, которые то и дело попадали в глаза.

Я не могла больше оставаться на месте. Если я хотела увидеть следующий восход солнца, я должна была продолжать идти. Нельзя позволять страху управлять телом. Поэтому я напрягла мышцы ног и пресса, чтобы сохранить равновесие, медленно разжала пальцы и поднялась.

Руки в стороны. Иди.

Мне нужно было пройти как можно дальше до следующего порыва ветра.

Я снова оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, где Джек, и кровь в жилах тут же превратилась в лед. От ужаса.

Этот мерзавец повернулся ко мне спиной и стоял лицом к следующему кандидату, который, опасно шатаясь, приближался к нему. Джек схватил неуклюжего парня за лямки набитого рюкзака и – тут у меня от шока мышцы свело судорогой – сбросил несчастного тощего неудачника с парашюта, словно мешок с зерном.

Короткий вскрик достиг моих ушей, а потом стих, когда парень исчез из виду.

Вот дерьмо.

– Ты следующая, Сорренгейл! – закричал Джек, я отвела взгляд от пропасти и увидела, что говнюк указывает на меня и рот его кривится в злобной ухмылке.

А потом он пошел... пошел ко мне, и шаги его сжирали расстояние между нами с пугающей скоростью.

Двигайся. Сейчас же.

– Тиррендор охватывает весь юго-запад континента, – бормотала я. Ноги двигались равномерно, но дергано – из-за страха перед скользкой, узкой дорогой, и в начале каждого шага левая подошва чуть проскальзывала. – Местность, составляющая его, неприветливая и гористая, фактически неприступная, граничит с Изумрудным морем на западе и океаном Арктайл на юге. И хотя географически она разделена естественным природным барьером, скальной грядой Дралора...

Еще один порыв ветра ударил меня, и нога соскользнула с парашюта. Сердце заколотилось. Поверхность будто взметнулась вверх, навстречу, когда я споткнулась и рухнула. Колено врезалось в камень, и я вскрикнула от резкой боли. Заскребла пальцами, пытаюсь найти опору, пока левая нога соскальзывала с края этого проклятого моста. Джек уже был совсем рядом. А потом я совершила ошибку, от которой кишки завязались в узел: посмотрела вниз.

Вода стекала с носа и подбородка, капли разбивались о край камня, а затем летели в реку, текущую по дну долины в двухстах футах внизу. Я сглотнула растущий в горле комок и часто заморгала, пытаюсь унять сердцебиение.

Я не умру.

Ухватившись за края выпирающего камня, я перенесла вес на руки – настолько, насколько было возможно, – чтобы удержаться и подтянуть левую ногу. Кончик сапога нашел опору. В этот момент мне не хватило бы научных фактов из всех учебников на свете, чтобы успокоиться и привести мысли в порядок. Нужно было подогнать под себя правую ногу, ту, на подошве которой сцепление лучше... Но одно неверное движение, и я рисковала узнать, насколько холодна река там, внизу.

Ты сдохнешь от удара о воду.

– Я иду к тебе, Сорренгейл! – раздалось сзади.

Я оттолкнулась от камня и вскочила на ноги, молясь лишь об одном: чтобы подошвы встали надежно и не соскользнули. Если я упаду, то это будет моя собственная ошибка, – но я не собиралась позволить какому-то засранцу убить меня. *А лучше всего перебраться на ту сторону, где ждут остальные убийцы.* Нет, вовсе не все всадники в квадранте будут хотеть убить меня. Лишь те, кто посчитает, что я стану помехой их крылу. Не зря ведь среди них почитается сила. Отряд, секция, крыло эффективно ровно настолько, насколько способно проявить себя самое слабое звено. И если это звено ломается, то в опасности оказываются все.

Джек либо считал меня таким звеном, либо просто был неуравновешенным мудаком, которому нравилось убивать. А может, было верно и то и другое. В любом случае мне следовало двигаться быстрее.

Раскинув руки в стороны, я сосредоточилась на конце пути, на внутреннем дворе цитадели, куда Рианнон только что ступила, оказавшись в безопасности. Я спешила, не обращая внимания на ливень. Тело напряжено, баланс найден, и в очередной раз я поблагодарила небо за то, что не вышла ростом.

– Ты же будешь кричать всю дорогу вниз? – снова завопил Джек насмехаясь, и голос его прозвучал еще ближе.

Он почти подобрался ко мне.

Однако у меня не было права бояться, поэтому я заблокировала страх, мысленно запихнув эмоции за железные решетки. Ведь я уже хорошо видела конец парапета и всадников, которые ждали у входа в цитадель.

– Ты слабачка, неспособная просто нести полный рюкзак. И что, думаешь, сдашь вступительный экзамен? Да никогда! Ты ошибка природы, Сорренгейл! – кричал Джек, его голос звучал еще ближе и отчетливей, но я не рискнула замедлиться, чтобы проверить, насколько он далеко. – Знаешь что? То, что я займусь тобой, – к лучшему! Да-да! Это гораздо милосерднее, чем позволить драконам до тебя добраться. Они будут жрать твои ноги, одну за другой, пока ты будешь, еще живая, верещать от боли! Ну же, – уговаривал он. – Я с удовольствием избавлю тебя от этого.

– Хрен тебе, – пробормотала я.

До внешней стороны массивной стены, окружающей цитадель, оставалась всего дюжина футов. Левая нога соскользнула, я пошатнулась, но всего через один удар сердца продолжила идти вперед. Крепость возвышалась над головой гигантской перевернутой буквой Г из скальной породы – идеально для того, чтобы противостоять напору огня. По понятным причинам. И стены, окружающие внутренний двор, толщиной в целых десять футов, высотой – в восемь. Совсем близко. Вот он проем. И я внутри. Почти.

Я еле сдержала всхлип облегчения, когда по обе стороны от парапета воздвиглась каменная кладка.

– Думаешь, там ты будешь в безопасности? – голос Джека прозвучал сурово... и близко.

Защищенная стенами с обеих сторон, я пробежала последние десять футов. Мое сердце колотилось, адреналин заставлял выжимать из тела максимум, а шаги Джека раздавались все ближе. Он попытался ухватить меня за рюкзак и промахнулся, рука скользнула по моему

бедру... но мы были уже в самом конце пути. Я рванула вперед и спрыгнула со ступеньки высотой каких-то двенадцать дюймов вниз, во двор, где меня ждали два всадника.

Джек зарычал от разочарования, и этот звук, словно тиски, сжал что-то у меня в груди. Перехватил на миг дыхание.

Крутанувшись, я выхватила кинжал из ножен у своих ребер как раз в тот момент, когда Джек, задышав после бега, остановился надо мной на парапете. Лицо у него покраснело, жажда убийства плескалась в сузившихся ледяных голубых глазах, когда он посмотрел на меня... а потом туда, куда утыкался кончик моего клинка, чуть продавливая ткань на штанах ровно напротив его причиндалов.

– Я думаю... Что буду в безопасности... Именно здесь... И сейчас, – говорить удавалось, втиснув слова между рваными вдохами, мышцы дрожали, но вот рука была тверда.

– Да неужели? – Джек задрожал от ярости, густые светлые брови еще ниже нависли над ледяными голубыми глазами, и вся его чудовищно мерзкая фигура все ниже нависала надо мной.

Однако он так и не осмелился шагнуть вперед.

– Всадник не имеет права причинять вред другому всаднику. Вне зависимости от того, построение ли это в квадранте или по приказу начальства. В присутствии кадета высшего ранга, – я цитировала Кодекс, а сердце все еще билось где-то в горле. – Так как это снизит эффективность крыла. Думаю, толпу людей позади можно считать строем. Статья три, раздел...

– Мне насрать! – он дернулся вперед, но я не двинулась с места, и мой кинжал пронзил внешний слой ткани на его штанах.

– Рекомендую тебе передумать, – я скорректировала позу на случай, если он этого не сделает. – А то я могу и поскользнуться.

– Имя? – безразлично произнесла всадница рядом со мной, как будто мы самая неинтересная из вещей, что за сегодня попались ей на глаза. Я на миллисекунду отвлеклась и бросила взгляд в ее сторону. Девушка наблюдала за происходящим, одной рукой заправляя за ухо огненно-рыжие пряди волос длиной до подбородка, а другой сжимая свиток. Три серебряные четырехконечные звезды, вышитые на плече ее плаща, говорили о том, что она на третьем курсе. – Ты довольно маленькая для всадника, но, похоже, ты справишься.

– Вайолет Сорренгейл, – ответила я, но сто процентов моего внимания оставались сосредоточены на Джеке. Дождь красиво капал с его мокрых бровей. – И прежде чем ты спросишь, да, я та самая Сорренгейл.

– Неудивительно, после такого-то боевого маневра, – ответила женщина, и то, как она держала ручку над свитком, напомнило мне мамину манеру письма.

Возможно, это был самый приятный комплимент из всех, что мне когда-либо делали.

– А ты? – снова спросила она.

Я была почти уверена, что вопрос адресован Джеку, но слишком занята изучением противника, чтобы смотреть в ее сторону.

– Джек. Барлоу.

На его губах уже не было зловещей улыбки, он больше не веселился, рассказывая, как будет здорово убить меня. В выражении его лица не было ничего, кроме чистой злобы, обещающей возмездие.

Холодок страха пробежал у меня по затылку, и волосы на шее встали дыбом.

– Ну, Джек, – медленно произнес мужчина-всадник справа от меня, почесывая аккуратную козлиную бородку. На нем не было плаща, и дождь впитывался во множество заплаток, пришитых к потертой кожаной куртке. – Сейчас кадет Сорренгейл держит вас за яйца, причем во всех смыслах. Она права. Правила гласят, что среди всадников в строю нет ничего, кроме уважения. Если хочешь убить ее, тебе придется сделать это в поединке или в свободное время.

Правда, лишь в том случае, если она тебе разрешит спуститься с парапета. Потому что технически тебя еще нет на территории цитадели, так что ты не кадет. А *она* – уже да.

– А если я решу свернуть ей шею, как только спущусь? – прорычал Джек, и выражение его глаз подтверждало, слово свое он сдержит.

– Тогда ты познакомишься с драконами пораньше, – ответила рыжая безразличным тоном. – Мы тут судами не занимаемся. А сразу караем.

– Что будешь делать, Сорренгейл? – спросил мужчина-всадник. – Хочешь, чтобы Джек начал военную карьеру евнухом?

Дерьмо. Что же делать? Я не могла убить его, не так, не сейчас, а если отрежу ему яйца, то он еще сильнее меня возненавидит, если такое, конечно, возможно.

– Ты будешь следовать правилам? – спросила я Джека.

Голова гудела, а рука казалась ужасно тяжелой, но кончик ножа не сдвинулся ни на четверть дюйма.

– Думаю, у меня нет выбора, – уголок рта искривился в усмешке, и Джек явно расслабился, поднимая руки ладонями наружу.

Я опустила кинжал, но продолжала держать его на изготовку, двигаясь боком поближе к рыжей со свитком.

Джек спустился во двор и, проходя мимо, задел меня плечом. Остановился на миг, чтобы поближе наклониться, и прошептал:

– Ты труп, Сорренгейл. Я буду тем, кто тебя убьет.

Глава 3

Синие драконы происходят из уникального семейства Гормфалеас. Известные своими грозными размерами, драконы этого семейства самые безжалостные, и в особенности это касается редчайших синих кинжалохвостов, чьи шипы на конце хвоста могут обезглавить врага одним движением.

Генерал Каори. Полевое руководство о видах драконов

Если Джек и вправду собирался убить меня, ему следовало занять очередь. Было у меня такое чувство, что Ксейден Риорсон опередит его в этом деле.

– Не сегодня, – ответила я Джеку.

Рукоять кинжала все еще была крепко зажата в руке, и мне удалось подавить нервную дрожь, когда мерзавец наклонился еще ближе и втянул ноздрями воздух. Обнюхал меня, как гребаная собака! А потом рассмеялся и ушел в толпу всадников и новоявленных кадетов, которые праздновали новый статус, собравшись в большом внутреннем дворе цитадели.

На дворе все еще утро, наверное около девяти, но я успела заметить, что кадетов не так много, как кандидатов, что стояли впереди меня в очереди. И, судя по подавляющему присутствию личностей в кожаных доспехах, основную массу толпы составляли учащиеся второго и третьего курсов, которые явились сюда, чтобы поприветствовать новичков.

Дождь стих, как будто начинался лишь для того, чтобы сделать самое трудное испытание в моей жизни еще труднее... но я все-таки справилась.

Я жива. Я это сделала.

Мое тело начало дрожать, в левом колене проснулась пульсирующая боль – в том месте, которым я приложилась о парапет. Я сделала всего один шаг и поняла, что ситуация выходит из-под контроля. Колено собиралось вот-вот предать меня. Надо было срочно перевязать его, пока никто не заметил.

– Думаю, ты нажила себе врага, – сказала рыжая, небрежно прикасаясь к смертоносному арбалету, ловко притороченному к предплечью. Она посмотрела на меня поверх свитка, окинула пронизательным взглядом с головы до ног, и глаза цвета ореха потемнели. – На твоём бы месте я бы его поостереглась.

Я кивнула. Теперь придется следить за спиной... да и за всеми остальными частями тела тоже.

Следующий кандидат уже готовился спрыгнуть с парапета, когда кто-то обхватил меня сзади за плечи и крутанул.

К тому моменту, когда я осознала, что это Рианнон, кинжал уже был на полдороге к её груди.

– Мы сделали это! – она улыбнулась, сжимая мои плечи.

– Мы сделали это, – повторила я с принужденной улыбкой.

Бедра дрожали от боли в колене и напряжения, но я сумела засунуть кинжал в свободные ножны у ребер. Теперь, когда мы обе стали кадетами... могу ли я доверять Рианнон?

– Не знаю, какими словами благодарить тебя. Я как минимум трижды упала бы, если бы ты мне не помогла с сапогами. Ты была права, эти подошвы скользкие, как дерьмо. Слушай, а ты уже смотрела на людей вокруг? Клянусь, я видела второкурсницу с розовыми прядями в волосах, а у одного из парней весь бицепс в татуировках. В виде чешуи дракона!

– Конформизм для пехотинцев, – проговорила я.

Рианнон подхватила меня под руку и потащила за собой в толпу. Колено хрустнуло, боль резко прострелила вверх по бедру и вниз, до самого носка, и я захромала, привалившись к боку спутницы.

Проклятье.

Откуда взялась эта слабость? Почему я не могла заставить себя перестать дрожать? Казалось, я могу упасть в любую секунду: тело никак не желало оставаться в вертикальном положении. Земля под ногами ходила ходуном, а в голове жужжал рой пчел.

– Кстати, – сказала Рианнон, глядя вниз. – Нам же нужно обратно обменяться сапогами. Вон там есть скамейка...

Высокая фигура в безупречной черной форме вынырнула из толпы и направилась прямо к нам: Рианнон удалось отшатнуться, а я врезалась прямо в грудь всаднику.

– Вайолет?

Я почувствовала, как меня ухватили за локти – сильно и уверенно, чтобы удержать на ногах, секунда – и я уже смотрела в знакомые пронзительные карие глаза, широко распахнутые от удивления.

Облегчение волной прокатилось по телу, и я попыталась улыбнуться, но, кажется, получилась лишь искаженная гримаса. Он казался выше, чем был прошлым летом, тонкой бородки, словно рассекающей его челюсть надвое, раньше не было, и он так раздался в плечах, что я заморгала от удивления... или, может быть, просто в глазах все еще немного плыло. Красивая, непринужденная улыбка, которая слишком часто фигурировала в моих фантазиях... Сейчас ее не было на хмуром лице, и все в нем казалось немного... суровее, но это ему необычайно шло. Одинаково жесткими были и линия его подбородка, и изгиб бровей, даже мышцы его бицепсов, затвердевшие под моими пальцами, пока я пыталась сохранить равновесие. Что ж. За последний год Даин Аэнос превратился из привлекательного и милого парня в великолепного мужчину.

А еще я чувствовала, что меня вот-вот стошнит прямо на его сапоги.

– Какого венина ты тут делаешь? – рявкнул Даин, и шок в его глазах превратился в нечто иное. Смертоносное.

Это был уже не тот мальчик, вместе с которым я выросла. Теперь это был всадник на втором году обучения.

– Даин. Тоже рада тебя видеть.

Рада – это еще мягко сказано, однако я уже не просто дрожала – меня трясло, желчь подкатила к горлу, а тошнота все усиливалась от головокружения. Мои колени подкосились.

– Проклятье, Вайолет, – пробормотал он, поднимая меня на ноги.

Одной рукой он обхватил меня за плечи, другой – поддержал под локоть и быстро повел прочь от толпы, чтобы укрыть от лишних глаз в нише стены, недалеко от первой оборонительной башни цитадели. Это оказалось тенистое, укромное место с жесткой деревянной скамьей, на которую он усадил меня, а затем помог выпутаться из лямок рюкзака.

Мой рот наполнился слюной, и я пробормотала:

– Меня сейчас стошнит.

– Голову между коленями, – приказал Даин резким тоном, к которому я не привыкла, но повиновалась. Он растирал мою поясницу по кругу, пока я медленно вдыхала через нос и выдыхала через рот. – Это адреналин. Дай ему минуту, и все пройдет.

Тут я услышала хруст гравия. Кто-то приближался.

– Кто ты, чтоб тебя, такая?

– Рианнон. Я... подруга Вайолет.

Я смотрела на камни под своими разномастными сапогами, убеждая скудное содержимое желудка оставаться на месте.

– Послушай меня, Рианнон. С Вайолет все в порядке, – отрезал Даин. – И если кто-нибудь спросит, скажи им то же самое, что я: это просто адреналин, сейчас напряжение спадет, и все будет в норме. Понятно?

– Никого не касается, что происходит с Вайолет, – возразила она таким же ровным и уверенным тоном. – Так что я бы не стала болтать. Особенно после того, как благодаря ей перешла парапет.

– Лучше бы это было правдой. – Угроза в его голосе явно противоречила тем мягким, успокаивающим движениям ладони, которая кругами двигалась по моей спине.

– Я ведь тоже могу спросить, а кто ты, чтоб *тебя*, такой?

– Один из моих самых старых друзей.

Дрожь постепенно утихала, и тошнота отступала, но я не была уверена, что тут помогло – время или правильная поза. Так что продолжала держать голову между коленями, пока растягивала левый сапог.

– Ага, – ответила Рианнон.

– И всадник второго года, *кадет*, – прорычал Даин.

Гравий громко хрустнул, когда Рианнон сделала шаг назад.

– Здесь тебя никто не видит, Вай, так что не торопись, – мягко проговорил Даин.

– Угу. Потому что выблевать кишки, пережив парапет и того засранца, который хотел сбросить меня с него, будет неоправданной слабостью. – Я медленно подняла голову и села прямо.

– Именно, – ответил он. – Ты ранена?

Его взгляд, обшаривающий меня с ног до головы, был отчаянно внимательным, словно Даину позарез нужно было увидеть каждый дюйм кожи.

– У меня болит колено, – призналась я шепотом, потому что это же Даин.

Даин, которого я знала с тех пор, как нам было пять и шесть лет. Даин, чей отец – один из самых надежных советников моей матери. Даин, который поддерживал меня в тот год, когда Мира отбыла в квадрант всадников, и потом снова, когда умер Бреннан.

Он сжал мой подбородок большим и указательным пальцами, поворачивая лицо вправо и влево, чтобы осмотреть.

– Это все? Ты уверена? – Его ладони скользнули по моим бокам и остановились на ребрах. – Ты носишь кинжалы?

Тем временем Рианнон стянула мой сапог и с облегчением вздохнула, шевеля пальцами.

Я кивнула:

– Три на ребрах и один в сапоге.

И, о небо, спасибо ему, потому что, если бы не кинжал в сапоге, не знаю, сидела бы я тут сейчас... или нет.

– Ха! – Даин опустил руки и посмотрел на меня так, словно никогда раньше не видел. Будто я незнакомка. Но потом он моргнул, и это выражение исчезло из его глаз. – Поменяйте уже сапоги обратно. А то вы обе довольно нелепо выглядите. Вай, ты доверяешь ей?

Он кивнул в сторону Рианнон.

Она могла бы поджидать меня у стен цитадели и сбросить вниз, как это пытался сделать Джек, однако не сделала этого.

Так что я кивнула. Я доверяла ей настолько, насколько вообще можно доверять другому первокурснику.

– Хорошо.

Он встал и повернулся к ней. По бокам его кожаного костюма тоже располагались ножны, но кинжалы покоились во всех, а мои пока частично были пусты.

– Я Даин Аэтос, и я командир второго отряда секции Пламени Второго крыла.

Командир отряда? Я почувствовала, как брови ползут вверх. Высшие звания среди кадетов в квадранте – командир крыла и командир отделения. Обе должности занимают элита третьекурсников. Второкурсники могут дослужиться до командиров отрядов, но только если у них исключительные способности. Все остальные – просто кадеты до Молотьбы, когда драконы выбирают, с кем готовы связать себя... чтобы потом те стали всадниками. Люди здесь умирают слишком часто, чтобы раздавать звания преждевременно.

– Испытание парашютом должно закончиться в ближайшие пару часов, в зависимости от того, как быстро кандидаты перейдут его... или не перейдут. Найди рыжую со свитком – она еще обычно носит арбалет – и скажи ей, что Даин Аэтос взял в свой отряд и тебя, и Вайолет Сорренгейл. Если станет расспрашивать, напomini: она в долгу передо мной за то, что я спас ее задницу на Молотьбе в прошлом году. А я скоро приведу Вайолет во двор.

Рианнон посмотрела на меня, и я кивнула.

– Иди, пока нас никто не увидел! – рявкнул Даин.

– Уже ушла, – ответила она, засовывая ногу в сапог и быстро зашнуровывая его, пока я делала то же самое со своим.

– Ты перешла через парашют в сапоге для верховой езды, который был тебе слишком велик? – спросил Даин, недоверчиво глядя на меня.

– Она бы умерла, если бы мы не поменялись. – Я встала и вздрогнула, когда колено не выдержало и снова начало подламываться.

– И ты умрешь, если мы не найдем для тебя выход отсюда, – Даин протянул руку. – Держись. Надо отвести тебя в мою комнату. Чтобы забинтовать колено.

А потом вздернул бровь и добавил:

– Если только за последний год ты не нашла какое-нибудь чудодейственное средство, о котором я не знаю.

Я покачала головой и взяла его за руку.

– Проклятье, Вайолет. Проклятье. – Он подхватил рюкзак свободной рукой, осторожно прижал меня к боку и повел к входу в туннель, который я бы сама и не заметила – тот располагался в дальнем конце ниши, во внешней стене. В канделябрах на стенах один за другим разгорались магические огни – и гасли после того, как мы проходили мимо. – Тебя не должно здесь быть.

– Не поверишь, я тоже так думаю. – Теперь, когда нас никто не видел, наконец можно было позволить себе прихрамывать.

– Ты должна была попасть в квадрант писцов, – прорычал он, продолжая вести меня дальше по туннелю в стене. – Как ты вообще здесь оказалась? Только не говори, что вызвалась добровольно стать всадником.

– И что же, по-твоему, стало причиной моей прогулки по парашюту? – спросила я, когда мы дошли до кованых ворот, выглядевших так, словно их построили, чтобы не пустить сюда тролля... или дракона.

Он выругался.

– Твоя мать.

– Именно, – кивнула я. – Моя мать. Каждый Сорренгейл – всадник, если ты не в курсе.

Мы дошли до винтовой лестницы, и Даин повел меня вверх: миновав первую и вторую двери, он остановился возле третьей и открыл еще одни ворота, звякнувшие металлом о металл.

– Коридор к комнатам второкурсников, – тихо объяснил он. – Это значит...

– Что меня здесь быть не должно. – Я прижалась к нему чуть сильнее. – Не волнуйся. Если нас кто-нибудь увидит, то я просто скажу, что меня охватило вождение-с-первого-взгляда и мне срочно приспичило избавить тебя от штанов.

– Ты хитрюга. Как всегда. – Он криво улыбнулся, ведя меня дальше по коридору.

– Могу добавить возгласов вроде «Ох, Даин!», когда мы окажемся в твоей комнате. Просто для правдоподобия, – предложила я.

Вполне серьезно предложила, кстати.

Он фыркнул, опустил мой рюкзак перед деревянной дверью комнаты, а затем крутанул ладонью в воздухе перед ручкой. Замок щелкнул.

– О, ты умеешь пользоваться силой, – сказала я.

Это, конечно, не новость. Он же всадник второго года обучения, и все всадники могут творить малую магию, если их драконы согласны транслировать силу... но это... это же Даин.

– Не смотри так удивленно. – Он закатил глаза и открыл дверь. Подхватил сумку и помог мне зайти внутрь.

Его комната оказалась очень простой: кровать, комод, письменный стол и шкаф. В ней не было ничего личного, кроме нескольких книг на столе. Я с чувством удовлетворения отметила, что одна из них – томик по кровланскому языку, который я подарила ему перед отъездом прошлым летом. У него всегда был дар к языкам. Даже одеяло на кровати лежало подчеркнуто простое, черное, как будто во время сна он мог забыть, зачем он здесь. Я подошла к арочному окну и выглянула наружу. Сквозь прозрачное стекло был виден весь Басгиат и ущелье, подчеркнутое парапетом.

Как будто та же самая академия... но теперь казалось, что она в каком-то другом мире. На краю стены стояли еще двое кандидатов, и я отвернулась прежде, чем успела задуматься: упадут они или нет. За день человек может вынести ограниченное количество смертей... и я находилась как раз в точке гребаного максимума.

– У тебя с собой есть бинты? – Даин сунул мне рюкзак.

– Конечно. Все, как завещал майор Гиллстед. – Я кивнула и, сев на край идеально заправленной кровати, начала рыться в рюкзаке.

К счастью, Мира укладывала вещи гораздо лучше меня, так что бинты удалось найти быстро.

– Чувствуй себя как дома, – усмехнулся Даин и, скрестив лодыжки, прислонился спиной к закрытой двери. – Как бы я ни злился на то, что ты здесь, должен сказать, что видеть твое лицо более чем приятно, Ви.

Я подняла взгляд, и наши глаза встретились. Напряжение, которое копилось в моей груди последнюю неделю – да что там, последние шесть месяцев, – ослабело, и на какую-то секунду мы остались просто вдвоем. Просто я и он.

– Я скучала по тебе.

Возможно, это проявление слабости, но мне все равно. Даин и так знал обо мне почти все, что можно.

– Да. Я тоже скучал по тебе, – тихо ответил он, и его взгляд смягчился.

Дыхание перехватило: между нами возникло очевидное, почти осязаемое чувство предвкушения, когда он посмотрел на меня. Может быть, после всех этих лет мы наконец-то оба ощутили притяжение? А может, он был просто рад видеть старого друга?

– Тебе лучше забинтовать ногу. – Он повернулся лицом к двери. – Я не буду смотреть.

– Что ты там раньше не видел...

Я приподняла бедра и стянула кожаные штаны вниз, ниже колен. Сука. Левое колено распухло. Если бы кто-то другой так оступился, то отделался бы синяком, может быть даже царапиной. Но я... Мне придется постараться, чтобы моя коленная чашечка оставалась там, где ей положено. Слабыми были не только мои мышцы. Мои связки, которые держат суставы вместе, тоже ни хрена не работали.

– Да, но мы же не собираемся тайком купаться в реке, правда? – поддразнил Даин.

Мы росли вместе, вместе играли на всех постах, где служили наши родители, и, где бы мы ни были, всегда находили место для купания и дерева для лазанья.

Я закрепила эластичный бинт на верхней части колена, затем зафиксировала сустав методом, который освоила, едва стала достаточно взрослой, чтобы целители смогли меня научить самой управляться с вывихами. Я могла повторить всю процедуру даже во сне, и ее привычность почти успокаивала. Если бы это не означало, что я начинаю свой путь в квадранте раненой.

Как только я закрепила бинт маленькой металлической застежкой, сразу встала, натянула кожу на задницу и застегнула штаны.

– Вот. Теперь все прикрыто.

Даин повернулся и оглядел меня с ног до головы.

– Ты выглядишь... по-другому.

– Это все кожа. – Я пожалала плечами. – Что? По-другому – значит, плохо?

Мне потребовалась секунда, чтобы застегнуть рюкзак и взвалить его на плечи. Слава вам, боги, боль в колене отступила почти сразу.

– Нет, просто... – он медленно покачал головой, прикусив свою нижнюю губу. – Просто по-другому.

– Почему, Даин Аэтос? – Я ухмыльнулась и подошла к нему, затем взялась за ручку двери, почти прикоснувшись к его боку. – Ты видел меня в купальниках, туниках и даже в бальных платьях. Хочешь сказать, что тебя привлекает именно кожа?

Он фыркнул, но на его щеках проступил легкий румянец, когда Даин накрыл мою руку своей, чтобы открыть дверь.

– Рад видеть, что год разлуки не притупил твой язык, Ви.

– Оу, – бросила я через плечо, когда мы вышли в коридор, – я могу делать довольно много вещей своим языком. Ты будешь впечатлен.

Улыбка у меня получилась такая широкая и убийственная, что того и гляди порежешься. На секунду я даже забыла, что мы находимся в квадранте всадников и что я едва выжила на парапете.

Его глаза загорелись. Похоже, Даин тоже обо всем этом забыл. Кстати, Мира никогда не скрывала, что всадники внутри этих стен уж точно не страдают от комплексов. Ни к чему отказывать себе в удовольствиях, когда ты можешь не дожить до завтра.

– Нам надо идти, – сказал Даин, дергая головой, словно ему нужно было что-то вытряхнуть из нее.

Затем он снова сделал круговое движение рукой, и я услышала, как щелкает замок. В коридоре никого не было, и мы быстро добрались до лестницы.

– Спасибо, – сказала я, когда мы уже начали спускаться. – Моему колену намного лучше.

– Не могу поверить, что твоя мать посчитала хорошей идеей отправить тебя в этот квадрант.

Я практически чувствовала, как его гнев концентрируется в воздухе и вибрирует рядом со мной, пока мы спускались по лестнице. Со стороны Даина не было перил, но его, кажется, ничуть это не беспокоило, хотя один неверный шаг – и ему пришел бы конец.

– Я тоже. Но она объявила свое решение сразу после того, как я сдала вступительные экзамены. И я тут же начала заниматься с майором Гиллстедом.

Пожалуй, он будет горд, когда завтра прочитает списки погибших и не увидит в них моего имени.

– Внизу лестницы, под основным уровнем, есть дверь, которая ведет к проходу в квадрант целителей, он расположен дальше по оврагу, – сказал Даин, когда мы подошли к первой двери. – Я отведу тебя через нее в квадрант писцов.

– Что? – Я остановилась, ступив на полированную каменную площадку, но Даин продолжал спускаться.

И успел пройти три ступени, пока не понял, что я не иду следом.

– В квадрант писцов, – медленно повторил он, поворачиваясь ко мне.

Я стояла выше, поэтому посмотрела на Даина сверху вниз.

– Я не могу отправиться в квадрант писцов, Даин.

– Прости? – Его брови поднялись.

– Она этого не потерпит. – Я покачала головой.

Его рот открылся, потом закрылся, а кулаки сжались.

– Это место убьет тебя, Вайолет. Ты не можешь здесь оставаться. Никто тебя не осудит. Ты же не была добровольцем – то есть была не совсем добровольцем.

Гнев словно хлестнул меня по позвоночнику, и я прищурилась. Кто бы ни решил меня принизить, я всегда давала отпор:

– Во-первых, я прекрасно знаю, каковы мои шансы здесь, Даин, а во-вторых, обычно пятнадцать процентов кандидатов не проходят через парпет, а я все-таки здесь, так что, думаю, я уже неплохо справилась.

Он отступил еще на шаг.

– Я же не то имею в виду. Ты надрала судьбе задницу, добравшись сюда, Ви. Но ты должна уйти. Ты сломаешься на первом же спарринге, и это еще до того, как драконы поймут, что ты...

Он покачал головой и посмотрел в сторону, сжав челюсти.

– Я... что? – меня просто затрясло от гнева. – Давай скажи это. Когда они почувствуют, что я мельче, чем другие? Ты это имеешь в виду?

– Проклятье. – Даин провел рукой по коротко подстриженным светло-каштановым кудрям. – Прекрати говорить за меня. Ты знаешь, что я имею в виду. Даже если ты доживешь до Молотбы, нет никакой гарантии, что дракон выберет тебя. В прошлом году у нас было тридцать четыре кадета, оставшихся без дракона, им пришлось начать все заново, чтобы снова получить шанс, и все они совершенно здоровы...

– Не будь засранцем, – мой желудок словно перевернулся и провалился куда-то вниз. То, что Даин прав, не означало, что я хочу это слышать... или хочу, чтобы меня называли больной.

– Я пытаюсь сохранить тебе жизнь! – закричал он, и его голос отразился от каменных ступеней и стен. – Если я прямо сейчас доставлю тебя к писцам, ты блестяще пройдешь их тест и получишь шанс как-нибудь рассказать отличную историю во время попойки. Если же мы пойдём туда, – он указал на дверь, ведущую во двор, – я не смогу ничего контролировать. Я не могу защитить тебя здесь. Не полностью.

– Я не прошу тебя об этом! – Подождите... но разве я не хотела этой защиты? Разве не это предложила Мира? – Зачем ты сказал Рианнон определить меня в твой отряд, если собирался вывести меня через заднюю дверь?

Тиски вокруг моей груди сжимались все сильнее. Даин – второй человек после Миры, который знал меня лучше всех на этом проклятом континенте. И если даже он считал, что я здесь не справлюсь....

– Чтобы она ушла и я смог вытащить тебя! – Он поднялся на две ступеньки, сокращая расстояние между нами, и в его фигуре и выражении лица не было ни капли сомнения. Наоборот. Если бы решимость имела физическую форму, то сейчас это был бы Даин Аэтос. – Думаешь, я хочу смотреть, как умирает моя лучшая подруга? Думаешь, мне будет интересно посмотреть,

что сделают с тобой, зная, что ты дочь генерала Сорренгейл? Надев кожу, ты не станешь всадницей, Ви. Тебя разорвут в клочья другие кадеты, а если не они, то драконы. В квадранте всадников ты либо закончишь обучение, либо умрешь, и ты это знаешь. Позволь мне спасти тебя.

Потом он дрогнул, сменив позу, и во взгляде его появилась мольба, которая разрушила часть моего негодования.

– Пожалуйста, позволь мне спасти тебя.

– Ты не сможешь, – прошептала я. – Она сказала, что вернет меня обратно. Я выйду отсюда либо всадницей, либо именем на камне.

– Она не то имела в виду, – покачал головой Даин. – Она не могла это иметь в виду.

– Именно это. Даже Мира не смогла ее отговорить.

Он посмотрел мне в глаза и напрягся всем телом, потому что увидел: мои слова – правда.

– Вот дерьмо.

– Оно самое.

Я пожалала плечами, как будто речь шла не о моей жизни.

– Хорошо. – Я видела, как он мысленно перебирает варианты, переваривая новую информацию. – Мы найдем другой путь. А пока идем.

Он взял меня за руку и повел к алькову, из которого мы исчезли полчаса назад.

– Иди туда и познакомься с другими первокурсниками. Я вернусь и пройду через башню. Скоро все поймут, что мы знакомы, но не стоит им заранее облегчать жизнь.

Он сжал мою руку и отпустил ее, без лишних слов развернулся и ушел, исчез в туннеле.

Я стиснула лямки рюкзака и вышла на залитый солнечным светом двор. Облака рассеялись, и морось уже стихала. Гравий хрустел под моими ногами, когда я шла к уже всадникам и еще кадетам.

Огромный двор, в котором легко могла бы поместиться тысяча всадников, в точности соответствовал карте в архивах. По форме он напоминал угловатую каплю, чей закругленный конец был образован гигантской внешней стеной толщиной не менее десяти футов. По бокам располагались каменные залы. Я знала, что четырехэтажное здание с круглой крышей, высеченное в горе, предназначено для учебы, а то, что справа, возвышавшееся над утесом, – общежитие, куда меня водил Даин. Внушительная ротонда, соединяющая эти два здания, также служила входом в зал собраний, общий зал и библиотеку, расположенные за ней. Потом я перестала таращиться по сторонам и повернулась, уже находясь во внутреннем дворе, лицом к внешней стене. Справа от парапета стоял каменный помост, на котором расположились два человека в форме, в которых я узнала коменданта и его помощника, оба в полном военном облачении, их медали мерцали в солнечном свете.

Через несколько минут я отыскала Рианнон в растущей толпе. Она разговаривала с другой девушкой, чьи иссиня-черные волосы были подстрижены так же коротко, как у Даина.

– Вот ты где! – улыбка Рианнон была искренней и полной облегчения. – Я волновалась. Все ли... – Она подняла брови.

– Ходить могу.

Я кивнула и повернулась к другой девушке, а Рианнон представила нас друг другу. Ее звали Тара, она приехала из северной провинции Моррейн, с побережья Изумрудного моря. В ней чувствовалась та же уверенность, что и в Мире, в ее глазах плясали искры восторга, когда они с Рианнон рассказывали, как обе с детства были одержимы драконами. Я слушала, но вполуха, ровно настолько, чтобы запомнить детали, если нам понадобится заключить союз.

Прошел час, затем другой, согласно звону колоколов Басгиата, который мы могли слышать отсюда. Затем последний из кадетов вышел во двор, за ним шагали три всадника из другой башни.

Ксейден – один из них. В этой группе он выделялся не только ростом, но и тем, как другие всадники осторожно обходили его, словно он акула, которую все рыбы оплывают подальше.

На секунду я задумалась, что у него за печать, уникальная сила от связи с драконом, и не потому ли даже третьекурсники убирались с его пути, пока он со смертоносной грацией поднимался на помост. Всего их там собралось десять человек, и, судя по тому, как комендант Панчек выдвинулся к нам...

– Кажется, начинается, – сказала я Рианнон и Таре, и они обе повернулись к помосту. Как и все остальные.

– Триста один из вас пережили парашют и сегодня стали кадетами, – начал комендант Панчек с улыбкой опытного политика, жестом указывая на нас. Этот парень всегда много жестикулировал. – Хорошая работа. Шестьдесят семь с ней не справились.

Моя грудь сжалась, а мозг принялся быстро прокручивать цифры. Почти двадцать процентов. Это из-за дождя? Ветра? Это больше, чем обычно. Шестьдесят семь человек погибли, пытаюсь добраться сюда.

– Я слышала, что эта должность – лишь первая карьерная ступенька для него, – прошептала Тара. – Он хочет сначала занять пост Сорренгейл, а потом – генерала Мельгрена.

Главнокомандующего всеми войсками Наварры. Глаза-бусинки Мельгрена заставляли меня содрогаться при каждой нашей встрече, которые изредка случались благодаря должности моей матери.

– Генерала Мельгрена? – прошептала Рианнон с другой стороны от меня.

– У него не выйдет, – тихо сказала я, пока комендант приветствовал нас и поздравлял с прибытием в квадрант всадников. – Дракон Мельгрена дает ему способность видеть исход битвы до того, как она произойдет. Этого не переиграть, да и покушение невозможно совершить на того, кто достоверно знает, что оно произойдет.

– Как сказано в Кодексе, теперь начинается настоящее испытание! – прокричал Панчек, и его голос разнесся над пятью сотнями голов – именно столько людей, по моим прикидкам, собралось во дворе. – Вас будут испытывать те, кто старше, на вас будут охотиться ваши сверстники, и вами будут руководить ваши инстинкты. Если вы продержитесь до Молотьбы и вас выберут, вы станете всадниками. И вот тогда мы посмотрим, сколько из вас доживет до выпуска.

По статистике, до выпуска должна была дожить... примерно четверть, плюс-минус несколько человек. И все же в квадранте всадников в любой год не было недостатка в добровольцах. Каждый кадет в этом дворе считал, что у него есть все необходимое, чтобы стать военной элитой и занять лучшую должность из всех, что может предложить Наварра своим детям, – стать драконьим всадником. Даже я задумалась на долю секунды, что, может, и у меня получится. Может, сумею сделать больше, чем просто выжить.

– Преподаватели будут вас учить, – пообещал Панчек, махнув рукой в сторону очереди профессоров, стоявших у дверей в академическое крыло. – Но только от вас зависит, насколько хорошо вы будете учиться.

Он ткнул в нас пальцем:

– Обязанность поддерживать дисциплину лежит на ваших подразделениях, последнее слово всегда за командиром крыла. Если мне придется вмешаться... – Медленная, зловещая улыбка расплзлась по его лицу. – Вы же не хотите, чтобы я вмешивался? А теперь передаю слово командирам крыльев. И если хотите услышать самый ценный совет от меня, то вот он: не сдохните.

И Панчек ушел с помоста вместе со своим заместителем, оставив там стоять лишь молодых всадников.

Брюнетка с широкими плечами и ухмылкой, располосованной шрамами, шагнула вперед. Серебряные шипы на плечах ее униформы сверкнули в солнечном свете.

– Я Нира, старший командир квадранта и глава Первого крыла. Командиры секций и отрядов, займите свои места.

Меня толкнули в плечо, когда кто-то прошел мимо, протискиваясь между мной и Рианнон. Они выходили и выходили к помосту, пока перед нами не выстроились около пятидесяти человек.

– Секции и отряды, – прошептала я Рианнон на случай, если она выросла не в семье военных. – По три отряда в каждой секции и по три секции в каждом из четырех крыльев.

– Спасибо, – ответила Рианнон.

Даин стоял в секции Второго крыла, лицом ко мне, но показательно отводил глаза.

– Первый отряд! Секция Когтя! Первое крыло! – крикнула Нира.

Человек, стоявший ближе всех к помосту, поднял руку.

– Кадеты, когда назовут ваше имя, встаньте в строй позади командира своего отряда, – проинструктировала Нира.

Рыжая с арбалетом и свитком вышла вперед и начала называть имена. Один за другим кадеты двигались из толпы к строю, а я продолжала считать, прикидывая, кто тут первогодок, а кто уже не новичок, судя по одежде и высокомерному виду. Получалось, что в каждом отряде должно быть примерно пятнадцать или шестнадцать человек.

Джека вызвали в секцию Пламени Первого крыла.

Тару вызвали в секцию Хвоста, и вскоре приступили к формированию Второго крыла.

Я благодарно выдохнула, когда командир крыла вышел вперед, и им оказался не Ксейден.

Нас с Рианнон вызвали во второй отряд секции Пламени. Мы встали в строй, формируя квадрат. Быстро оглядевшись, я поняла, что у нас есть командир отряда – Даин, который не смотрит на меня, девушка – его заместитель, четыре всадника, которые выглядели так, будто они со второго или третьего курса, и девять первокурсников. У одной из всадниц с двумя звездами на форме и полувывыбранными розоватыми волосами была видна метка восстания, которая обвивала ее предплечье от запястья до локтя и исчезала под формой. Но я быстро отвернулась, чтобы девушка не заметила моего взгляда.

Мы молчали, пока вызывали остальные крылья. Солнце уже светило вовсю, нагревало мои кожаные штаны и обжигало щеки. *Я говорила ему не держать тебя в библиотеке.* Эти мамины слова преследовали меня с самого утра, но... я же не могла подготовиться ко всему. И изменить свою суть. Ибо у меня существовало ровно два оттенка кожи, когда дело касалось солнца: бледный и обожженный.

Когда прозвучал приказ, мы все повернулись лицом к трибуне. Я старалась смотреть на девушку со свитком, но мой взгляд предательски соскользнул вправо, и пульс тут же подскочил.

Ксейден смотрел на меня расчетливо и холодно, словно планировал мою смерть. Прямо вот с того самого места, где он возвышался в качестве командира Четвертого крыла.

Я вздернула подбородок.

Он поднял покрытую шрамами бровь. Затем он что-то сказал командиру Второго крыла, а затем все командиры крыльев присоединились к явно горячему обсуждению.

– Как ты думаешь, о чем они говорят? – прошептала Рианнон.

– Тихо, – зашипел на нее Даин.

Я тут же почувствовала, как мышцы спины напряглись. Не стоило ожидать, что он будет продолжать оставаться Даином здесь, в таких обстоятельствах, но его тон все равно здорово раздражал.

Наконец лидеры крыльев повернулись лицом к нам, и от издевательской улыбки на губах Ксейдена меня мгновенно затошнило.

– Даин Аэнос, вы и ваш отряд поменяетесь с отрядом Ауры Бейнхейвен, – приказала Нира.

Подождите. Что? Кто такая Аура Бейнхейвен?

Даин кивнул, затем повернулся к нам:

– Следуйте за мной.

Единожды сказав это, он быстро зашагал сквозь строй, заставляя нас чуть ли не бежать за ним. Мы прошли мимо другого отряда по пути из... из...

Кажется, я даже дышать перестала.

Мы переходили в Четвертое крыло. Крыло Ксейдена.

Прошла минута, может две, и мы заняли свое место в новом строю. Я с трудом втянула воздух. На надменном красивом лице Ксейдена появилась ехидная ухмылка.

Теперь я полностью была в его власти, низшее звено в цепи его подчиненных. Он мог наказать меня как угодно за малейшее нарушение, даже воображаемое.

Когда перестроение закончилось, Нира посмотрела на Ксейдена. Он кивнул, сделал шаг вперед и наконец прервал наше соревнование взглядов. Я была уверена, что он победил, учитывая, что мое сердце скакало, как сорвавшаяся с привязи лошадь.

– Теперь вы все кадеты, – голос Ксейдена разнесся над двором, громче и дальше, чем у других. – Посмотрите на свой отряд. Это единственные люди, которые гарантированно не убьют вас, по правилам Кодекса. Но это не значит, что все остальные не попытаются. Хотите дракона? Заработайте его.

Большинство кадетов аплодировало и кричало что-то одобрительное, но я к ним не присоединилась.

Шестьдесят семь человек сегодня или упали, или погибли каким-то другим образом. Шестьдесят семь таких же, как Дилан, чьи родители сейчас либо забирали их тела, либо смотрели, как их хоронят у подножия горы под простым камнем. Я не могла заставить себя радоваться их утрате.

Глаза Ксейдена вновь нашли мои, и в груди что-то болезненно сжалось, прежде чем он отвел взгляд.

– И я уверен, что сейчас вы чувствуете себя очень крутыми, не так ли, первогодки?

Снова аплодисменты.

– После парашюта вы чувствуете себя непобедимыми? – прокричал Ксейден. – Вы думаете, что вы неприкасаемые! Вы на пути к тому, чтобы стать элитой! Избранниками! Избранными!

Крики и аплодисменты раздавались после каждого его слова, все громче и громче.

Нет. Это уже были не просто возгласы, это был звук крыльев, бьющих покорный воздух.

– О боги, они прекрасны, – прошептала рядом со мной Рианнон, когда в поле зрения появился воздушный строй драконов.

Я всю жизнь провела рядом с драконами, но всегда наблюдала их на расстоянии. Они не терпели людей, которых не выбрали. Но эти восемь?! Сейчас они на всей скорости летели к нам.

В тот самый момент, когда я решила, что они вот-вот пролетят над нашими головами, драконы набрали высоту, взбив воздух своими огромными полупрозрачными крыльями, и остановились. Поднятый ими ветер едва не свалил меня с ног, когда они приземлились на внешнюю полукруглую стену. Чешуя на их груди пульсировала от движения, а острые как бритва когти впились в края стены, обхватив ее с двух сторон. Теперь я поняла, почему здешние стены толщиной в десять футов. Это не защитное сооружение. Край крепости – это гребаный насест.

У меня сам собой открылся рот. За пять лет жизни здесь я никогда такого не видела, но мне никогда и не разрешали смотреть на то, что происходит в День новобранца.

Несколько кадетов закричали.

Наверное, каждый хочет стать всадником дракона, пока не окажется в двадцати футах от него.

Пар обдал мое лицо, когда темно-синий дракон шумно выдохнул через широкие ноздри. Его сверкающие голубые рога поднимались над головой в элегантном смертоносном изгибе. Он расправил и сложил крылья – их верхний сустав венчал свирепый коготь. Хвост тоже представлял угрозу, но я не могла разглядеть его под таким углом или хотя бы определить, к какой породе относится каждый из драконов, не имея такой подсказки.

Верно лишь одно: все они смертельно опасны.

– Придется снова привлекать каменщиков, – пробормотал Даин, когда куски скалы начали крошиться под хваткой драконов, обрушиваясь на двор валунами размером с мое туловище.

Перед нами сидели три дракона разных оттенков красного, два зеленых – как Тейн, дракон Миры, – один коричневый, как у мамы, один оранжевый и огромный синий. Все они были массивные, они затмевали саму мощь цитадели и глядели на нас, прищулив золотистые глаза в полном, абсолютном осуждении.

Если бы мы, ничтожные людишки, не были нужны им, чтобы развивать способности к печатям, проявляющимся от связи, и плести защитные чары вокруг Наварры, я уверена, они бы съели нас всех и покончили с этим. Но им нравилось защищать Долину – долину за Басгиатом, которую драконы называют своим домом, – от безжалостных грифонов, а нам нравилось жить, потому и появился столь необычный и маловероятный союз.

Мое сердце рвалось из груди, и самой мне тоже хотелось бежать. Одна мысль о том, что я должна оседлать одного из них, охренительно смешотворна.

Из строя Третьего крыла с громким криком выбежал курсант и бросился к каменной башне позади нас. Мы все обернулись, глядя, как он несется к огромной арочной двери в центре стены. Отсюда я с трудом разбирала слова, высеченные на арке сверху, но я знала их наизусть. *Дракон без своего всадника горюет. Всадник без своего дракона мертв.*

Единожды связанные, всадники не могут жить без своих драконов, но большинство драконов прекрасно живут после смерти всадника. Поэтому они выбирают тщательно, чтобы не унижаться, выбрав труса, ведь дракон никогда не признается в ошибке.

Красное чудовище слева открыло свою огромную пасть, обнажив зубы размером с человека. Эта пасть при желании могла бы раздавить меня, как виноградину. Огонь плеснул вдоль драконьего языка, а затем вырвался в сторону бегущего струей жуткого пламени.

И тот превратился в кучку пепла на гравии, не успев добраться даже до тени убежища.

Шестьдесят восемь погибших.

Жар от огня обжег мне щеки, когда я поворачивалась обратно, лицом к драконам. Если кто-то еще побежит и будет так же казнен, я не хотела этого видеть. Вокруг раздавалось все больше криков. А я изо всех сил сжимала челюсти, чтобы не издать ни звука.

Пронеслись еще два горячих потока, один слева от меня, другой справа.

Пусть будет семьдесят.

Морской дракон наклонил голову в мою сторону, его суженные золотистые глаза как будто видели меня насквозь: страх, тянущий в животе, и сомнения, коварно обернувшиеся вокруг моего сердца. Готова поспорить, что он мог разглядеть даже обмотку, поддерживающую мое колено. Дракон знал, что я в невыгодном положении, что я слишком мала, чтобы взобраться на его переднюю лапу и сесть на хребет, слишком хрупкая, чтобы ехать верхом. Драконы всегда знают.

Но я не собиралась убегать. Я бы не стояла здесь, если бы сдавалась каждый раз, когда казалось, что что-то невозможно преодолеть. Я не умру сегодня. Слова звучали в моей голове так же, как они звучали перед парашютом и на нем.

Я отвела плечи назад и еще выше подняла подбородок.

Дракон моргнул, то ли в качестве одобрения, то ли заскучав, и отвернулся.

– Кто-нибудь еще желает передумать? – крикнул Ксейден, оглядывая оставшихся курсантов тем же пронизательным взглядом, что и темно-синий дракон за его спиной. – Нет? Отлично. Примерно половина из вас будет мертва к следующему лету.

В строю воцарилась тишина, за исключением нескольких несвоевременных всхлипов слева от меня.

– Третий из вас умрет еще через год, и то же самое в последний год. Здесь никого не волнует, кто твои мама или папа. Даже второй сын короля Таури умер во время Молотьбы. А теперь скажите мне: чувствуете ли вы себя непобедимыми сейчас, когда попали в квадрант всадников? Неприкасаемыми? Элитой?

Никто больше не аплодировал.

Еще одна волна жара – на этот раз прямо в лицо – и каждый мускул моего тела сжался, готовясь быть испепеленным. Но это не пламя... просто горячий воздух. Он сдул назад косы Рианнон, а потом драконы закончили выдыхать одновременно. Бриджи на первогодке впереди меня потемнели, и пятно расплылось по ногам сверху донизу.

Они хотели нас напугать. Что же, у них получилось.

– Для них вы не неприкасаемые и не особенные. – Ксейден указал в сторону морского дракона и слегка наклонился вперед, словно раскрывая нам секрет, пока мы смотрели друг на друга. – Для них вы просто добыча.

Глава 4

Ринг для вызовов – это место, где всадников куют или ломают. В конце концов, ни один уважающий себя дракон не выберет всадника, который не может защитить себя, и ни один уважающий себя кадет не позволит такой угрозе для крыла продолжать тренировки.

Майор Афендра. Руководство для драконьих всадников (запрещенное издание)

– Елена Соса, Брейден Блэкберн... – Капитан Фитцгиббонс зачитывал с помоста список погибших.

Ему помогали еще два писца, а мы в молчании стояли во внутреннем дворе крепости, щурясь на утреннее солнце.

Сегодня утром мы уже все были одеты в черное, у меня на ключице появилась серебряная четырехконечная звезда, знак первогодка, а на плече – нашивка Четвертого крыла. Вчера, после прохождения парапета, нам выдали стандартное обмундирование: летние облегающие рубахи, брюки, ремни и обувь. Не выдали только кожаную форму всадников. Не было смысла тратить на нас более плотную и прочную боевую форму, когда в октябре, к началу Молотьбы, половины из нас здесь уже не будет. Бронированный корсет, который для меня сделала Мира, не соответствовал нормам, но, надев поверх него униформу, я отлично вписалась в толпу одинаковых кадетов.

Спустя всего сутки и одну ночь в казармах на первом этаже я начала понимать, что этот квадрант представляет собой любопытную смесь из гедонизма под девизом «Завтра мы все равно умрем» и крайней эффективности – по той же причине.

– Джейс Сазерленд... – капитан Фитцгиббонс продолжал читать, а писцы рядом с ним устало переминались с ноги на ногу. – Дугал Луперко.

Думаю, счет уже шел где-то в районе пятидесяти, но я сбилась, когда несколько минут назад он зачитал имя Дилана. Ведь это единственная память об этих людях, единственный раз, когда их имена произносили в стенах цитадели, поэтому я старалась сосредоточиться и запомнить каждое – но их было слишком много.

По совету Мира, я всю ночь провела в доспехах, и теперь у меня пошло раздражение по всей коже, а еще болело колено, но я сопротивлялась желанию наклониться и поправить обмотку.

Утром мне удалось незаметно перемотать бинт, несмотря на то что уединиться тут было проблематично. Но я справилась, прямо на койке в казарме для первогодков, пока никто не проснулся.

Нас оказалось сто пятьдесят шесть человек на первом этаже общежития. Кровати стояли в четыре аккуратных ряда на открытом пространстве, в больших залах. Несмотря на то что Джека Барлоу поселили на третьем этаже, я не собиралась позволять никому из окружающих видеть мои слабости. Не раньше, чем я узнаю, кому можно доверять. А личные комнаты – это как летные доспехи: не получишь, пока не переживешь Молотьбу.

– Симона Кастенеда, – капитан Фитцгibbonс опустил свиток. – Мы отдаем их души Малеку.

Богу смерти.

Я моргнула. Похоже, его речь была ближе к концу, чем я думала. Не было формального завершения построения, никто не выделил минуты молчания. Имена на свитке покинули помост вместе с писцами, и тишина во дворе нарушилась, когда командиры отрядов повернулись и начали инструктировать своих людей.

– Надеюсь, вы все позавтракали, потому что до обеда у вас не будет возможности поесть, – сказал Даин, и его глаза встретились с моими на долю секунды, прежде чем он отвел взгляд, притворяясь безразличным.

– А он отлично делает вид, что не знает тебя, – прошептала Рианнон рядом со мной.

– Да, – так же тихо ответила я.

Улыбка задрожала в уголках моего рта, но я сохраняла как можно более безучастное выражение, впитывая сердцем, наслаждаясь видом Даина. Солнце играло в его песочно-каштановых волосах, и когда он повернул голову, я увидела шрам, выглядывавший из бороды на подбородке, который вчера как-то не заметила.

– Второй и третий курсы, я полагаю, вы знаете, куда идти, – продолжил Даин, пока по краю двора справа от меня писцы проходили, направляясь обратно в свой сектор.

Я старательно игнорировала тихий голосок внутри, напоминающий о том, что мог быть и мой квадрант. Размышления «если бы да кабы» не помогут мне дожить до завтрашнего восхода солнца.

Старшие кадеты впереди нас согласно забормотали. Как первокурсников, нас поставили в два задних ряда маленького квадрата, составляющего второй отряд.

– Первогодки, хотя бы один из вас должен был запомнить учебное расписание, когда его раздавали вчера, – голос Даина гремел над нашими головами, и образ сурового, серьезного руководителя никак не сходился с веселым, улыбчивым парнем, которого знала я. – Держитесь вместе. Я ожидаю, что вы все будете живы, когда мы встретимся сегодня днем в зале для вызовов.

Проклятье, я почти забыла, что у нас сегодня спарринг. В расписании нам поставили спортзал только два раза в неделю, так что если сегодня получится остаться невредимой, то еще на пару дней я в безопасности. По крайней мере, у меня будет немного времени, чтобы прийти в себя перед Полосой препятствий. Эту невероятно сложную цепочку испытаний мы должны были идеально освоить за два месяца, к тому времени, как листья окрасятся в теплые цвета.

Если нам удастся одолеть последнюю Полосу, мы отправимся по естественному каньону над ней к полю для Представления, где драконы этого года, желающие выбрать всадника, будут смотреть на оставшихся кадетов. А через два дня после этого в Долине под цитаделью начнется Молотьба.

Я оглядела своих новых товарищей по отряду и невольно задалась вопросом, доберется ли хоть кто-то из нас до этого поля для Представления, не говоря уже о Долине.

Так. Не стоит забивать себе голову неактуальными проблемами.

– А если мы все же сдохнем? – спросил какой-то умник-первокурсник позади меня.

Я не снизошла до того, чтобы обернуться, а вот Рианнон посмотрела назад и показательно закатила глаза.

– Тогда мне не придется учить твое имя, поскольку его зачитают завтра утром, – ответил Даин, пожимая плечами.

Второкурсница впереди меня фыркнула от смеха, от этого движения зазвенели две маленькие серьги в форме колечек в ее левой мочке, а вот розоволосая осталась серьезной и промолчала.

– Сойер? – Даин посмотрел на первокурсника слева от меня.

– Я их отведу, – коротко кивнув, отозвался высокий, жилистый курсант с бледным веснушчатым лицом.

Его челюсть дернулась, и у меня в груди защемило от сочувствия. Он один из второкурсников – кадет, который не нашел дракона во время Молотьбы, и теперь ему пришлось начинать весь год заново.

– Вперед, – приказал Даин, и наш отряд – одновременно с остальными – из ровного строя превратился в толпу болтающих кадетов. Всадники со второго и третьего курса, и Даин в том числе, куда-то быстро засобирались и ушли.

– У нас около двадцати минут, чтобы добраться до класса, – прокричал Сойер, обращаясь к первогодкам – всего нас было восемь человек. – Четвертый этаж, вторая комната слева в учебном крыле. Шевелите задницами и не опаздывайте.

Он не стал дожидаться, пока мы ответим, что услышали его и все поняли, и тут же зашагал в сторону общежития.

– Это, должно быть, тяжело, – сказала Рианнон, когда мы толпой отправились за ним следом. – Быть отброшенным на год назад и делать все заново.

– Не так тяжело, как быть мертвым, – сказал тот умник, что шутил на построении, проходя справа.

Его темно-каштановая челка подпрыгивала на смуглом лбу с каждым шагом. Кажется, звали его Ридок, если я правильно запомнила из краткого знакомства со всеми, которое состоялось вчера вечером перед ужином.

– Это правда, – ответила я, когда мы затормозили у двери, пытаясь все одновременно просочиться внутрь здания.

– Я слышала, как один третьекурсник сказал, что если первогодок выживает после Молотьбы, но не получает дракона, то квадрант дает возможность попробовать еще раз, если таково желание кадета, – добавила Рианнон, и я не могла не задаться вопросом, сколько решимости нужно иметь, чтобы выжить в первый год и затем начать все заново только ради шанса однажды стать всадником. Ведь и во второй раз ты можешь так же легко умереть.

Слева раздался птичий свист: мое сердце подпрыгнуло и я вгляделась поверх голов в толпу, потому что сразу узнала этот звук. Даин.

Зов повторился снова, и я сузила круг поиска до того места, где виднелась дверь в ротонду. Даин стоял на вершине широкой лестницы, как только наши взгляды встретились, он едва заметным кивком указал в сторону двери.

– Я буду... – начала было я говорить Рианнон, но она уже проследила за моим взглядом.

– Я возьму твои вещи и встречу тебя уже на занятии. Они под твоей койкой, верно? – спросила она.

– Тебя это не затруднит?

– Твоя койка рядом с моей, Вайолет. Так что мне не сложно. Иди! – Она одарила меня заговорщицкой улыбкой и хлопнула по плечу.

– Спасибо!

Я улыбнулась ей, а затем начала активно пробираться сквозь толпу, пока не вырвалась на свободу. К счастью для меня, курсантов, направляющихся в общежитие, было не так уж много, а значит, никто не видел, как я проскользнула в одну из четырех огромных дверей ротонды.

И тут же резко втянула воздух, замерев. Ротонда была похожа на рисунки, которые я видела в архивах, но ни одно изображение, ни одно художественное средство не передавало, насколько подавляло пространство внутри нее, насколько изысканной была каждая деталь. Возможно, это было самое красивое произведение архитектуры не только в цитадели, но и во всем Басгиате. Помещение высотой в три этажа, наполненное мягким утренним светом от полированного мраморного пола до куполообразного стеклянного потолка. Слева – две массивные арочные двери в академическое крыло, справа – такие же, ведущие в общежития, а еще через полдюжины ступеней передо мной виднелись четыре дверных проема, открывающихся в зал собраний.

На равном расстоянии друг от друга, переливаясь разными цветами – красным, зеленым, коричневым, оранжевым, синим и черным, – стояли шесть устрашающих мраморных колонн, вырезанных в виде драконов, словно пикирующих с потолка сверху. Между оскаленными пастьми у основания каждого из них было достаточно места, чтобы в центре поместилось по меньшей мере четыре отряда, но сейчас там было пусто.

Я прошла мимо первого дракона, высеченного из темно-красного мрамора, и чья-то рука ухватила меня за локоть, втянув за колонну, туда, где обнаружилась щель между каменным когтем и стеной.

– Это я, – проговорил Даин тихим, низким голосом, поворачивая меня лицом к себе.

Каждая линия его фигуры излучала напряжение.

– Я так и подумала, раз уж это ты звал меня сюда по-птичьи. – Я засмеялась, кивнув.

Он использовал этот сигнал еще с тех пор, как мы были детьми и жили у границы Кровлы, когда наши родители служили там в Южном крыле.

Нахмутив брови, он окинул меня взглядом, несомненно, в поисках новых повреждений.

– У нас есть всего несколько минут, потом здесь станетлюдно. Как твое колено?

– Больно, но жить буду.

У меня бывали травмы и посильнее, и мы оба это знали, но бесполезно просить его расслабиться, когда он явно не собирался этого делать.

– Никто не пытался приставать к тебе прошлой ночью?

Беспокойство морщиной прорезало его лоб, и я сложила руки на груди – лишь бы не сорваться и не начать разглаживать эту жесткую линию пальцами. Его забота наполняла мою грудь каменной тяжестью.

– Если бы попытались, это был бы ужас-ужас? – решила я его поддразнить, улыбнувшись еще шире.

Он опустил руки и вздохнул так тяжело, что звук эхом заметался по ротонде.

– Ты же знаешь, я не это имел в виду.

– Никто не пытался убить меня прошлой ночью, Даин, и даже не причинил мне вреда, – я прислонилась спиной к стене, чтобы немного снять нагрузку с колена. – Почти уверена, что мы все слишком устали и были слишком рады, что остались живы, чтобы начать резать друг друга.

После того, как выключили свет, в казарме довольно быстро стало тихо. Кажется, предыдущий день всех эмоционально измотал.

– Но ты успела поесть с утра, да? Я знаю, как быстро всех выпроваживают из общежития, когда колокола звонят шесть.

– Я поела с остальными первокурсниками, и, предупреждая остальные нотации, я заново забинтовала колено под одеялом и заплела волосы в косу до того, как зазвучали колокола. Я уже много лет живу по часам писцов, Даин. Они встают на час раньше. Я даже подумываю стать добровольцем для дежурства за завтраком.

Он уставился на туго заплетенную серебристую косу, которую я кругом уложила на голове – так она выглядела словно корона на более темных волосах.

– Тебе стоит их остричь.

– Только не начинай, – покачала я головой.

– Женщины здесь не просто так коротко стригут волосы, Ви. Как только кто-то вцепится в твою косу на ринге для поединков...

– Мои волосы меньше всего волнуют меня на ринге, – ответила я.

Его глаза расширились.

– Я просто пытаюсь защитить тебя. Тебе повезло, что сегодня утром я не сунул тебя в руки капитана Фитцгиббонса и не умолял его забрать тебя отсюда.

Я проигнорировала угрозу. Мы теряли время, а от Даина мне позарез нужно было кое-что узнать.

– Почему вчера наш отряд перевели из Второго крыла в Четвертое?

Он напрягся и посмотрел в сторону.

– Расскажи мне.

Я хотела знать, не накручиваю ли я себя почем зря по поводу, которого не существует.

– Проклятье, – пробормотал он, проводя рукой по волосам. – Ксейден Риорсон хочет твоей смерти. После вчерашнего об этом весь руководящий состав знает.

Нет. Не зря накручиваю.

– Он перевел отряд, чтобы у него был прямой рычаг влияния на меня. Теперь он может делать все, что захочет, и никто не будет задавать лишних вопросов. Я – его мсть моей матери, – мое сердце даже не дрогнуло от того, что мои подозрения подтвердились. – Я так и думала. Мне просто нужно было убедиться, что мое воображение не рисует все в слишком мрачном свете.

– Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, – Даин сделал шаг вперед и взял мое лицо в ладони. Его большой палец успокаивающе погладил мою скулу.

– Ты мало что можешь сделать. – Я оттолкнулась от стены и поднырнула под руку Даина, оказавшись вне его досягаемости. – Мне нужно идти на занятия.

В ротонде уже раздавалось эхо голосов – кажется, несколько кадетов прошли мимо совсем близко.

Подбородок Даина на секунду напрягся, а между бровями снова появились складки.

– Постарайся держаться в тени, особенно когда мы собираемся на инструктаж. Цвет волос тебя, конечно, все равно выдаст, но это единственный курс, который проходит весь квадрант. Я посмотрю, – может, кто-нибудь со второго курса постоит на страже...

– Никто не станет убивать меня во время урока истории. – Я закатила глаза. – Лекции – это единственное место, где мне не нужно волноваться. Да и что Ксейден сделает? Вытащит меня из класса и проткнет мечом посреди коридора? Или ты действительно думаешь, что он пырнет меня ножом посреди инструктажа?

– От него чего угодно можно ожидать. Он охренительно безжалостен, Вайолет. Как ты думаешь, почему его дракон выбрал именно его?

– Тот темно-синий, который вчера приземлился за помостом? – Мой желудок скрутило. То, как его золотые глаза оценивали меня...

Даин кивнул.

– Сгаэль – синий кинжалохвост, и она... злобная. – Он сглотнул. – Не пойми меня неправильно. Кэт – та еще штучка, если разозлить, – как и все красные мечехвосты. Но даже большинство драконов сторонятся Сгаэль.

Я посмотрела на Даина, на шрам на его челюсти и встретила жесткий взгляд знакомых и одновременно чужих глаз.

– Что? – спросил он.

Голоса вокруг нас тем временем становились громче, и эхо множества шагов то приближалось, то удалялось.

– Ты связан с драконом. У тебя есть способности, о которых я даже не знаю. Ты открываешь двери с помощью магии. Ты – командир отряда. – Я произносила фразы медленно, надеясь, что их смысл дойдет наконец до моего сознания и я действительно пойму, насколько сильно он изменился. – Просто мне трудно осознать, что ты все еще... Даин.

– Я все еще я. – Его поза смягчилась, и он поднял короткий рукав своей туники, обнажая печать красного дракона на своем плече. – Просто теперь у меня есть это. А что касается способностей, то Кэт обладает довольно выдающейся магией по сравнению с некоторыми другими драконами, но я еще не достиг мастерства в этом. Я не так уж сильно изменился. Что касается малой магии, получаемой через связь с помощью этой метки, то я могу делать стандартные вещи, такие как открывать двери, увеличивать скорость движения и наполнять ручки чернилами, чтобы не писать неудобными перьями.

– А какая у тебя печать?

Как только дракон начинает питать своего всадника силой, всадник может творить малую магию, но печать – это уникальная способность, индивидуальная, самое сильное умение, которое является результатом особенной связи между драконом и человеком.

У некоторых печати одинаковые. Владение огнем, владение льдом и владение водой – вот лишь некоторые из наиболее распространенных способностей, полезных в бою.

Но еще есть знаки, которые делают всадника необыкновенным. Моя мать может заклинать бури.

Мельгрэн – предвидеть исход битв.

Я не могла не задаться вопросом, что за знак у Ксейдена – и не использует ли он его, чтобы убить меня, когда я меньше всего этого ожидаю.

– Я могу читать недавние воспоминания человека, – тихо признался Даин. – Не так, как прорицатель читает мысли или что-то в этом роде, – я должен прикоснуться к тому, чьи мысли читаю. О моей печати не распространяются. Думаю, меня будут использовать в разведке.

Он постучал пальцем по нашивке компаса под эмблемой Четвертого крыла на плече. Ношение этого знака указывало на то, что печать строго засекречена. Просто вчера я этого не заметила.

– Никому ничего не скажу, – я улыбнулась и с облегчением выдохнула, вспомнив, что на форме Ксейдена не было никаких дополнительных нашивок.

Даин кивнул и возбужденно улыбнулся.

– Я все еще учусь, и конечно, чем ближе я к Кэт, тем лучше результат, но да. Я кладу руки на чьи-то виски и могу видеть то, что видел человек. Это... невероятно.

Эта печать не просто выделила Даина из толпы. Она сделает его одним из самых ценных инструментов допроса, которые у нас есть.

– И ты говоришь, что не изменился, – поддразнила я.

– Это место сильно меняет людей, Ви. Оно отсекает все наносное, обнажая твою сущность. В этом цель. Твои прежние связи рвут, чтобы ты был предан только своему крылу. Это одна из многих причин, по которым первокурсникам не разрешают переписываться с семьей и друзьями, иначе я бы обязательно тебе писал. Но год не изменил того, что я по-прежнему считаю тебя своим лучшим другом. Я все еще Даин, и в следующем году ты все еще будешь Вайолет. Мы все еще будем нами.

– Если я останусь жива, – пошутила я одновременно со звоном колокола. – Мне нужно на занятия.

– Да, а я теперь опоздаю на летное поле. – Даин шагнул в сторону, готовясь выйти из-за колонны. – Слушай, Риорсон все же лидер крыла. Он будет преследовать тебя, но... но сначала он найдет способ делать это в рамках правил Кодекса, по крайней мере на виду у всех. Я был... – Его щеки заалели. – В прошлом году я очень подружился с Эмбер Мэвис – нынеш-

ним лидером Третьего крыла, и говорю тебе, Кодекс для них священен. Теперь ты иди первой. Увидимся в зале для спаррингов.

Он ободряюще улыбнулся.

– Увидимся.

Я улыбнулась в ответ и, повернувшись на пятках, прошла вокруг основания массивной колонны в полупустую ротонду. Здесь было уже несколько десятков курсантов, идущих от одного здания к другому, и мне потребовалась секунда, чтобы сориентироваться.

Затем я заметила вход в учебный корпус между оранжевой и черной колоннами и направилась туда, сливаясь с толпой.

Волоски на затылке встали дыбом, а по позвоночнику пробежал холодок, когда я пересекла центр ротонды, затем мои шаги замерли. Кадеты продолжали двигаться вокруг меня, но мой взгляд устремился вверх, прикипел к верхней ступени лестницы, ведущей в зал собраний.

Вот дерьмо.

Ксейден Риорсон смотрел на меня сузившимися глазами, рукава его униформы были закатаны, массивные руки сложены на груди, метка на запястье и предплечье выставлена напоказ. Третьекурсник рядом что-то говорил ему, но Ксейден откровенно его игнорировал.

Мое сердце подпрыгнуло и застряло в горле. Между нами было около двадцати футов. Мои пальцы дернулись, готовые выхватить один из клинков, закрепленных в ножнах у ребер. Так вот где он это делает? Посреди ротонды? Мраморный пол серый и гладкий, так что персоналу не составит труда убрать кровь...

Он наклонил голову и изучал меня своими невероятно темными глазами, словно выискивая слабое место.

Я должна бежать, верно? Но, по крайней мере, я смогу уловить начало его атаки, если замру здесь, глядя на него.

Тут его внимание переключилось, Ксейден увидел что-то за моим правым плечом и поднял одну бровь.

У меня свело живот, когда Даин вышел из-за колонны.

– Что ты... – начал было он, подходя ко мне и хмурясь в замешательстве.

– На верху ступеней. Четвертая дверь, – прошипела я, прерывая его.

Взгляд Даина метнулся вверх. Толпа вокруг нас уже поредела, и он, пробормотав проклятие, не очень скрытно шагнул ближе ко мне. Меньше людей – меньше свидетелей, но я не настолько глупа, чтобы думать, что Ксейден не убьет меня на глазах у всего квадранта, если захочет.

– Я знаю, что ваши родители крепко повязаны, – сказал Ксейден, и жестокая улыбка искривила его губы. – Но вам двоим обязательно было вести себя настолько очевидно?

Несколько кадетов, которые все еще находились в ротонде, повернулись, чтобы посмотреть на нас.

– Дай-ка угадаю, – продолжил Ксейден, скользя взглядом между мной и Даином. – Друзья детства? Или даже первая любовь?

– Он не может причинить тебе вред без причины, верно? – прошептала я. – Без причины и созыва кворума командиров крыльев, потому что ты командир отряда. Статья четыре, раздел три.

– Верно, – ответил Даин, не потрудившись понизить голос. – Но тебе – может.

– Я ожидал, что ты будешь лучше скрывать свои привязанности, Аэтос. – Ксейден двинулся по ступенькам к нам.

Дерьмо. Дерьмо. Гребаное дерьмо!

– Беги, Вайолет, – приказал мне Даин. – Сейчас же.

И я побежала.

Глава 5

Зная, что тем самым открыто противоречу приказам генерала Мельгрена, я официально возражаю против плана, изложенного на сегодняшнем инструктаже. Я не считаю, что детей лидеров восстания следует заставлять смотреть на казнь их родителей. Ни один ребенок не должен видеть, как убивают его отца и мать.

Генерал Лилиит Сорренгейл. Тирское восстание, официальная сводка для короля Таури

– Добро пожаловать на ваш первый инструктаж, – громко сказала профессор Девера с нижнего яруса большого лекционного зала.

Ярко-фиолетовая нашивка секции Пламени идеально сочеталась с ее короткой стрижкой. Инструктаж был единственным занятием, которое проводилось в круглом многоуровневом зале, занимающем значительную долю академического корпуса. Эта аудитория была одним из двух помещений цитадели, где можно было вместить всех кадетов одновременно. Скрипучие деревянные сиденья, все до единого, были заняты учениками, а кадеты с третьего курса стояли позади, прислонившись к стене. Тем не менее мы все поместились.

Инструктаж совсем не походил на прошлое занятие по истории, где присутствовало всего три отряда первогодков, но, по крайней мере, кадетам нашего отряда удалось сесть вместе. Если бы я только могла вспомнить их имена.

Ридока оказалось легко запомнить – на истории он постоянно подавал остроумные реплики, комментируя услышанное. Я надеялась, что ему хватит ума не пытаться провернуть то же самое здесь. Профессор Девера, судя по всему, не любила шутки.

– Раньше всадников редко призывали на службу до выпуска, – продолжала она, поджав губы и медленно расхаживая перед двадцатифутовой картой континента, прикрепленной к задней стене.

Там были замысловато обозначены наши пограничные аванпосты. Десятки магических огней освещали пространство, компенсируя отсутствие окон и отражаясь от длинного меча, который профессор держала на перевязи за спиной.

– А если и призывали, то это всегда были кадеты третьего курса, выступавшие под защитой передних крыльев. Однако теперь мы ожидаем, что вы закончите обучение с полным пониманием того, чему нам приходится противостоять. Дело не только в том, чтобы знать, где базируется каждое из крыльев.

Она сделала паузу, устанавливая зрительный контакт с каждым первогодком, которого видела. Звание на ее плече гласило «капитан», но я знала, что она станет майором раньше, чем закончит вести курс, судя по количеству медалей, приколотых к ее груди.

– Вы должны понимать политику неприятеля, стратегии защиты наших аванпостов от постоянных атак и быть в курсе как недавних, так и текущих сражений. Если вы не в состоянии понять основы, вам будет нечего делать на спине дракона.

Она приподняла бровь – черную, но всего на несколько оттенков темнее ее темно-коричневой кожи.

– «Никакого давления», – говорили они, – пробормотала Рианнон, яростно делая записи.

– Все будет хорошо, – шепотом ответила я. – Кадетов с третьего курса не посылают на фронт, только на посты в центральной части страны, для подкрепления.

Находясь рядом с матерью, я держала ухо востро, поэтому знала подобные вещи.

– Это единственное занятие, которое вы будете посещать каждый день. Потому что только эти знания будут иметь значение, если вас призовут на службу раньше срока.

Взгляд профессора Деверы скользнул слева направо и остановился на мне. Ее глаза на мгновение расширились, но она одобрительно улыбнулась и кивнула, прежде чем продолжать.

– Поскольку этот курс проводится каждый день и опирается на самую свежую информацию, вы также будете подчиняться профессору Маркему, который заслуживает исключительного уважения с вашей стороны.

Она помахала писцу рукой, и тот подошел к лекторской трибуне. Его форма кремового цвета контрастировала с абсолютно черной одеждой профессора Деверы. Маркем наклонился, и она шепнула ему что-то, – в ту же секунду его густые брови удивленно подскочили вверх. Он резко повернул голову в мою сторону.

Усталый взгляд полковника встретился с моим, и я не увидела на его лице одобрительной улыбки, зато услышала вздох, наполнивший мою грудь тяжестью и печалью. Предполагалось, что я стану его лучшей ученицей в квадранте писцов, его главным достижением перед уходом на пенсию. Какая ирония, что сейчас я оказалась последней из тех, у кого есть шанс преуспеть в этом.

– Долг писцов – не только изучать прошлое, но и фиксировать настоящее, чтобы остальные могли получить доступ к знаниям. – Он потер переносицу своего выпуклого носа и наконец отвел от меня разочарованный взгляд. – Без точных характеристик наших линий фронта, без надежной информации для принятия стратегических решений и, самое главное, без достоверных деталей для документирования нашей истории на благо будущих поколений мы обречены не только как королевство, но и как общество.

Вот почему я всегда хотела быть писцом. Жаль, что сейчас это уже не имело значения.

– Первая тема на сегодня.

Профессор Девера подошла к карте и взмахнула рукой, направляя магический свет прямо на восточную границу с королевством Поромиэль в провинции Брайевик.

– Прошлой ночью возле деревни Чакир наше Восточное крыло атаковала группа ездовых на грифонах из приграничной области.

Вот дерьмо.

В зале зашептались, а я обмакнула перо в чернильницу и приготовилась записывать. Я с нетерпением дожидалась связи с драконом, чтобы наконец начать пользоваться такими же замечательными ручками, как те, что мама держала у себя на столе. У меня на губах заиграла невольная улыбка. Определенно, в должности всадника есть и свои плюсы. То есть будут.

– Конечно, некоторая часть информации была изменена в целях безопасности, но мы можем вам сказать, что вдоль хребта Эсбенских гор наша защита пошатнулась. – Профессор Девера развела руки в стороны, и луч магического света расширился, освещая горы, образующие нашу границу в районе Брайевика. – Что не только позволило грифонам попасть на территорию Наварры, но и дало возможность вражеским ездовым применить свои силы в районе полуночи.

У меня внутри все сжалось, а по рядам кадетов прокатился ропот. Особенно волновались первогодки. Драконы не были единственными созданиями, способными передавать всадникам силу. Грифоны из Поромизеля тоже обладали такой способностью. Однако драконы поддерживали охранные чары, которые нейтрализовали любую магию, кроме их собственной, внутри наших земель. Границы Наварры представляли собой что-то вроде круга: сила драконов исходила из Долины и не могла простираться дальше определенного рубежа, даже если на каждом аванпосту размещались отряды. Без этой защиты нам был бы полный капец. В деревнях Наварры начался бы охотничий сезон для отрядов из Поромизеля, которые бы непременно явились. Этим жадным засранцам никогда не хватало того, что они имели. Им нужны наши ресурсы, и пока они не научатся довольствоваться торговыми соглашениями, набор на военную службу так и будет продолжаться. У нас просто нет возможности жить спокойно.

Но поскольку нам не объявили о режиме повышенной готовности, защитные чары, должно быть, наложили заново или хотя бы стабилизировали.

– За час до того, как прибыл отряд из Западного крыла, было убито тридцать семь гражданских. Но всадники и драконы сумели отразить атаку, – в конце своей речи профессор Девера сложила руки на груди. – Какие вопросы вы бы задали, основываясь на этой информации? – Она подняла палец. – Я хочу для начала услышать ответы от кадетов первого курса.

Первый вопрос, который пришел мне на ум, был о том, какого вэйнителя защитные чары вообще дали сбой, но, вероятнее всего, мне не ответят на него в зале, полном кадетов с нулевым уровнем допуска к засекреченной информации. Так что я углубилась в изучение карты. Хребет Эсбенских гор был самой высокой точкой нашей восточной границы с Брайевином, и это делало его наименее вероятной зоной атаки – грифоны не так хорошо были приспособлены к высоте, как драконы. Возможно, это было связано с тем, что они наполовину львы и лишь наполовину орлы, и потому не способны выдерживать разреженный воздух на большой высоте.

Также не стоило забывать о причине, по которой мы успешно отражали все крупные нападения на нашу территорию не только в период нескончаемой четырехвековой войны, но и за последние шестьсот лет в целом. Наши способности, как владение силой, так и печати, превосходили возможности противников, потому что драконы обладали большей магической мощью, чем грифоны.

Так почему они атаквали тот горный хребет? По какой причине магическая защита там пошатнулась?

– Давайте, первокурсники, продемонстрируйте мне, что наделены чем-то помимо хорошего баланса. Покажите свою способность к критическому мышлению, – потребовала профессор Девера. – Сейчас важно, как никогда, чтобы вы были готовы к тому, что находится за пределами этих стен.

– Защита впервые дала сбой? – спросил кадет первого курса, сидевший на пару рядов впереди меня.

Профессор Девера переглянулась с Маркемом, а потом повернулась к кадету:

– Нет.

Мое сердце заколотилось в бешеном темпе, а в аудитории стало оглушительно тихо.

Это не первый случай.

Одна из девочек откашлялась:

– И как... часто это случается?

Профессор Маркем проницательно сощурился, глядя на нее.

– Это вне вашей компетенции, кадет. – Он повернулся к нашему подразделению: – Жду следующий вопрос именно о нападении, которое мы обсуждаем.

– Сколько потерь понесло крыло? – спросил первогодок справа от меня.

– Ранили одного дракона. Один всадник погиб.

В зале снова зашептались. Если мы переживем выпускной – это не гарантирует, что мы выживем на службе. Статистически бо́льшая часть всадников не доживала до пенсии. Особенно с учетом количества всадников, которые погибли в последние два года.

– Почему вы задали именно этот вопрос? – осведомилась профессор Девера.

– Для того чтобы понимать численность подкреплений, которые могут понадобиться, – ответил кадет.

Профессор Девера кивнула и повернулась к Приору, самому робкому первогодку в нашем отряде. Он поднял было руку, но сразу же ее опустил, нахмутив брови.

– Вы хотели задать вопрос?

– Да.

Он кивнул, и несколько черных прядей упали ему на глаза. Приор тряхнул головой:

– То есть нет. Неважно.

– Такой решительный, – насмешливо протянула сидящая рядом Лука, язвительная первокурсница из нашего отряда, от которой я *любой ценой* предпочла бы держаться подальше.

Она наклонила голову, а курсанты вокруг нее засмеялись. Уголок ее рта приподнялся в ухмылке, и она перекинула длинные каштановые волосы через плечо движением, в котором было что угодно, кроме случайности. Как и я, она была одной из немногих девушек, которые не стали стричь волосы. Я, пожалуй, завидовала ее уверенности в том, что никто не посмеет использовать это против нее. Но я не завидовала ее мироощущению и отношению к окружающим, хотя была знакома с ней меньше суток.

– Он из нашего отряда, – Аурелия – по крайней мере, мне казалось, что так ее зовут – осадила Луку, сузив серьезные черные глаза. – Прояви лояльность.

– Да ну. Ни один дракон не свяжет себя с парнем, который не способен решиться даже на то, чтобы задать вопрос. Ты видела его на завтраке этим утром? Он всю очередь пропустил вперед, потому что не мог выбрать между сосиской и беконом. – Лука закатила подведенные глаза.

– Четвертое крыло закончило придираяться друг к другу? – спросила профессор Девера, поднимая бровь.

– Спроси, на какой высоте находится деревня, – шепнула я Рианнон.

– Что? – она нахмурилась.

– Просто спроси, – снова прошептала я, стараясь не упускать из памяти совет Даина.

Клянусь, я чувствовала, как он, сидя в семи рядах позади, уставился на мой затылок. Но я не собиралась оборачиваться: где-то там, наверху, сидел еще и Ксейден.

– На какой высоте находится деревня? – спросила Рианнон.

Профессор Девера вновь подняла брови и повернулась к ней.

– Маркем?

– Немногим меньше десяти тысяч футов, – ответил он.

– К чему этот вопрос?

Рианнон покосилась на меня и прочистила горло.

– Мне кажется, что там высоковато для атаки грифонов.

– Хорошая работа, – шепнула я.

– Там *действительно* высоковато для атаки, – сказала Девера. – Почему бы вам не пояснить, что в этом такого тревожного, кадет Сорренгейл? И может быть, с этого момента вы сами начнете задавать свои вопросы?

Она уставилась на меня так, что я заерзала на сиденье.

Все в аудитории повернулись в мою сторону. Если у кого-то еще оставались сомнения в том, кто я такая, то теперь они полностью рассеялись. *Потрясающе.*

– Грифоны слабеют на большой высоте, и их способность к магии тоже ослабевает, – сказала я. – Выбор этого места для атаки был нелогичным, если только они *не знали*, что защит-

ная магия даст сбой. Тем более что деревня, кажется, приблизительно... в часе полета от ближайшего аванпоста? – Я кинула взгляд на карту, чтобы удостовериться, что не выставляю себя душой. – Чакир находится здесь, ведь так?

Подготовка к карьере писца не прошла даром.

– Так, – уголки губ профессора Деверы приподнялись в улыбке. – Продолжайте рассуждать в том же направлении.

– Подождите секунду. Разве вы не сказали, что отряд всадников прибыл через час? – мои глаза сузились.

– Сказала, – она выжидающе посмотрела на меня.

– Значит они были уже в пути, – выпалила я, в тот же момент осознав, как глупо это прозвучало.

Мои щеки покраснели, а курсанты вокруг стали хихикать.

– Ты вообще понимаешь, что говоришь? – Джек обернулся ко мне с переднего ряда и стал откровенно надо мной насмехаться. – Генерал Мельгрэн знает исход битвы до ее начала, но даже ему неизвестно, *когда* она начнется, тупица.

Я почувствовала, как хохот однокурсников отдается вибрацией в моих костях. Захотелось забиться под эту нелепую парту и исчезнуть.

– Отъебись, Барлоу! – рявкнула Рианнон.

– Я не из тех, кто верит в предвидение, – возразил он с насмешкой. – Да помогут нам боги, если она когда-нибудь сядет на спину дракона.

Очередной приступ смеха заставил покраснеть не только мои щеки, но и шею.

– Почему ты так считаешь, Вайолет? – профессор Маркем поморщился. – Кадет Сорренгейл.

– Потому что они не могли добраться туда в течение часа после начала нападения, если только не были уже в пути, – ответила я, бросая на Джека злой взгляд. На хер его самого и его смех. Может, я и слабее его, зато намного умнее. – Как минимум половина этого времени ушла бы только на то, чтобы зажечь маяки и позвать на помощь. И отряд никогда не ждет сигнала в полном составе. Больше половины всадников должны были бы спать в это время. Это значит, что они уже были в пути.

– А почему они могли бы уже находиться в пути? – настойчиво спросила профессор Девера, блеск в ее глазах говорил о том, что я права.

Это придало мне уверенности, чтобы продвинуться дальше в размышлениях.

– Потому что они как-то узнали, что защитные чары были пробиты.

Я подняла подбородок, одновременно и надеясь, что права, и молясь Данн, богине войны, что я ошиблась.

– Это самое... – начал было Джек.

– Она права, – прервала его профессор Девера, и в зале стало тихо. – Один из драконов в крыле почувствовал колебание чар, и крыло направилось туда. Если бы они этого не сделали, потеря среди мирного населения была бы намного больше, а разрушения в деревне были бы куда серьезнее.

Маленький пузырь уверенности стал было расти в моей груди, но быстро лопнул от взгляда Джека, в котором читалось, что он не забыл свое обещание убить меня.

– Кадеты второго и третьего курса, ваша очередь, – приказала профессор Девера. – Посмотрим, можете ли вы быть немного уважительнее к товарищам.

Она подняла бровь и посмотрела на Джека, а всадники позади нас начали засыпать вопросами.

Сколько всадников было дислоцировано на место происшествия? Каков невосполнимый ущерб? Сколько времени заняла зачистка деревни от грифонов? Остались ли выжившие, которых можно допросить?

Я записывала каждый вопрос и ответ, мысленно организуя факты в отчет, который бы составила, если бы была в квадранте писцов, отделяя важную информацию, которую нужно включить в документ, от менее важной.

– В каком состоянии была деревня? – прозвучал низкий голос с дальнего конца зала.

У меня встали дыбом волосы на загривке, и я всем телом почувствовала сзади себя неминуемую угрозу.

– Риорсон? – переспросил Маркем, прикрывая глаза от слишком яркого магического света и глядя в сторону верхней части зала.

– Деревня, – повторил Ксейден. – Профессор Девера сказала, что разрушения могли бы быть серьезнее, но в каком состоянии фактически была деревня? Она была сожжена? Разрушена? Если бы они собирались там обосноваться, то не стали бы сносить деревню, так что состояние поселения важно для того, чтобы определить мотивы атаки.

Профессор Девера улыбнулась и подтвердила:

– Строения, мимо которых они уже прошли, были сожжены, а остальные разграблены к моменту, когда прибыло крыло.

– Они что-то искали, – убежденно сказал Ксейден. – И это были не ценности. Там нет шахт для добычи драгоценных камней. Напрашивается вопрос, что же им так сильно понадобилось?

– Именно так, – профессор Девера оглядела зал. – И вот вам причина, по которой Риорсон назначен лидером крыла. Для того, чтобы быть хорошим всадником, мало только силы и отваги.

– Так какой же ответ? – спросил первогодок слева.

– Мы не знаем, – пожала плечами профессор Девера. – Это просто еще одна часть головоломки, загадки, почему королевство Поромиэль постоянно отвергает наши призывы к миру. Что они искали? Почему в *той* деревне? Они разрушили чары или они уже была пробиты? Завтра, на следующей неделе, через месяц будет следующая атака, и, может быть, мы получим еще одну подсказку. Если вы ищете ответы, идите на занятия по истории. Былые войны уже исследованы во всех деталях. А инструктаж предназначен для изменчивых ситуаций. Мы хотим, чтобы на этих занятиях вы поняли, какие вопросы нужно задавать, чтобы *каждый* из вас получил возможность вернуться домой живым.

Что-то в ее голосе подсказало мне, что, возможно, в этом году призовут на службу кадетов не только третьего курса, и у меня мурашки пробежали по коже.

* * *

– Ты и вправду знала все ответы на истории и, кажется, все правильные вопросы, которые нужно было задать на инструктаже, – сказала Рианнон, качая головой.

После завтрака мы стояли возле матов, глядя на то, как Ридок и Аурелия кружат друг напротив друга в костюмах для боя.

Они состязались в одной весовой категории. Ридок был невысок ростом, а Аурелия сложена в точности как Мира, что меня не удивляло, поскольку в ней явно говорили отцовские гены.

– Тебе даже не придется готовиться к экзаменам, да?

Остальные первогодки стояли возле нас, а кадеты второго и третьего курсов выстроились в одну линию чуть в стороне.

У них определенно было преимущество, учитывая, что у каждого уже был за плечами как минимум год боевой подготовки.

– Меня готовили к тому, чтобы быть писцом. – Я пожала плечами, и корсет от Миры слегка замерцал.

Не считая чешуек, иногда блестящих на свету из-под камуфляжной сетки, он был абсолютно идентичен туникам, что нам выдали вчера на центральном складе. Все девушки теперь были одеты одинаково, но покрой одежды мог отличаться в зависимости от предпочтений владелицы. А вот парни в основном обходились без рубашек, так как считали, что за рубашку может ухватиться противник во время поединка. Лично я не оспаривала их логику, а просто наслаждалась видом... само собой, с уважением, и это уважение предписывало мне пристально смотреть на маты своего отряда и игнорировать остальные в огромном тренировочном зале, который занимал весь первый этаж учебного корпуса.

Одна из стен состояла полностью из дверей и панорамных окон, все они были открыты, чтобы впустить свежий воздух, но все равно в зале стояла духота. Под корсетом у меня по спине катились капли пота.

Этим вечером в зале находилось три отряда из каждого крыла. И – повезло мне, ничего не скажешь, – Первое крыло направило в зал третьи отряды, в состав одного из которых входил Джек Барлоу. Так что он таранился на меня с того самого момента, как я вошла.

– Значит, учеба тебя не парит, – сказала Рианнон, поднимая брови.

Она тоже выбрала кожаный жилет, но у нее он был другого покроя: топ с открытыми плечами, который сверху доходил до ключиц и крепился на шее широким воротником.

– Прекратите кружить, как партнеры по танцу, и атакуйте! – приказал профессор Эметтерио.

Он стоял по ту сторону спарринг-площадки и вместе с Даином и его заместительницей Сианной наблюдал за спаррингом Аурелии и Ридока. Слава богам, на Даине была рубашка. Мне не хотелось лишний раз отвлекаться, когда наступит моя очередь.

– *Вот это* меня парит, – сказала я Рианнон, кивая на мат.

– Правда? – она одарила меня скептическим взглядом. Ее косы были собраны в узел на затылке. – Я думала, раз ты Сорренгейл, то будешь серьезным противником в рукопашном бою.

– Не совсем.

В моем возрасте у Миры имелся двенадцатилетний опыт занятий рукопашным боем. У меня же за плечами было всего шесть месяцев тренировок. Конечно, то, что я была хрупкой, как фарфоровая чашка, имело гораздо большее значение, но все же, все же.

Ридок бросился к Аурелии, но она уклонилась, выставила ногу и сделала ему подножку. Ридок пошатнулся, но не упал. Он резко развернулся, сжимая в руке кинжал.

– Сегодня без оружия! – завопил профессор Эметтерио. Он был только четвертым профессором из всех, кого я успела здесь увидеть, но определенно пугал больше остальных. Или это предмет, который он преподавал, заставлял меня воспринимать его компактную фигуру гигантской. – Мы вас только оцениваем!

Ридок, ворча, убрал клинок – как раз вовремя, чтобы отразить правый хук Аурелии.

– Брюнетка наносит удар, – сказала Рианнон с уважительной улыбкой, а потом посмотрела на меня.

– Как насчет тебя?

Я спросила в тот момент, когда Ридок ударил Аурелию по ребрам.

– Дерьмо! – Он качнул головой и сделал шаг назад. – Не хотел причинять тебе боль.

Аурелия схватилась за ребра, но вздернула подбородок:

– Кто сказал, что ты причинил мне боль?

– Смягчая удары ты оказываешь ей медвежью услугу, – сказал Даин, складывая руки на груди. – В Сигнисене, на северо-восточной границе, ее не пощадят просто потому, что она женщина, если она упадет со своего дракона в тылу врага, Ридок. Ее все равно убьют.

– Давай! – крикнула Аурелия и поманила Ридока пальцем.

Естественно, большинство кадетов всю свою жизнь тренировались, чтобы войти в квадрант. Особенно Аурелия. Она ловко ушла от нападения Ридока и развернулась, чтобы нанести ему быстрый удар в область почек.

Ох.

– Я имею в виду... охренеть, – пробормотала Рианнон, еще раз взглянув на Аурелию, прежде чем снова повернуться ко мне. – Я неплохо дерусь. Моя деревня находится как раз на границе с Сигнисеном, так что мы довольно рано учимся защищаться. С физикой и математикой тоже проблем не будет. Но история... – Она покачала головой. – На истории мне крышка.

– За заваленную историю тебя не убьют, – сказала я. Ридок бросился на Аурелию, швырнув ее на ковер с такой силой, что я вздрогнула. – А вот я, наверное, умру на этих матах.

Она обвила его ноги своими и ловко подтянула к себе, а потом оказалась сверху, нанося удар за ударом ему в лицо. На маты брызнула кровь.

– Думаю, я мог бы дать несколько советов, как выжить на занятиях по боевой подготовке, – сказал Соьер, стоявший с другой стороны от Рианнон. Он провел рукой по густой щетине, которая слабо прикрывала его веснушки. – А вот история – не мой конек.

На ковер вылетел зуб, и у меня подступила к горлу тошнота.

– Достаточно! – крикнул профессор Эметтерио.

Аурелия скатилась с Ридока, встала и прикоснулась пальцами к разбитой губе, разглядывая кровь. Затем она протянула руку, чтобы помочь ему подняться.

Ридок встал с ее помощью.

– Сианна, отведи Аурелию к целителям. Нет необходимости терять зуб во время оценочного поединка, – велел Эметтерио.

– Есть предложение, – сказала Рианнон, встречаясь со мной взглядом. – Давайте помогать друг другу. Мы поможем тебе с рукопашной, если ты поможешь нам с историей. Похоже на хорошую сделку, Соьер?

– Вполне.

– Договорились, – один из третьекурсников вытер ковер полотенцем, и я нервно сглотнула. – Но я думаю, мне от этого больше выгоды, чем вам.

– Ты еще не видела моих попыток запоминать даты, – пошутила Рианнон.

Позади от нас кто-то вскрикнул, и все мы повернулись, чтобы посмотреть, что случилось. Джек Барлоу локтем сжимал шею другого первокурсника. Парень был мельче и худее Джека, но все равно весил добрых пятьдесят фунтов, по моим прикидкам.

Джек дернул вверх, продолжая сжимать шею противника.

– Этот парень такой засра... – начала было Рианнон.

Тошнотворный треск ломающихся костей прозвучал на весь зал, и первокурсник обмяк.

– Помилуй нас Малек, – прошептала я.

Джек бросил тело парня на пол. Я задалась вопросом, не поблизости ли живет бог смерти, и как часто придется взывать к его имени. Мой обед рванулся наружу, и я стала вдыхать носом и выдыхать ртом, чтобы подавить тошноту. Жаль, что здесь я не могла засунуть голову между коленями.

– Что я говорил? – заорал профессор, бросаясь к коврику. – Ты сломал его гребаную шею!

– Откуда мне было знать, что она у него такая слабая? – возразил Джек.

Ты труп, Сорренгейл. Я буду тем, кто тебя убьет.

Его вчерашнее обещание мелькнуло в моей памяти.

– Смотреть вперед! – приказал Эметтерио, но его тон смягчился, когда мы отвернулись от мертвого первогодка. – Вам не нужно к этому привыкать, – добавил он. – Но вам придется действовать, невзирая на это. Ты и ты.

Он указал на Рианнон и еще одного первогодка из нашего отряда, коренастого парня с иссиня-черными волосами и угловатыми чертами лица. Блин, я не смогла вспомнить его имя. Тревор? Или Томас? Слишком много новых людей, чтобы сразу запомнить, кто есть кто.

Я взглянула на Даина, но его внимание было приковано к паре, шагнувшей на коврик.

Рианнон быстро расправилась с противником, ошеломляя меня каждый раз, когда уклонялась от его удара или наносила свой собственный. Она была быстрой, а ее удары были сильны. Эта смертоносная комбинация делала ее особенной, как и Миру.

– Сдаешься? – спросила она, уложив его на спину.

Ее рука замерла, не доведя удар, нацеленный чуть выше горла.

Таннер? Я была почти уверена, что его имя начиналось на Т.

– Нет! – крикнул он, обхватывая Рианнон ногами и швыряя ее на спину.

Но она перекатилась, быстро вскочила на ноги и уложила его в ту же позу, но на этот раз с ботинком у шеи.

– Может, стоит все-таки сдаться, а, Тайнан? – ухмыльнулся Даин. – Раз уж она дает тебе право решить, что будет с твоей задницей.

А, точно. Тайнан.

– Отвали, Аэтос! – огрызнулся Тайнан, но Рианнон уперлась сапогом ему в горло, искажая последнее слово.

Тайнан пошел красными пятнами. У него явно было больше самолюбия, чем здравого смысла.

– Он сдается, – крикнул Эметтерио, и Рианнон отступила назад, протягивая руку.

Тайнан ухватился за нее и встал.

– Ты... – Эметтерио указал на второкурсницу с розовыми волосами и меткой восстания на руке. – И ты.

Его палец указал в мою сторону.

Она была как минимум на голову выше меня. И если остальные части ее тела такие же подтянутые, как и руки, то мне конец. Нельзя было позволить ей взять меня в захват.

Мое сердце вырывалось из груди, но я кивнула и ступила на маты.

– Ты сможешь. – Рианнон, проходя мимо, хлопнула меня по плечу.

– Сорренгейл, – девушка с розовыми волосами прищурила светло-зеленые глаза и посмотрела на меня так, будто я дерьмо, которое она соскребла со своего ботинка. – Тебе стоит покрасить волосы, если не хочешь, чтобы все знали, кто твоя мать. Ты единственный уродец с седыми волосами в квадранте.

– Меня мало волнует, знают ли все, кто моя мать. – Я обошла второкурсницу и встала напротив нее. – Но я горжусь тем, что она защищает наше королевство от врагов... как внешних, так и внутренних.

Противница яростно стиснула зубы, а в моей груди начал разгораться огонек надежды. Сегодня утром я уловила из обрывков разговоров, что детей отступников, тех самых, что обвиняли мою мать в казни своих родителей, называли Мечеными. Отлично. Ненавидь меня. Мама часто говорила, что если ты позволил эмоциям вмешаться в бой, то ты уже проиграл. И я никогда так сильно не надеялась, чтобы моя мать, с ее ледяным характером, оказалась права.

– Ты, сука! – вскипела розоволосая. – Твоя мать убила мою семью.

Она рванулась вперед, широко размахнулась, а я быстро уклонилась, развернувшись с поднятыми руками. Мы повторили это еще несколько раз, а потом я нанесла серию ударов. И стала думать, что мой план может сработать.

Она низко зарычала, снова промахнувшись, и подпрыгнула, целясь ногой мне в голову. Я легко пригнулась, но противница приземлилась и ударила другой ногой прямо в грудь, отбросив меня назад.

Я с глухим звуком ударилась о маты. И она тут же оказалась надо мной, все произошло охренительно быстро.

– Ты не должна использовать магию, Имоджен! – крикнул Даин.

Тем временем Имоджен изо всех сил пыталась убить меня.

Она нависла надо мной, глядя глаза в глаза, и улыбнулась, а я почувствовала, как что-то твердое скользит по моим ребрам. Но затем ее улыбка исчезла. Мы обе посмотрели вниз, и я заметила блеск кинжала, убираемого в ножны.

Броня только что спасла мне жизнь. Спасибо, Мира.

На секунду лицо Имоджен исказилось в замешательстве. Всего на секунду. Этого хватило, чтобы я ударила противницу кулаком в щеку и выкатилась из-под нее.

Моя рука взорвалась болью, хотя я была уверена, что сжала кулак правильно. Но я постаралась отбросить это ощущение, когда мы обе встали на ноги.

– Что это за доспехи? – спросила она, глядя на мои ребра, пока мы кружили напротив друг друга.

– Мои, – я пригнулась и увернулась.

Она снова стала приближаться ко мне, но теперь ее движения выглядели размытыми.

– Имоджен! – закричал Эметтерио. – Еще раз так сделаешь, и я...

На этот раз я увернулась неудачно. Противница поймала меня и швырнула на пол. Я ударилась лицом о мат, колено Имоджен уперлось в мою спину, и она стала заламывать мне руку.

– Сдавайся! – закричала она.

Я не могла. Если я уступлю в первый же день, то что случится во второй?

– Нет!

Мне, видимо, так же как и Тайнану, не хватало здравого смысла, только была я гораздо более хрупкой.

Она заломила мою руку еще сильнее, и боль поглотила все мысли, затуманила зрение. Я закричала, чувствуя, как связки растягиваются, рвутся, а затем лопаются.

– Сдавайся, Вайолет! – кричал Даин.

– Сдавайся! – потребовала Имоджен.

Задыхаясь от веса на моей спине, я повернула лицо в сторону. Она вывернула мое плечо, и боль поглотила меня.

– Она сдается, – сказал Эметтерио. – Довольно.

А я снова услышала жуткий звук ломающейся кости – на этот раз моей.

Глава 6

По моему мнению, восстановление – самая ценная печать из всех, что бывают у всадников. Однако мы не можем позволить себе расслабляться, даже находясь рядом с обладателем подобной силы. Ведь восстановители встречаются редко, а раненые – часто.

Майор Фредерикс. Современное руководство для целителей

Боль пламенем пожирала мою руку и грудь, пока Даин нес меня по крытому проходу из квадранта всадников через ущелье в квадрант целителей. По сути, это был мост, сверху накрытый массивной каменной аркой, что делало его скорее подвесным туннелем с окнами, но мое сознание было недостаточно ясным, чтобы воспринимать детали, пока мы мчались, преодолевая путь с помощью сил Даина.

– Почти пришли, – успокаивал он меня. И держал крепко, но осторожно.

Моя бесполезная рука лежала на груди.

– Все видели, как ты потерял самообладание, – прошептала я, изо всех сил стараясь мысленно блокировать боль, как делала это бесчисленное количество раз.

Обычно все очень просто: сперва строишь ментальную стену вокруг пульсирующей боли в теле, а затем говоришь себе, что она существует только в этой коробке, поэтому невозможно ее чувствовать. Но на этот раз прием работал плохо.

– Ничего подобного, – он трижды пнул дверь, к которой мы подошли.

– Ты закричал, а потом унес меня так, словно я что-то для тебя значу.

Я концентрировалась на шраме на его челюсти, щетине на его загорелой коже, на чем угодно, лишь бы не чувствовать раздробленные кости плеча.

– Ты действительно кое-что значишь для меня, – он снова пнул дверь.

И теперь все об этом узнали.

Дверь распахнулась, и Винифред, целительница, с которой мы виделись даже слишком часто, отступила, чтобы Даин мог внести меня.

– Еще один раненый? Вы, всадники, определенно пытаетесь добавить нам работы, чтобы... О нет, Вайолет?

Ее глаза широко распахнулись.

– Привет, Винифред, – я с трудом преодолела боль, чтобы это сказать.

– Сюда.

Она отвела нас в лазарет, длинный зал с койками, половина из которых была уже занята людьми в черной форме всадников. Целители не владели магией, в своей работе полагаясь на традиционные настойки и медицину. А вот у восстановителей магия была. Я надеялась застать здесь Нолона, потому что именно он восстанавливал меня последние пять лет.

Печать восстановления встречалась среди всадников исключительно редко. Они обладали силой починить, восстановить, вернуть все в исходное состояние, от разорванной ткани до стертых в пыль мостов. И сломанных человеческих костей. Мой брат Бреннан был хорошим мастером восстановления, и стал бы одним из величайших, если бы выжил.

Даин осторожно опустил меня на кровать, к которой нас привела Винифред. Целительница оперлась о край матраса возле моего бедра. Каждая морщинка на ее лице приносила утешение. Она провела обветренной рукой по моему лбу.

– Хелен, позови Нолона, – велела Винифред проходившей мимо целительнице.

– Нет! – рявкнул Даин, и в его голосе послышалась паника.

Прошу прощения?

Целительница средних лет перевела взгляд с Даина на Винифред, явно разрываясь между двумя противоположными решениями.

– Хелен, это Вайолет Сорренгейл, и если Нолон узнает, что она была здесь, а вы его не позвали, что ж... это будет ваша вина, – сказала Винифред с обманчивым спокойствием.

– Сорренгейл? – повторила целительница, повысив голос.

Я пыталась сосредоточиться на Даине сквозь пульсирующую боль в плече, но комната вновь начала вращаться. Хотела спросить, почему он против того, чтобы мне вылечили плечо, но очередная волна боли угрожала утянуть меня в беспамятство, и все, что я могла делать, это стонать.

– Зови Нолона, или он скормит тебя своему дракону целиком, вместе с твоей кислой физиономией и всем остальным, Хелен! – Винифред изогнула седую бровь, игнорируя Даина, который снова начал настаивать на том, чтобы не вызывать мастера.

Женщина побледнела и исчезла.

Даин пододвинул к моей кровати деревянный стул, и тот ужасно закрипел, царапая пол.

– Вайолет, я знаю, что тебе больно, но, может быть...

– Может, что, Даин Аэнос? Ты хочешь смотреть, как она страдает? – набросилась на него Винифред.

– Я говорила ей, что они тебя сломают, – проворчала она, наклоняясь надо мной. Ее серые глаза были полны беспокойства, пока она меня обследовала. Винифред была лучшим целителем во всем Басгиате. Она сама готовила все средства, которые прописывала, и за эти годы повидала меня в таком количестве передрыг, что трудно сосчитать. – Послушала ли она меня? О нет. Твоя мать ужасно упряма.

Она потянулась к моей раненой руке, и я вздрогнула, когда она приподняла ее на пару дюймов и ткнула меня плечо.

– Это точно перелом, – изучив повреждения, Винифред цокнула языком и приподняла брови. – И похоже, нам потребуется помощь хирурга. Что случилось? – спросила она Даина.

– Поединок, – объяснила я одним словом.

– А ты молчи. Береги силы, – Винифред оглянулась на Даина. – Мальчик, побудь полезным и задерни занавеску. Чем меньше людей увидят ее такой, тем лучше.

Он вскочил и, выполняя приказ, обтянул кровать синей тканью, чтобы создать маленькое пространство, изолированное от других всадников.

– Выпей это, – Винифред достала из-за пояса пузырек с янтарной жидкостью, – Притупит боль, пока мы будем приводить тебя в порядок.

– Вы не можете просить его восстановить Вайолет, – возразил Даин, пока она откупоривала склянку.

– Мы вдвоем лечили ее последние пять лет, – нравоучительным тоном произнесла она, приближая ко мне пузырек. – Даже не думай указывать мне, что я могу и не могу делать.

Даин просунул одну руку мне под спину, другую под голову, помогая немного подняться, чтобы выпить лекарство. Оно оказалось горьким, как и всегда, но я знала, что это поможет. Он уложил меня обратно на кровать и повернулся к Винифред.

– Я не хочу, чтобы она страдала, – и поэтому мы здесь. Но раз уж она серьезно ранена, – возможно, получится отправить ее к писцам? С небольшим опозданием, но прошел всего день.

По мере того как его доводы доходили до моего сознания, внутри нарастал гнев, отогнавший боль на несколько секунд, достаточных, чтобы рывкнуть:

– Я не пойду к писцам.

Затем я вздохнула и закрыла глаза. Приятное гудение растеклось по моим венам. Вскоре боль отступила достаточно, чтобы мыслить ясно, и я снова заставила себя открыть глаза.

По крайней мере, я думала, что вскоре. Однако возле кровати шел разговор, начало которого я явно пропустила, так что, похоже, прошло несколько минут.

Занавес отдернулся, и к нам подошел Нолон, тяжело опираясь на трость. Он улыбнулся своей жене. Ярко-белые зубы контрастировали с коричневой кожей.

– Ты посылала за мной, моя... – Его улыбка погасла, когда он увидел меня. – Вайолет?

– Привет, Нолон. – Я выдавила улыбку. – Я бы попомахла, но одна рука не работает, а другая очень тя... тяжелая.

Боги, неужели я заговариваюсь?

– Сыворотка Лейхея, – Винифред криво улыбнулась мужу.

– Она была с тобой, Даин? – Нолон бросил обвиняющий взгляд на Даина, и я снова почувствовала себя пятнадцатилетней.

Тогда меня притащили к Нолону, потому что я сломала лодыжку, карабкаясь туда, куда не следовало лезть.

– Я командир ее отряда, – ответил Даин, уступая дорогу Нолону, чтобы целитель мог подойти поближе. – Взять Вайолет под свое командование было единственным, что я смог придумать, чтобы обезопасить ее.

– Не очень-то хорошо ты справляешься, да? – Глаза Нолона сузились.

– Сегодня оценивали рукопашный бой, – объяснил Даин. – Имоджен – кадет второго курса – вывихнула плечо Вайолет и сломала ей руку.

– В первый же день? – зарычал Нолон, разрезая кинжалом ткань моей рубашки с короткими рукавами. Ему было уже восемьдесят четыре года, но он до сих пор носил черную одежду и полный комплект оружия в ножнах.

– Еематьбылллаааа у Фенн-Риорсона... одной из сепппара-сеппара-ссепаратиссстов, – медленно объясняла я, пытаюсь выговорить слова правильно и раз за разом терпя неудачу. – А я Сорренгейл, тааак что я полущчила...

– Не знаю, – проворчал Нолон. – Я никогда не был согласен с тем, чтобы призывать этих детей в квадрант всадников в наказание за грехи их родителей. В этот квадрант должны идти только добровольцы. Только. На то есть множество причин. Большинство кадетов не выживают – эта, я подозреваю, основная. Как бы то ни было, ты точно не должна страдать из-за своей матери. Генерал Сорренгейл спасла Наварру, захватив Великого Предателя.

– Значит, вы не станете ее восстанавливать, правильно? – тихо спросил Даин, чтобы его не было слышно за занавеской. – Я прошу, чтобы целители сделали свою работу и затем дали природе взять свое. Никакой магии. У нее не останется шансов, если она вернется в гипсе или если ей придется защищаться, пока плечо заживает после восстановления. В последний раз это заняло четыре месяца. Это даст возможность вытащить ее из квадранта всадников, пока она еще жива.

– Я не пойду к пппе... – так много сил уходило, чтобы говорить внятно. – Песцм, – попыталась я снова, – песцм.

Вот дерьмо.

– Восстнвименя.

– Я всегда буду тебя восстанавливать, – пообещал Нолон.

– Только. В этот. Раз. – Я концентрировалась на каждом слове. – Если. Другие. Увидят. Что нужно. Восстановление. Все время. Они. Решат. Я слабая.

– Поэтому мы и должны использовать эту возможность, чтобы вытащить тебя! – В голосе Даина нарастала паника, разрывая мне сердце. Он не мог защитить меня от всего. Зрелище того, как я ломаюсь и в конце концов умираю, разрушило бы его. – Уйти отсюда и отправиться прямо в квадрант писцов – твой единственный шанс выжить.

Я устала на Даина, тщательно подбирая слова.

– Я. Не. Оставлюсадников. Простотак. Дажемама. Незаставит. Я. Остаюсь. – Я повернула голову, чтобы найти взглядом Нолона. Комната кружилась.

– Исцели меня... но только на этот раз.

– Ты знаешь, что будет очень больно и будет болеть еще пару недель, верно? – спросил Нолон, садясь в кресло рядом с моей кроватью и глядя на мое плечо.

Я кивнула. Это было не первое мое восстановление. Когда ты рожден настолько хрупким, боль от заживления уступает лишь боли от первоначальной травмы. Обычное дело.

– Пожалуйста, Ви, – тихо взмолился Даин. – Пожалуйста, поменяй квадрант. Если не ради себя, то ради меня. Потому что это именно я не вмешался сразу. Я должен был остановить ее. Я понял, что не могу защитить тебя, и...

Жаль, что я не разгадала его план до того, как приняла зелье Винифред. Тогда я могла бы объясниться. В этом нет его вины, но он возьмет на себя ответственность, как всегда. Я сделала глубокий вдох и сказала:

– Этомойвыбор.

– Возвращайся в квадрант, Даин, – приказал Нолон, не поднимая глаз. – Если бы на ее месте была другая первокурсница, ты бы уже ушел.

Взгляд Даина, полный страдания, устремился на меня.

Я настояла:

– Иди. Утромвстретимся.

Я все равно не хотела, чтобы он это видел.

Он смирился с поражением и кивнул, затем повернулся и, не говоря больше ни слова, ушел сквозь проход в занавесках. Я искренне надеялась, что мой сегодняшний выбор не приведет в дальнейшем его, моего лучшего друга, к гибели.

– Готова? – спросил Нолон.

Его руки замерли над моим плечом.

– Зажми в зубах. – Винифред поднесла кожаный ремешок к моему лицу, и я взяла его зубами.

– Ну вот, – пробормотал Нолон, кладя руки мне на плечо.

Его брови сосредоточенно сдвинулись, прежде чем он сделал дугообразное движение ладонями.

Белоснежная боль вспыхнула в моем плече. Мои зубы впились в кожу, и я закричала, подавшись агонии, которая длилась один удар сердца, потом второй, а потом я потеряла сознание.

* * *

Когда ближе к вечеру я вернулась обратно, казармы были почти заполнены. Моя пульсирующая болью правая рука висела на светло-голубой перевязи, что делало меня еще более заметной мишенью, если это вообще возможно.

Перевязь говорила о слабости. О хрупкости. Говорила об ответственности перед крылом. Если я так легко пострадала на матах, то что произойдет, когда я попаду на спину дракона?

Солнце давно село, но зал освещал мягкий свет магических огней. Другие первокурсницы готовились ко сну. Я улыбнулась девушке, которая прижимала окровавленную тряпку к распухшей губе, и она, поморщившись, улыбнулась в ответ.

Я насчитала три пустых койки в нашем ряду, но это не означало, что владельцы коек мертвы, верно? Они могли быть в квадранте целителей, как я, или в душевых комнатах.

– Ты вернулась!

Рианнон спрыгнула с кровати, уже одетая в спальные шорты и тунику. Она смотрела на меня с улыбкой и облегчением.

– Я здесь, – заверила я ее. – Моей рубашки больше нет, а я здесь.

– Можешь взять новую в центре выдачи завтра.

Она хотела обнять меня, но взглянула на перевязь и отступила на шаг, садясь на край своей койки. Я устроилась на своей, лицом к ней.

– Насколько все плохо?

– В следующие несколько дней будет больно, но со мной все будет в порядке, если не тревожить руку. Я полностью выздоровею еще до того, как мы начнем практиковать вызовы на матах.

Пока у меня было две недели, чтобы понять, как не допустить повторения подобного.

– Я помогу тебе подготовиться, – пообещала Рианнон. – Ты единственный друг, который у меня здесь есть, поэтому я бы предпочла, чтобы ты не погибла, когда все начнется по-настоящему.

Уголок ее рта растянулся в кривой улыбке.

– Из всех сил постараюсь этого не сделать, – я улыбнулась, преодолевая пульсирующую боль в плече и руке. Лекарство уже давно выветрилось, и мне становилось дико больно. – А я помогу тебе с историей.

Я облокотилась на левую руку, и она скользнула прямо под подушку.

Там что-то лежало.

– Нас будет невозможно остановить, – заявила Рианнон, провожая взглядом Тару, темноволосую пышную девушку из Моррейна, проходившую мимо наших коек.

Я достала маленькую книгу – нет, это был дневник – со сложенной запиской сверху. На записке почерком Миры было написано: «Вайолет».

Я развернула записку одной рукой.

Вайолет,

я задержалась, чтобы прочитать списки, и хвала богам, тебя в них нет.

Жаль, что я не могу остаться. Мне нужно вернуться к моему крылу. Но даже если бы я могла, мне все равно не дали бы увидеться с тобой. Я подкупила писца, чтобы он пронес это письмо к тебе на койку. Надеюсь, ты знаешь, как я горжусь тем, что я твоя сестра. Бреннан написал это для меня летом, перед тем как я вступила в квадрант. Это спасло меня, и теперь может спасти тебя. Местами я дополняла эти записи тем, что почерпнула сама, но в основном это его знания. Я уверена, что он хотел бы, чтобы записи были у тебя. Он хотел бы, чтобы ты выжила.

С любовью, Мира

Я проглотила комок в горле и отложила записку в сторону.

– Что это такое? – спросила Рианнон.

– Это моего брата.

Слова едва слышно слетели с моих губ, и я открыла дневник. После его смерти мать, как предписывает традиция, сожгла все, что ему принадлежало. Я уже много лет не видела уве-

ренного размаха его почерка. И все же дневник был здесь. Грудь сдавило, и меня захлестнула новая волна горя.

– Книга Бреннана, – прочитала я на первой странице, а затем перелистнула на вторую.

*Мира,
ты – Сорренгейл, так что ты справишься. Возможно, не так
впечатляюще, как я, но соответствовать высоким стандартам дано не всем.
Кроме шуток, здесь записано все, что я узнал. Держи эти записи в безопасном
месте и не показывай другим. Ты должна жить, ради Вайолет. Она не должна
увидеть, как ты падешь.
Бреннан*

Слезы навернулись на глаза, но я сморгнула их.

– Это его дневник, – соврала я, листая страницы.

Я словно слышала его язвительный, саркастический тон, когда просматривала записи. Как будто он стоял рядом, подмигивая и ухмыляясь любой опасности.

Проклятье, я скучала по нему.

– Он умер пять лет назад.

– О, вот как... – Рианнон наклонилась и сочувственно посмотрела на меня. – Мы тоже не все сжигаем. Иногда приятно оставить что-то на память, да?

– Ага, – прошептала я.

Этот дневник был для меня не просто чем-то, а... всем, пусть я и знала, что мать бросит его в огонь, если когда-нибудь найдет.

Рианнон откинулась на спинку кровати, открыла книгу по истории, а я углубилась в историю Бреннана, начиная с третьей страницы.

*Ты пережила паранет. Хорошо. В ближайшие несколько дней будь
наблюдательна и осторожна. Не привлекай к себе внимание. Я набросал
карту, на которой отмечены не только аудитории и занятия, которые в них
проходят, но и места, где можно встретить инструкторов. Я знаю, что
ты волнуешься насчет вызовов, но тебе не о чем беспокоиться, с твоим-
то правым хуком. Может показаться, что партнеров выбирают случайным
образом, но это не так. Ни один инструктор в этом не сознается, но все
решается еще за неделю до испытаний, Мира. Да, любой кадет может
бросить вызов, но сначала инструкторы будут ставить вас в пары так,
чтобы отсеять самых слабых. Это означает, что, когда начнутся поединки,
инструкторы уже будут осведомлены, с кем ты сразишься в этот день. Вот
в чем секрет: если ты в курсе, где и что искать, и способна уйти незамеченной,
ты узнаешь, с кем будешь сражаться, и сможешь подготовиться.*

Я глубоко вздохнула и быстро дочитала остаток записи. В моей груди расцвела надежда. Если я буду знать, с кем сражаюсь, то смогу начать бой еще до того, как мы ступим на ковер. Мой разум закружился, план обретал форму.

Две недели – столько времени у меня было, чтобы подготовиться к началу испытаний. И никто не знал территорию Басгиата так хорошо, как я. Все в дневнике.

Улыбка медленно расплзлась по моему лицу. Теперь я знала, как выжить.

Глава 7

В интересах сохранения мира в Наварре, не более трех курсантов, носящих метки восстания, могут быть назначены в любой отряд любого квадранта.

Кодекс Военной академии Басгиат. Приложение 5.2

В дополнение к прошлогодним изменениям, сбор имеющих метки в группы по три и более человек теперь рассматривается как акт заговора и, таким образом, является преступлением, заслуживающим смертной казни.

Кодекс Военной академии Басгиат. Приложение 5.3

– Проклятье, – пробормотала я, ударившись большим пальцем ноги о камень, и споткнулась.

Мой путь пролегал по высокой, доходившей до пояса траве, которая росла вдоль реки под цитаделью.

Красивая полная луна освещала дорогу. Удобно, но именно из-за нее я до смерти вспотела в плаще, который надела на случай встречи с кем-то, кто так же решит прогуляться здесь после комендантского часа.

Река Якобос несла свои воды с горных вершин. В это время года ее течение было быстрым и смертоносным, речной поток срывался с крутого обрыва вниз, в ущелье. Вчера один из кадетов первого курса упал туда во время отбоя и погиб, что неудивительно. Наш отряд единственный не понес потерь со времен парашюта, но в безжалостных условиях нашей академии такая ситуация вряд ли сохранялась бы долго.

Поправив тяжелую сумку, перекинутую через перевязь, я приблизилась к реке, протекавшей вдоль древней дубравы. Там росла лоза, на которой уже скоро должны были созреть ягоды фонили. Спелые фиолетовые ягоды были терпкими и малосъедобными, но, если сорвать их незрелыми и высушить, они могут стать отличным оружием в растущем арсенале, который я успела подготовить за девять ночных вылазок. Именно для этого я взяла с собой книгу о ядах.

Вызовы начинались на следующей неделе, и мне были нужны все возможные преимущества.

Увидев валун, который последние пять лет я использовала в качестве ориентира, стала считать деревья на берегу реки – один, два, три, пока не заприметила нужный мне дуб. Его ветви раскинулись широко и высоко, некоторые даже дотягивались до реки. К счастью для меня, на самую нижнюю ветку можно было легко забраться, тем более что трава под ней была подозрительно притоптана.

Мое плечо пронзила боль, когда я высвободила правую руку из перевязи и полезла на дерево, освещенное луной. Однако острая вспышка быстро сменилась противным нытьем, как это бывало каждый вечер, когда Рианнон надирала мне задницу на матах. Я надеялась, что завтра Нолон навсегда избавит меня от надоевшей повязки.

Лоза фонили обманчиво походила на плющ, обвивающий ствол, но я лазила на этот дуб достаточно часто, чтобы понять, что это именно она. Просто мне никогда раньше не приходилось забираться на эту проклятую штуковину в плаще. Он создавал массу неудобств. Ткань цеплялась почти за каждую ветку, но я медленно и неуклонно двигалась вверх. Я уже миновала широкую ветку, на которой раньше проводила часы за чтением, и полезла дальше.

– Вот дерьмо!

Подосва проехала по коре, и сердце замерло на несколько мгновений, пока я пыталась нашарить ногами подходящую опору. Днем это было бы гораздо проще, однако я не могла рисковать.

Кора больно царапала ладони, но я поднималась все выше. На такой высоте листья на лозе были едва различимы в пятнах лунного света, пробивавшихся сквозь крону дуба. Но я улыбнулась, найдя именно то, что искала.

– Вот и вы.

Фиолетовые ягоды еще не созрели и были великолепного лавандового цвета. Идеально. Вцепившись ногтями в ветку над собой, я постаралась удержать равновесие на время, достаточное, чтобы вытащить из сумки пустой пузырек и откупорить его зубами. Затем сорвала с лозы ровно столько ягод, сколько было нужно, чтобы заполнить склянку, и заткнула пробку обратно. С учетом грибов, за которыми я ходила сегодня вечером, и других собранных ингредиентов у меня теперь был шанс пройти через все поединки следующего месяца.

Я почти спустилась с дерева, оставалось всего несколько ветвей, но тут заметила движение вниз и остановилась. В надежде, что это просто олень.

Но это был не олень.

Под сенью дерева прятались две фигуры в черных плащах – видимо, сегодня все выбрали именно этот способ маскировки. Фигура поменьше прислонилась спиной к самой нижней ветке, сняла капюшон, и я увидела наполовину выбритую голову. С розовыми волосами, которые я слишком хорошо знала.

Имоджен, член отряда всадников, что десять дней назад чуть не оторвала мне руку.

Мой желудок сжался, а внутренности как будто перевернулись, когда и второй всадник сбросил с себя капюшон.

Ксейден Риорсон.

Вот дерьмо.

Нас разделяло футов пятнадцать, и никто не смог бы помешать ему убить меня. Страх стиснул мое горло и сжимал все крепче, а я вцепилась в ближайшие ветки, мысленно прикидывая, стоит ли мне задержать дыхание, чтобы внизу не могли меня услышать, или я просто упаду с дерева, если потеряю сознание от нехватки кислорода...

Они заговорили, но из-за рева речного потока слова до меня не долетали. Облегчение тут же разжало тиски ужаса на моей груди. Если я их не слышала, то и они не слышали меня. Но стоит ему поднять взгляд, и меня спалят – причем буквально. Кто помешает ему натравить на меня его синюю кинжалохвостку? Лунный свет, которому я была благодарна несколько минут назад, теперь стал для меня помехой.

Медленно, осторожно и очень тихо я перебралась из пятна лунного света на соседнюю ветку и спряталась в тени. Что он делал здесь с Имоджен? Они влюбленные? Друзья? Это меня абсолютно не касалось, и все же я не могла не задаться вопросом, не вместе ли они. Ее красота уступала только ее жестокости. Они были охренительно достойны друг друга.

Ксейден отвернулся от реки, ища кого-то взглядом. Начали появляться новые всадники, постепенно собираясь под деревом. Все были одеты в черные плащи и пожимали друг другу руки при встрече. И у каждого из них была метка отступника.

Мои глаза расширились. Я насчитала почти два десятка человек: несколько третьекурсников и пара кадетов второго курса, но остальные были первогодками. Я знала правила. Отмеченные не имели права собираться группами больше трех человек. Они совершали преступление, караемое смертной казнью, просто будучи вместе. Очевидно, это было какое-то собрание, и я почувствовала себя кошкой, цепляющейся за ветки дерева, под которым кружат волки.

Их встреча могла быть совершенно безобидной, верно? Может быть, они просто скучали по дому, как кадеты из провинции Моррейн, по субботам собиравшиеся у ближайшего озера, потому что тосковали по океану.

Или, может быть, они намеревались сжечь Басгиат дотла и закончить то, что начали их родители.

Я могла сидеть наверху и игнорировать их, но мое бездействие, мой страх привели бы к гибели людей, если они замыслили что-то опасное. Было бы правильно рассказать об этом Даину, но я даже не слышала, о чем они говорили.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо. Живот скрутило. Надо было подобраться ближе.

Оставаясь на противоположной стороне ствола и прячась в спасительной тени, я спустилась, задерживая дыхание и пробуя каждую ветку ногой, прежде чем перенести на нее свой вес. Их голоса все еще заглушала река, но я слышала самого громкого из них, высокого темноволосого парня с бледной кожей, чьи плечи были вдвое шире, чем у любого из первогодков. Кажется, он был кадетом третьего курса... и стоял сейчас лицом к лицу с Ксейденом.

– Мы уже потеряли Сазерленда и Луперко, – сказал он, но я не смогла разобрать, что ему ответили.

Чтобы яснее различать слова, следовало спуститься на две ветки ниже. Мое сердце кололось, как будто пыталось вырваться из-под ребер. Я была так близко, что любой из них мог меня увидеть, если бы присмотрелся. Ну, кроме Ксейдена, поскольку он стоял ко мне спиной.

– Нравится тебе это или нет, но нам придется держаться вместе, если хотим дожить до выпуска, – сказала Имоджен.

Один небольшой прыжок вправо, и я могла бы сполна отплатить за то, что она сделала с моим плечом. Я могла бы ударить ее ногой по голове.

Но свою жизнь я оценила выше мести, и поэтому держала ноги при себе.

– А если узнают, что мы встречаемся? – спросила первокурсница с оливковой кожей, скользая взглядом по членам собрания.

– Мы занимались этим два года, и никто не узнал, – ответил Ксейден, скрестив руки и прислонившись спиной к ветке справа от меня.

– Они не догадаются, пока кто-нибудь из вас не расскажет. А если расскажете, я об этом узнаю.

Угроза в его тоне была очевидна.

– Как сказал Гаррик, мы уже потеряли двух первокурсников из-за их собственной небрежности. В квадранте всадников нас всего сорок один человек, и мы не хотим терять никого из вас, но это произойдет, если вы не позаботитесь о себе. Обстоятельства всегда против нас, и поверь мне, любой другой наваррианец в квадранте будет искать причины, чтобы назвать тебя предателем или заставить потерпеть неудачу.

Все забормотали, соглашаясь, и мое дыхание перехватило от силы убеждения в его голосе. Проклятье, я не хотела находить в Ксейдене Риорсоне ничего, достойного восхищения, и все же он был раздражающе восхитителен.

Должна признать, если бы старшекурснику высокого звания из моей провинции было бы не наплевать, выживут или умрут остальные его земляки, это было бы неплохо.

– Скольким из вас предстоит отнести свои задницы на маты и биться там за свою жизнь? – спросил Ксейден.

В воздух взлетело четыре руки. Я заметила, что взлохмаченный блондин-первокурсник, стоявший со скрещенными руками в пятне лунного света, не поднял руку. Он был на голову выше большинства остальных. Лиам Майри. Его определили во второй отряд Хвоста в нашем крыле, и он уже считался лучшим курсантом этого набора. Лиам практически перебежал парашет и разгромил всех противников в первый день спаррингов.

– Дерьмово, – выругался Ксейден, и я бы все отдала, чтобы увидеть выражение его лица в тот момент.

Большой парень – Гаррик – вздохнул.

– Я научу их.

Теперь я узнала его. Лидер секции Пламени в Четвертом крыле. Мой непосредственный начальник, выше Даина.

Ксейден покачал головой:

– Ты наш лучший боец...

– Это ты наш лучший боец, – мгновенно возразил второкурсник рядом с Ксейденом, ухмыльнувшись.

Он был красив, с желтовато-коричневой кожей, голову его венчало облако черных кудрей. На униформе под его плащом виднелось множество нашивок. А черты лица настолько напоминали Ксейдена, что они вполне могли быть родственниками. Может, двоюродными братьями? Если я правильно помнила, у Фена Риорсона была сестра. Проклятье, как звали парня? Прошли годы с тех пор, как я читала записи, но я сумела припомнить, что имя начиналось на Б.

– Возможно, самый грязный боец, – съязвила Имоджен.

Почти все засмеялись, и даже первокурсники улыбнулись.

– Вэйнитель побери, скорее, безжалостный, – добавил Гаррик.

Все кивнули, в том числе Лиам Майри.

– Гаррик наш лучший боец, но Имоджен вполне может сравниться с ним, и она намного терпеливее, – отметил Ксейден.

Забавно, она не показалась такой уж терпеливой, когда ломала мне руку.

– Итак, каждый из вас возьмет двух учеников. Группа из трех человек не привлечет нежелательного внимания. Что еще вас беспокоит?

– Я не могу в этом участвовать, – сказал неуклюжий первокурсник, неловко сводя плечи и поднося тонкие пальцы к лицу.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Ксейден резким голосом.

– Я не могу в этом участвовать.

Невысокий кадет покачал головой:

– Смерть. Бой. Вот это все.

Его голос становился выше с каждой фразой.

– Парню сломали шею прямо у меня на глазах в день оценки! Я хочу домой! Ты можешь помочь мне с этим?

Все головы повернулись к Ксейдену.

– Нет, – Ксейден пожал плечами. – Ты не выживешь. Лучше прими это сейчас и больше не отнимай у меня время.

Я с трудом подавила удивленный вздох, а некоторые другие в группе даже не пытались сдержаться. Какой же. Он. Мудак.

Первогодок выглядел пораженным, и я не могла не сочувствовать ему.

– Это было немного грубо, кузен, – сказал второкурсник, немного похожий на Ксейдена.

Ксейден поднял брови:

– Что ты хотел услышать, Боди?

Он склонил голову набок, его голос звучал ровно и спокойно:

– Я не могу спасти всех, особенно тех, кто не хочет работать, чтобы спасти себя.

– Блин, Ксейден. – Гаррик потер переносицу. – Ты, конечно, нашел способ подбодрить.

– Если им нужны гребаные ободряющие речи, то мы оба знаем, что до дня выпуска они просто не доживут. Давайте по-честному. Я могу взять вас за руки и надавать кучу дерьмовых пустых обещаний, что все справятся, чтобы вы спали спокойно, но, по моему опыту, правда гораздо ценнее. – Он повернул голову, и я могла только предположить, *как* он смотрит на паникующего первогодка.

– На войне гибнут люди. И не славной смертью, которую воспевают барды. Это сломанные шеи и падения с двухсотфудовой высоты. В выжженной земле или запахе серы нет ничего романтического. Это, – он указал на цитадель, – не какая-то сказочка со счастливым концом. Это тяжелая, холодная, безразличная реальность. Не все из вас вернутся домой... в то, что осталось от наших домов. И не заблуждайтесь, мы вступаем в войну каждый раз, когда ступаем в квадрант.

Он слегка подался вперед.

– Так что если ты не соберешься и не будешь бороться за жизнь, то нет. Ты не выживешь. Только сверчки осмеливались нарушать наступившую тишину.

– А теперь рассказывайте о проблемах, которые я действительно смогу решить, – велел Ксейден.

– Инструктаж, – тихо сказала первокурсница, которую я узнала в лицо.

Ее койка находилась через ряд от наших с Рианнон. Блин, как же ее звали? У нас училось слишком много девушек, чтобы помнить всех поименно, но я была уверена, что она в Третьем крыле.

– Дело не в том, что я не догоняю, но информация...

Она пожала плечами.

– Это сложно, – ответила Имоджен, поворачиваясь, чтобы взглянуть на Ксейдена.

Ее профиль в лунном свете был почти неузнаваем, она не была похожа на человека, который чуть не оторвал мне руку. Та Имоджен была жестокой, даже порочной. Но когда она смотрела на Ксейдена, смягчался ее взгляд, менялось и выражение лица, и вся ее поза. Она заправила короткую прядь розовых волос за ухо.

– Ты учишься тому, чему тебя учат, – сказал Ксейден первокурснице, и его голос сделался резким. – Береги то, что знаешь, но профессорам повторяй то, что тебе скажут.

Мои брови нахмурились. Что, блин, он имел в виду? Боевой инструктаж был одним из тех занятий, которые проводили писцы, чтобы держать квадрант в курсе всех незасекреченных перемещений войск и линий сражений. Спрашивали с нас, соответственно, новости о недавних событиях и общие сведения о том, что происходит вблизи линии фронта.

– Кто-нибудь еще? – спросил Ксейден. – Лучше задавайте вопросы сейчас. У нас нет времени торчать тут всю ночь.

И тогда меня осенило. Не считая того, что они собрались в группу из более чем трех человек, в том, что здесь происходило, не было ничего плохого. Они не строили заговоры, не планировали переворот, не представляли опасности. Просто группа старших всадников, консультирующих первокурсников из своей провинции. Но если Даин узнает, он будет обязан...

– Когда мы сможем убить Вайолет Сорренгейл? – спросил парень, стоявший позади.

Моя кровь превратилась в лед.

А одобрителный ропот в толпе вызвал у меня приступ ужаса.

– Да, Ксейден, – сладко протянула Имоджен, поднимая на него бледно-зеленые глаза. – Когда мы наконец сможем отомстить?

Он повернулся так, что я могла видеть его профиль и шрам на его лице, и прищурился, глядя на Имоджен.

– Я уже говорил тебе, что младшая Сорренгейл – моя, и я разберусь с ней, когда придет время.

Он собирался... разобраться со мной? От негодования меня бросило в жар, и даже мышцы немного оттаяли. Я не какое-то там неудобство, с которым можно походя разобраться. Мое недолговечное восхищение Ксейденом в этот момент закончилось.

– Разве ты не усвоила урок, Имоджен? – упрекнул ее кузен Ксейдена, стоявший в середине круга. – Я слышал, Аэнос заставил тебя весь следующий месяц драить посуду за то, что ты использовала свои силы на матах.

Голова Имоджен повернулась в его сторону.

– Ее мать несет ответственность за казнь моей мамы и сестры. Я должна была сделать куда больше, чем просто сломать ей плечо.

– Ее мать несет ответственность за то, что поймали почти всех наших родителей, – возразил Гаррик, скрестив руки на широкой груди. – Мать, а не дочь. Карать детей за грехи отцов – это метод наваррианцев, а мы из Тиры.

– Но мы-то загремели сюда, в эту камеру смертников под видом академии, из-за того, что сделали наши родители много лет назад ... – начала Имоджен.

– Если ты не заметила, она находится в этой камере вместе с нами, – возразил Гаррик. – Похоже, ее уже постигла та же участь, что и нас.

Мне показалось, или они реально спорили, следовало ли меня наказать за то, что я дочь Лилит Сорренгейл?

– Не забывайте, что ее братом был Бреннан Сорренгейл, – добавил Ксейден. – У нее столько же причин ненавидеть нас, сколько и у нас – ненавидеть ее.

Он многозначительно посмотрел на Имоджен и первогодка, задавшего вопрос.

– И я не собираюсь повторять это снова. Она моя. Есть желающие поспорить?

Воцарилась тишина.

– Хорошо. Теперь возвращайтесь к себе, идите по трое.

Он качнул головой, и они медленно разошлись, уходя группами по трое, как он велел. Ксейден ушел последним.

Я сделала медленный вдох. Проклятье, неужели все закончилось хорошо?

Нет. Сначала я должна была удостовериться, что они ушли. Я не двигала ни одним мускулом, даже когда мои бедра свело судорогой, сжимала пальцы, считая до пятисот в уме, и дышала настолько ровно, насколько это было возможно, чтобы успокоить удары галопирующего сердца.

Только когда мимо по земле начали носиться белки и я окончательно удостоверилась, что осталась одна, я закончила спуск с дерева, прыгнув с высоты последних четырех футов на траву. Зинхал, должно быть, питал ко мне слабость, потому что я оказалась самой везучей девушкой на континенте...

Тень бросилась на меня, и я открыла было рот, чтобы закричать, но меня резким рывком притиснули к груди, и локоть противника оказался на моем горле, перекрывая дыхание.

– Начнешь кричать – умрешь, – прошипел он, и мой желудок резко сжался, когда вместо локтя у моего горла оказался острый кончик лезвия кинжала.

Я замерла. Я узнала бы грубый тон Ксейдена где угодно.

– Гребаная Сорренгейл.

Его рука отдернула капюшон моего плаща.

– Как ты узнал? – В моем голосе прозвучало откровенное возмущение, но это не имело значения. Даже если он собирался убить меня, я не намеревалась молить о пощаде. – Дай угадаю, ты почувствовал запах моих духов. Не это ли всегда выдает героиню в книгах?

Он усмехнулся:

– Я заклинаю тени, но тебя, конечно же, выдал именно твой парфюм. – Он опустил нож и отошел.

Я задохнулась:

– Твоя печать – заклинатель теней?

Неудивительно, что он так высоко поднялся в звании. Владыки теней встречались невероятно редко и высоко ценились в бою за способность дезориентировать целые стаи грифонов, а иногда и уничтожать их – в зависимости от силы печати.

– Что, Аэнос не предупреждал, чтобы ты не оставалась со мной наедине в темноте?

Его голос прозвучал как шершавый бархат, скользящий по коже, и я вздрогнула. Затем я вытащила свой собственный клинок из ножен на бедре и повернулась к Ксейдену, готовая защищаться до последнего вдоха.

– Ты вроде собирался разобраться со мной?

– Подслушивала, что ли? – Он приподнял черную бровь и спрятал кинжал в ножны, как будто я не представляла для него угрозы, что только еще больше меня разозлило. – Теперь мне, возможно, придется убить тебя.

В его насмешливых глазах промелькнул... лишь отблеск правды.

Что за ерунда.

– Тогда давай покончим с этим. – Я обнажила еще один кинжал, на этот раз вытащив его из-под плаща, где он был прикреплен к ребрам, и отступила на пару футов, чтобы можно было метнуть оружие, раз уж он меня не торопил.

Ксейден многозначительно посмотрел на один кинжал, потом на другой и вздохнул, скрестив руки на груди.

– Эта стойка лучшее, на что ты способна? Неудивительно, что Иможен чуть не оторвала тебе руку.

– Я опаснее, чем ты думаешь, – запальчиво сказала я.

– Да, я вижу. У меня прямо колени задрожали от страха. – Уголок его рта растянулся в насмешливой ухмылке.

Гребаный. Засранец.

Я подкинула кинжалы, поймала их за кончики, а затем метнула мимо его головы, по одному с каждой стороны. Они воткнулись в ствол дерева позади.

– Ты промахнулась. – Он даже не вздрогнул.

– Ты уверен?

Я потянулась за двумя последними кинжалами.

– Почему бы тебе не сделать пару шагов назад и не проверить?

В его глазах вспыхнуло любопытство, но в следующую секунду исчезло, замаскированное холодным, насмешливым безразличием.

Каждое из моих чувств было настороже, но тени вокруг меня не шевелились. Когда он сделал шаг назад, его глаза встретились с моими. Спина Ксейдена уперлась в дерево, и рукояти моих кинжалов задела его уши.

– Повтори, что я промахнулась, – угрожающе сказала я, перехватывая метательный кинжал правой рукой за острие.

– Очаровательно. Ты производишь впечатление хрупкой девушки, которую легко сломать, но на самом деле ты опасная штучка, не так ли? – Он одобрительно улыбнулся, а тени в это время заскользили по стволу дуба, принимая форму пальцев. Они вырвали кинжалы из дерева и уронили их прямо в руки Ксейдена, который только этого и ждал. Я резко выдохнула, у меня перехватило дыхание. Он обладал такой силой, что мог прикончить меня, даже не пошевелив пальцем. Он был владыкой теней. Даже попытка защитить себя от него была бы тщетной и смехотворной.

Я ненавидела его красоту и смертоносность его способностей. Он двинулся ко мне, и тени сопровождали каждый его шаг. Он был похож на один из ядовитых цветов в лесах Сигнисена на востоке, о которых я читала. Его красота была предупреждением не подходить слишком близко, а я... я определенно оказалась слишком близко.

Перехватив кинжалы за рукоять, я приготовилась к атаке.

– Ты должна показать этот маленький трюк Джеку Барлоу, – сказал Ксейден, протягивая руки ладонями вверх и отдавая мне мои кинжалы.

– Что, прости?

Это уловка. Это наверняка уловка.

Он шагнул еще ближе, и я подняла клинок. Мое сердце спотыкалось, билось неровно, а страх заполнял все тело.

– Тому первогодке, любителю сворачивать шеи, который публично поклялся убить тебя, – уточнил Ксейден.

Клинок прижался к его животу. А он, будто не замечая этого, отдернул в сторону ткань моего плаща и убрал одно лезвие в ножны на моем бедре, затем оттянул полу и остановился, глядя на длинную косу, спадавшую на мое плечо. Я могла поклясться, что на мгновение он перестал дышать, прежде чем засунул второй кинжал в ножны, прикрепленные к моим ребрам.

– Он, вероятно, дважды подумает, прежде чем замышлять твоё убийство, если ты метнешь ему в голову несколько кинжалов.

Это... это... было странно. Должно быть, это была какая-то игра, предназначенная для того, чтобы сбить меня с толку. А если так, то играл он, блин, хорошо. Даже отлично.

– Потому что честь убить меня принадлежит тебе?

Я бросила вызов.

– Ты хотел, чтобы я умерла, задолго до того, как твой маленький клуб решил встретиться под моим деревом, так что, думаю, мысленно ты меня уже практически похоронил.

Он поглядел на кинжал, приставленный к его животу:

– Ты собираешься рассказать кому-нибудь о моем маленьком клубе?

Его глаза встретились с моими, и в его взгляде были только хладнокровная расчетливость и смерть.

– Нет, – честно ответила я, подавляя дрожь.

– Почему нет? – Он склонил голову набок, изучая мое лицо, как будто встретил какую-то аномалию. – Детям офицеров-предателей запрещено собираться в...

– Группы больше трех. Я в курсе. Я живу в Басгиате дольше, чем ты. – Я подняла подбородок.

– И ты не собираешься бежать ни к мамочке, ни к своему драгоценному маленькому Даину, чтобы рассказать им про наше собрание?

Он пристально посмотрел мне в глаза. Мой желудок сжался так же, как перед выходом на парашют, словно тело знало, что действия, которые я предприму сейчас, определят продолжительность моей жизни.

– Ты помогал им. Я не понимаю, почему за это нужно наказывать.

Это было бы несправедливо ни к нему, ни к другим. Была ли их маленькая встреча незаконной? Абсолютно. Должны ли они умереть за это? Точно нет. Но именно это и произошло бы, расскажи я кому-то о том, что видела. Этих первогодков казнили бы только за то, что они попросили о помощи в учебе, а старшие кадеты присоединились бы к ним только потому, что помогли.

– Я не собираюсь никому ничего рассказывать.

Он посмотрел на меня так, словно пытался просверлить взглядом насквозь, и от этого в кожу головы будто втыкались ледяные иголки. Моя рука сохраняла твердость, но нервы были

на взводе от того, что могло случиться в следующие тридцать секунд. Он мог убить меня прямо здесь, бросить мое тело в реку, и никто не узнал бы, что я пропала, пока меня не обнаружили бы ниже по течению.

Но я уж точно не собиралась позволить ему прикончить меня, не пролив сначала его крови.

– Интересно, – мягко сказал он. – Посмотрим, выдержишь ли ты свое слово, а если выдержишь, то я, к сожалению, буду должен тебе услугу.

Затем он отступил, повернулся и направился обратно к лестнице в утесе, ведущей к цитадели.

Стоп. Что?

– Ты не собираешься со мной разбираться? – крикнула я ему вслед, а мои брови натурально подскочили от удивления.

– Не этой ночью! – бросил он через плечо.

Я усмехнулась:

– И чего же ты ждешь?

– Если ты будешь заранее знать о нападении, будет не так весело, – ответил он, шагая в темноту. – А теперь возвращайся в постель, пока твой командир не понял, что тебя нет после комендантского часа.

– Что? – Я вытаращилась ему вслед. – Ты мой командир!

Но он уже скрылся в тени, оставив меня болтать саму с собой, как дурочку.

И... он ведь даже не спросил, что у меня в сумке.

Улыбка медленно расплзлась по моему лицу, когда я засунула руку обратно в перевязь и наконец-то смогла облегченно вздохнуть, снимая нагрузку с плеча.

Ведь теперь я была дурочкой с ягодами фонили.

Глава 8

В искусстве отравлений есть момент, который редко обсуждают – и это верный расчет времени. Лишь настоящий мастер может правильно дозировать и ввести яд для максимально эффективного воздействия. Ибо необходимо учитывать массу тела жертвы и способ доставки действующего вещества в это самое тело.
Капитан Лоуренс Медина. Эффективное использование дикорастущих и культивируемых трав

Когда я одевалась утром, в женском зале общежития еще царила тишина. В дальних окнах виднелись первые лучи солнца, которое едва брезжило над горизонтом. Я сняла броню из драконьей чешуи с вешалки у изножья кровати и надела поверх черной рубахи с короткими рукавами. Хорошо, что я уже наловчилась затягивать шнуры на спине, потому что Рианнон не оказалось в ее постели.

По крайней мере, хотя бы одна из нас регулярно получала столь необходимые оргазмы. Я была уверена, что еще несколько кадетов из нашей комнаты успели обзавестись парами. Командиры отрядов твердили о необходимости соблюдать комендантский час, но на самом деле им было плевать. Всем, кроме Даина. Его заботило соблюдение любых правил.

Даин. При воспоминании о нем в груди затрепетало, и, закончив заплетать косу, я улыбнулась. Видеть его было самой счастливой частью дня, даже когда на людях он вел себя не как человек, а как бездушный свод правил. И когда попытки спасти меня из этого места поглощали его с головой.

Я подхватила сумку и отправилась на выход, мимо рядов пустых кроватей – они принадлежали тем девушкам, которые не сумели дожить до августа, – и открыла дверь.

А вот и он.

Глаза Даина загорелись, он оттолкнулся от стены коридора, возле которой, очевидно, поджидал меня.

– Доброе утро.

Я не могла сдержать улыбку:

– Знаешь, тебе не обязательно каждое утро провожать меня.

– Это единственное время, когда я могу поговорить с тобой не как командир отряда, – возразил он, пока мы шли по пустому коридору, мимо холла, через который будем ходить в наши личные комнаты, если переживем Молотьбу. – Поверь мне, это стоит того, чтобы вставать на час раньше, хотя я все еще не понимаю, почему ты выбрала именно дежурство на завтраке.

Я пожала плечами:

– У меня есть на то свои причины.

Очень, очень, очень веские причины. Хотя я скучала по лишнему часу сна, который у меня был до того, как мы выбрали места дежурства на прошлой неделе.

Дверь справа открылась, и Даин бросился ко мне и рванул за руку, пряча за себя, – так сильно, что я впечаталась лицом в его спину. От него пахло кожей, мылом и...

– Рианнон? – прорычал он.

– Прости! – глаза Рианнон виновато расширились.

Я вытащила руку из захвата Даина и шагнула в сторону, чтобы видеть подругу из-за его спины.

– Интересно, где это ты была сегодня утром, – ухмылка расплзлась по моему лицу, когда рядом с ней появилась Тара. – Привет, Тара.

– Привет, Вайолет.

Она помахала мне рукой, а затем направилась прочь по коридору, заправляя рубашку в брюки.

– У нас тут не просто так комендантский час, кадет. – Даин отчитывал Рианнон, а я боролась с желанием закатить глаза. – Ты же знаешь, что никто не должен находиться в отдельных комнатах до окончания Молотьбы.

– Может быть, мы просто рано встали, – возразила Рианнон. – Прямо как вы.

Она перевела взгляд от меня к нему с озорной улыбкой.

Даин потер переносицу.

– Просто... вернись в общий зал и притворись, что ты спала, хорошо?

– Конечно! – Она сжала мою руку, проходя мимо.

– Молодец, – быстро прошептала я.

Уверена, что она была равнодушна к Таре с тех пор, как мы прибыли сюда.

– Знаю, знаю, – она отступила с улыбкой, затем отвернулась и ушла через холл.

– Следить за сексуальной жизнью первокурсников – это вовсе не то, о чем я мечтал, подавая заявление на должность командира отряда, – пробормотал Даин, когда мы продолжили свой «поход» в сторону кухни.

– Ой, да ладно. Как будто ты сам не был первокурсником в прошлом году.

Он задумчиво поднял брови и слегка пожал плечами.

– Справедливо. А теперь ты первокурсница... – Его взгляд скользнул в мою сторону, когда мы приблизились к арочным дверям, ведущим в ротонду.

Он открыл рот, как будто собирался продолжить... Но тут же отвел взгляд, поворачиваясь, чтобы распахнуть для меня дверь.

– Да-да, Даин Аэнос? Ты собирался поговорить о моей сексуальной жизни? – Я провела пальцами по обнаженным клыкам скульптуры зеленого дракона, проходя мимо него, и еле сдержала улыбку.

– Нет! – он покачал головой, потом сделал паузу... и задумчиво договорил: – А что... у тебя есть сексуальная жизнь, о которой можно поговорить?

Мы поднялись по ступенькам, ведущим в общий зал, и перед самой дверью я повернулась к нему лицом. Даин стоял на две ступеньки ниже меня, так что мы оказались на одном уровне и смотрели друг другу глаза в глаза.

– С тех пор как я здесь... – я коснулась пальцем своего подбородка и улыбнулась: – Это не твоё дело. Или до моего прибытия в квадрант? Все равно не твоё дело.

– Ещё одно справедливое замечание, – он улыбнулся, и от этой улыбки мне тут же захотелось, чтобы это всё... стало его делом.

Я быстро развернулась, пока не совершила глупость, реализовав своё желание здесь и сейчас. И мы продолжили идти бок о бок, мимо пустых учебных столов и входа в библиотеку.

Она не так впечатляла, как Архивы писцов, но в ней были все книги, которые мне понадобятся для обучения здесь.

– Ты готова к сегодняшнему дню? – спросил Даин, когда мы подошли к залу собраний. – К вызовам, которые начнутся днем?

Я сглотнула.

– Со мной все будет в порядке, – заверила я его, но он развернулся и преградил мне путь.

– Я знаю, что ты тренировалась с Рианнон, но... – его лоб перечеркивали морщины, во взоре сквозило беспокойство.

– Я справлюсь, – еще раз пообещала я, глядя ему в глаза, чтобы он понял, что я говорю серьезно. – Тебе не нужно беспокоиться обо мне.

Вчера вечером имя Орена Сейферта было вывешено рядом с моим, прямо там, где сказал Бреннан. Орен, высокий блондин из Первого крыла, не слишком мастерски владеющий ножом, но с охренительно сильным ударом.

– Я всегда беспокоюсь о тебе. – Руки Даина сжались в кулаки.

– Не стоит, – я покачала головой. – Я могу постоять за себя.

– Я просто не хочу, чтобы ты снова пострадала.

Мои ребра будто тисками сжали сердце.

– Тогда не смотри, – я взяла его мозолистую руку в свою. – Ты не сможешь спасти меня от всего, Даин. Я буду проходить испытания раз в неделю, как и все остальные курсанты. И этим дело не ограничится. У тебя не получится защитить меня ни от Молотьбы, ни от Полосы, ни от Джека Барлоу...

– Тебе нужно затаиться, – скривился Даин. – Избегай этого напыщенного осла всеми силами, Ви. Не давай ему повода преследовать тебя. На его счету уже слишком много имен из списка погибших.

– Драконам он точно понравится.

Они всегда выбирают самых злобных.

Даин мягко сжал мою руку:

– Просто держись от него подальше.

Я моргнула. Этот совет изрядно отличался от идеи Ксейдена просто бросить пару кинжалов козлу в башку.

Ксейден. Узел вины, завязавшийся в моем животе на прошлой неделе, стал еще больше. Повинуясь Кодексу, я должна была рассказать Даину о встрече меченых под дубом, но я этого не сделаю. Не потому, что пообещала Ксейдену, а потому, что сохранение этой тайны казалось мне правильным поступком.

А ведь раньше я никогда не хранила секретов от Даина.

– Вайолет? Ты меня услышала? – спросил Даин, поднимая руку, чтобы прикоснуться к моему лицу.

Переведя взгляд на него, я кивнула и повторила:

– Держись подальше от Барлоу.

Он опустил руку и засунул ее в карман штанов.

– Надеюсь, он забудет о своей маленькой мести тебе.

– А что, многие мужчины забывают сладкий момент, когда женщина держит нож у их яиц? – Я вскинула бровь.

– Нет, – он вздохнул. – Знаешь, еще не поздно протащить тебя к писцам. Фитцгиббонс отведет тебя...

Тут зазвенели колокола, отмечая четверть пятого и спасая меня от очередного сеанса убеждений и увещаний, которые устраивал Даин, умоляя меня сбежать в квадрант писцов.

– Со мной все будет в порядке. Увидимся на построении, – я сжала руку Даина и ушла, оставив его на пороге кухни.

Я всегда приходила на кухню первой из дежурных, и сегодня не исключение.

Достав из своего ранца пузырек с растертыми в порошок сушеными ягодами фонили, я уже приступила к работе, когда пришли остальные дежурные, сонные и ворчливые. Порошок почти белый, почти невидимый. И незаметный. Через час я заняла свое место на раздаче и посыпала им яичницу Орена Сейферта, когда тот подошел ко мне.

* * *

– Помните о темпераменте каждой конкретной породы, когда будете решать, к каким драконам подходить, а от каких убегать во время Молотьбы, – сказал профессор Каори.

Его серьезные темные глаза косили к переносице, и не понять было, на кого именно он смотрит, изучая нас, новобранцев. Затем он сменил проекцию, которую наколдовал, и зеленый кинжалохвост превратился в красного жалохвоста.

Каори был заклинателем иллюзий и единственным профессором в квадранте, обладающим способностью проецировать то, что видит в своем сознании. Иллюзии делали его предмет одним из моих любимых. А еще благодаря ему я точно знала, как выглядит Орен Сейферт. Чувствовала ли я себя виноватой за то, что ввела профессора в заблуждение относительно того, зачем мне нужно найти другого кадета? Нет. Считала ли я это жульничеством? Тоже нет. Я делала именно то, что советовала Мира: использовала мозг.

Красный жалохвост в центре составленных в круг столов был совсем небольшим, всего лишь уменьшенная копия, не более шести футов в высоту. Но тем не менее она давала точное представление о настоящем огнедышащем драконе, ожидающем нас в Долине на Молотьбе.

– Красные жалохвосты, как представленный здесь Гхриан, быстрее всех выходят из себя, – продолжил профессор Каори, его идеально подстриженные усы изогнулись, когда он улыбнулся иллюзии, словно сам был драконом. Мы все наклонились над бумагами, поспешно делая заметки. – Так что если вы его обидите, то...

– Станете его обедом, – заявил Ридок слева от меня, и весь класс грохнул от смеха. Даже Джек Барлоу, который пялился на меня вот уже полчаса, с тех пор как его отряд занял свою четверть класса, фыркнул.

– Именно, – ответил профессор Каори. – Так как правильнее всего подойти к красному жалохвосту?

Он обвел взглядом аудиторию.

Я знала ответ, но держала его при себе, прислушиваясь к совету Даина не высовываться.

– Правильно вообще не подходить, – пробормотала Рианнон, и я тихонько засмеялась себе под нос.

– Они предпочитают, чтобы к ним подходили слева и спереди, – ответила девушка из другого отряда.

– Отлично, – профессор Каори кивнул. – На этой Молотьбе будет три красных жалохвоста, желающих связать себя узами с всадниками.

Изображение перед нами изменилось, и появился другой дракон.

– А сколько всего будет драконов? – спросила Рианнон.

– В этом году – сто, – ответил профессор Каори, снова меняя изображение. – Но некоторые могут и передумать после Презентации, если их не впечатлит то, что они увидят.

Мой желудок подпрыгнул, и тошнота подкатила к горлу.

– На тридцать семь меньше, чем в прошлом году, – и, может быть, станет еще меньше, если им не понравится наш вид, когда они поглядят на нас за два дня до Молотьбы. Хотя обычно после этого события курсантов все равно убавляется.

Темные брови профессора Каори поднялись.

– Да, кадет Сорренгейл, это так, и на двадцать шесть меньше, чем в позапрошлом.

Все меньше драконов решали связать себя узами, но число всадников, прибывающих в квадрант, оставалось неизменным. Мысли так и крутились вихрем у меня в голове. Согласно боевым сводкам, нападения на восточных границах участились, и все же драконов, желающих связать себя с людьми, чтобы защитить Наварру, становилось все меньше...

– Они скажут нам, почему передумали? – спросил другой первокурсник.

– Нет, болван, – хохотнул Джек, его льдисто-голубой взгляд скользнул к недоте-ке-кадету. – Драконы разговаривают только со своими всадниками и полное имя называют только своему всаднику. Тебе уже пора бы это знать.

Профессор Каори бросил на Джека взгляд, от которого тот заткнулся, но все равно не прекратил издевательски ухмыляться другим кадетам.

– Они не делятся причинами, – сказал профессор. – И любой, кому дорога жизнь, не станет задавать вопрос, на который они не готовы ответить.

– Влияют ли эти цифры на силу чар? – спросила Аурелия, сидевшая позади меня и постукивавшая пером о край стола.

Ей никогда не нравилось сидеть на месте без движения.

У профессора Каори дважды дернулся подбородок.

– Мы не уверены. Количество связанных драконов никогда раньше не влияло на целостность защитных чар Наварры, но я не собираюсь лгать вам и говорить, что мы не наблюдаем увеличения в числе прорывов... Раз уж вы знаете, что это так.

Чары и вправду слабели со скоростью, от которой мой желудок отвратительно сжимался каждый раз, когда профессор Девера начинала ежедневный инструктаж. Либо мы слабели, либо наши враги становились сильнее. Оба варианта означали, что кадеты в этой комнате нужны как никогда.

Даже я.

Изображение сменилось, и в воздухе соткалась Сгаэль, темно-синяя драконица, связанная с Ксейденом.

У меня напряглись все мышцы пресса, когда я вспомнила, как она смотрела прямо сквозь меня в первый день.

– Вам не придется беспокоиться о том, как обращаться с синими драконами, поскольку в этом году среди них нет желающих связать себя с вами. Но вы должны быть в состоянии узнать Сгаэль, если увидите ее, – сказал профессор Каори.

– Узнать, чтобы на хрен свалить подальше, – тут же выпалил Ридок.

Я кивнула, а остальные рассмеялись.

– Она – синий кинжалохвост, самый редкий вид из синих, и да, если вы увидите ее без всадника, вам следует... определенно следует тут же найти другое место. Безжалостность – далеко не самое сильное слово, чтобы описать ее, и она не соблюдает то, что, как мы предполагаем, драконы считают законом. Она даже связала себя с родственником одного из своих предыдущих всадников, что, как вы все знаете, обычно запрещено. Но Сгаэль делает все, что захочет и когда захочет. На самом деле, если вы увидите любого из синих драконов, не подходите к ним. Просто...

– Просто бегите, – повторил Ридок, запустив пальцы в свои каштановые космы.

– Бегите, – с улыбкой согласился профессор Каори, и усы над его верхней губой слегка дрогнули. – Есть еще несколько синих, сейчас находящихся на службе, но в основном вдоль Эсбенских гор на востоке, где бои наиболее интенсивны. Они все устрашающие, однако именно Сгаэль – самая могущественная из них.

У меня перехватило дыхание. Неудивительно, что Ксейден орудует тенями – тенями, которые выдергивают кинжалы из деревьев, тенями, которые, возможно, могли метать те же кинжалы. И все же... он оставил меня в живых. Однако я спрятала ядро тепла, которое давала мне эта мысль, далеко-далеко.

Наверняка он сделал это, просто чтобы поиздеваться, как монстр играет со своей добычей, прежде чем наброситься.

– А что насчет черного дракона? – спросил первокурсник рядом с Джеком. – Здесь есть один, верно?

Глаза Джека загорелись.

– Я хочу его оседлать.

– Не то чтобы ваше желание имело значение, – профессор Каори двинул запястьем, и Сгаэль исчезла, а ее место занял огромный черный дракон. Даже иллюзия стала больше, заставляя меня слегка повернуть голову, чтобы увидеть его морду. – Но поскольку это ваша единственная возможность его увидеть, удовлетворю ваше любопытство. Вот он. Кроме него, черный дракон из ныне живущих есть лишь у генерала Мельгрена.

– Он огромный, – сказала Рианнон. – Это дубиновост?

– Нет. У него хвост в форме «утренней звезды». Сила удара как у дубиновоста, но шипы истребят человека не хуже кинжаловоста.

Каори крутанул иллюзию, давая нам всем возможность взглянуть на ужасающий хвост, который светился настолько ярко, что я прикрыла глаза.

– Идеальное сочетание! – воскликнул Джек. – Он выглядит как машина для убийства.

– Так и есть, – ответил профессор Каори. – И, честно говоря, я не видел его последние пять лет, так что это изображение, мягко говоря, устарело. Но раз уж он у нас здесь, что вы можете рассказать мне о черных драконах?

– Они самые умные и проницательные, – заговорила Аурелия.

– Они самые редкие, – добавила я. – За последнее... столетие не родилось ни одного.

– Верно, – профессор Каори снова покрутил иллюзию, и на меня уставилась пара сверкающих желтых глаз. – Они также самые хитрые. Невозможно перехитрить черного дракона. Этому чуть больше ста лет, то есть он примерно среднего возраста. Он почитается как лучший боевой дракон среди себе подобных, и если бы не он, мы, скорее всего, проиграли бы во время восстания в Тире. Добавьте к этому хвост в форме «утренней звезды», и вы поймете, что смотрите на одного из самых смертоносных драконов в Наварре.

– Готов поспорить, что он владеет охерительно выдающейся печатью. Как к нему подойти? – спросил Джек, наклоняясь вперед и чуть не сползая с сиденья.

В его глазах читалась чистая алчность, и она же отражалась в лице его друга, который сидел рядом.

Нет уж. Последнее, что нужно этому королевству, – кто-то вроде Джека верхом на черном драконе. Нет, спасибошки. Ни за что.

– Нет, – ответил профессор Каори. – Он не соглашается на связь с тех пор, как его предыдущий и единственный всадник был убит во время восстания, и оказаться рядом с ним ты сможешь только в Долине, а этого не произойдет, потому что тебя испепелят еще до того, как ты пересечешь ущелье.

Бледная рыжеволосая девушка, сидевшая передо мной, сдвинулась со своего места и опустила рукав, чтобы прикрыть свою метку отступника.

– Кто-то должен спросить его снова, – крикнул Джек.

– Это так не работает, Барлоу. Сейчас только один черный дракон находится на службе...

– У генерала Мельгрена, – сказал Соьер. Его тетрадь лежала перед ним закрытой, но я не могла его в том винить. Я бы тоже вряд ли стала делать записи, если бы проходила этот урок во второй раз. – Кода, верно?

– Да, – профессор Каори кивнул. – Старший из них, мечехвост.

– Просто ради любопытства, – леденяще-голубой взгляд Джека не отрывался от иллюзии черного дракона, все еще спроецированной в центре класса. – Какой способностью он одарил бы своего всадника?

Профессор Каори сжал кулак, и иллюзия исчезла.

– Неизвестно. Печати являются результатом уникальной химии между всадником и драконом и обычно говорят больше о человеке, чем о драконе. Единственное верно: чем крепче связь и чем могущественнее дракон, тем сильнее печать.

– Отлично. Каким был его предыдущий всадник? – спросил Джек.

– Печатью Наолин был переброшен, – плечи профессора Каори опустились. – Он мог поглощать силу из различных источников: других драконов, других всадников, а затем использовать ее или перераспределять.

– Крутейше, – в тоне Ридока слышалось чуть больше, чем просто восхищение героем прошлого.

– Более чем, – согласился профессор Каори.

– Что же убило человека с такой печатью? – спросил Джек, скрестив руки на своей обширной груди.

Профессор Каори посмотрел на меня, потом отвел взгляд.

– Он попытался использовать эту силу, чтобы оживить павшего всадника, – что не получилось, потому что не существует печати, способной воскрешать, – и истощил себя в процессе. Говоря словами, к которым вы привыкнете после Молотьбы, он сгорел – и умер рядом с тем всадником.

Что-то в моей груди сдвинулось, вызвав странное чувство, которое я не могла объяснить и от которого в то же время не могла избавиться.

Зазвенели колокола, сигнализируя, что час занятия истек, и мы все начали собирать вещи. Отряды выходили в коридор, помещение пустело, Рианнон уже ждала меня у двери с озадаченным выражением лица, а я очень медленно встала из-за стола и взяла в руки свой ранец.

– Это был Бреннан, не так ли? – спросила я у профессора Каори.

Печаль наполнила его взгляд, когда тот встретился с моим.

– Да. Он умер, пытаясь спасти твоего брата, но Бреннану было уже не помочь.

– Зачем он это сделал? – Я поправила ранец на плече. – Воскрешение невозможно. Зачем ему было убивать себя, если Бреннана уже не стало?

Волна горя затопила мое сердце, унесла мое дыхание. Бреннан никогда не хотел, чтобы кто-то умирал за него. Это было не в его характере.

Профессор Каори откинулся на спинку своего стула и уставился на меня, подергивая пальцами короткие черные усы.

– То, что ты Сорренгейл, не облегчает твою жизнь здесь, не так ли?

Я покачала головой.

– Есть пара-тройка... или гораздо больше кадетов, которые хотели бы избавиться от меня вместе с моей фамилией.

Он кивнул:

– Все изменится, когда ты уедешь. После окончания академии ты поймешь, что быть дочерью генерала Сорренгейл – означает быть тем, ради кого другие готовы будут в лепешку расшибиться. Ради того, чтобы сохранить тебе жизнь. Не потому, что они любят твою мать, а потому что либо боятся ее, либо хотят ее благосклонности.

– Чего же хотел Наолин?

– И того и другого. А еще всаднику с такой мощной связью сложно осознать и принять пределы своих возможностей. Но связь с драконом делает тебя всадником, а воскрешение кого-то из мертвых... оно делает тебя богом. Но я что-то не думаю, что Малек был бы рад, если бы кто-то потянул на себя его одеяло.

– Спасибо, что ответили, – я повернулась и пошла к двери.

– Вайолет, – окликнул профессор Каори, и я остановилась, чтобы оглянуться. – Я учил и твоего брата, и твою сестру. Моя печать слишком полезна здесь, в академии, чтобы позволить мне надолго отправляться с крылом на поле боя. Но должен сказать... Бреннан был великолепным всадником и хорошим человеком. Мира же проницательна и одарена, когда дело доходит до езды на драконе.

Я кивнула.

– Но ты умнее их обоих.

Я растерянно моргнула. Нечасто меня сравнивали с братом и сестрой, да еще так, чтобы я оказалась круче, чем они.

– Судя по тому, что я видел, ты каждый вечер сидишь в аудитории и помогаешь своим друзьям заниматься. Кажется, это значит, что ты еще и более сострадательная. Не забывай об этом.

– Спасибо, но ум и сострадание не помогут мне во время Молотьбы, – у меня вырвался самоуничижительный смешок. – Вы знаете о драконах больше, чем кто-либо другой в квадранте и, возможно, на всем континенте. Они выбирают силу и проницательность.

– Они выбирают по причинам, которыми не считают нужным делиться с нами, – профессор оттолкнулся на стуле. – Сила не обязательно должна быть физической, Вайолет.

Я просто кивнула, потому что не могла найти подходящих слов в ответ на его неприкрытую лесть... пусть и вызванную благими намерениями. И направилась к Рианнон, чтобы наконец выйти из класса вместе. Наверняка я знала только одно: сострадание точно не поможет мне во время спарринга.

* * *

Я так нервничала, что меня затошнило еще до собственного боя, когда я стояла на краю широкого черного мата и смотрела, как Рианнон выбивает дерьмо из своего соперника. Это был не слишком ловкий парень из Второго крыла, и ей почти не потребовалось времени, чтобы взять его в захват, перекрыв доступ воздуха. Именно этому приему она изо всех сил пыталась обучить меня в последние пару недель.

– У нее так легко получается, – сказала я Даину, который стоял совсем рядом, касаясь своим локтем моего.

– Он попытается убить тебя.

– Что? – я подняла глаза и проследила за направлением взгляда Даина. Через два мата от нас.

Даин зло смотрел на Ксейдена. На лице у того застыло выражение откровенной скуки, а Рианнон тем временем все крепче сжимала шею первогодка из Второго крыла.

– Твой противник, – тихо проговорил Даин. – Я подслушал его и нескольких его друзей. Барлоу убедил их, что ты помеха для крыла.

Его взгляд переключился на Орена, который рассматривал меня, как игрушку, которую собирался сломать.

Но в цвете его лица прослеживался некий зеленоватый оттенок, который заставил меня ухмыльнуться.

– Со мной все будет в порядке, – повторила я, потому что это моя гребаная мантра.

Я сняла все, кроме жилета из драконьей чешуи, который уже стал казаться мне второй кожей, и боевого облачения. Все четыре моих кинжала лежали в ножнах, и если план сработает, то скоро в моей коллекции появится еще один.

Первокурсник из Второго крыла потерял сознание, и Рианнон победно поднялась на ноги под наши аплодисменты. Затем она наклонилась над своим противником и сняла кинжал с его пояса.

– Похоже, теперь он мой. Приятных снов.

Она погладила лежащего парня по голове, и я рассмеялась.

– Не понимаю, чему ты радуешься, Сорренгейл, – раздался позади меня насмешливый голос.

Я обернулась и увидела Джека, который широко расставив ноги стоял у стены, обшитой деревом, примерно в десяти футах от меня. На лице его светилась улыбка, которую иначе как злобной не назовешь.

– Отъебись, Барлоу, – я показала ему средний палец.

– Искренне надеюсь, что ты выиграешь, – в его глазах горело садистское веселье, от которого меня тошнило. – Будет обидно, если кто-то другой убьет тебя раньше, чем я. Но я не удивлюсь. Фиалки такие нежные... и хрупкие.

Ага, нежные, как бы не так.

Он, вероятно, дважды подумает, прежде чем замысливать твое убийство, если ты метнешь ему в голову несколько кинжалов.

Я вынула два кинжала из ножен и одним плавным движением отправила в его сторону. Они попали туда, куда я целилась: один почти задел ухо Барлоу, а другой вошел всего на дюйм ниже его яиц.

Джек распахнул глаза невообразимо широко... от страха.

Я бесстыдно ухмыльнулась и красиво взмахнула пальцами.

– Вайолет, – прошипел Даин, глядя, как Джек маневрирует между моими клинками, осторожно отступая от стены.

– Ты заплатишь за это, – Джек ткнул в мою сторону пальцем, резко развернулся и ушел.

Но плечи его подрагивали... немного нервно.

Я проследила за его удаляющейся спиной, затем достала из стены свои кинжалы, убрала их в ножны и вернулась к Даину.

– Что это было, блин? – прорычал он. – Я сказал тебе не отсвечивать перед Джеком, а ты... – он покачал головой. – Ты только разозлила его еще больше.

– Затаившись, я ничего не добьюсь, – сказала я, пожимая плечами и глядя, как противника Рианнон уносят с матов. – Он должен понять, что я не помеха.

И что убить меня будет труднее, чем он думает.

По коже головы прокатилась волна ледящих острых мурашек, которые невозможно было просто игнорировать, и я подняла глаза, позволив себе встретиться взглядом с Ксейде-ном.

Мое сердце снова замерло, как будто он послал тени прямо сквозь мои ребра, чтобы сжать его изо всех сил. Он поднял покрытую шрамами бровь, и, клянусь, на его губах появился намек на улыбку. А потом он развернулся и ушел, чтобы понаблюдать за курсантами Четвертого крыла, что сражались следующими.

– Это было ошеломительно, – сказала Рианнон, становясь рядом со мной. – Я думала, Джек прямо тут обосрется.

Я с трудом погасила улыбку.

– Хватит ее подначивать, – с укором проговорил Даин.

– Сорренгейл, – профессор Эметтерио посмотрел в свой блокнот и поднял одну кустистую черную бровь, прежде чем продолжить: – Сейферт.

Сглатывая панику, которая пеной ползла к моему горлу, я ступила на коврик напротив Орена... Который сейчас определенно выглядел зеленым.

Как раз вовремя.

Я подготовилась максимально хорошо, обмотав бинтами лодыжки и колени на случай, если он возьмется за ноги.

– Не принимай это близко к сердцу, – сказал он, когда мы начали кружить, выставив руки. – Но ты для нашего крыла гребаная помеха.

Он бросился на меня, но его ноги не особо слушались: я легко увернулась, нанося удар по почкам, а затем отскочила назад, качнувшись на пятках и выхватила кинжал.

И обвиняюще заявила:

– Не более помеха, чем ты.

Его грудь тяжело вздымалась, на лбу выступил пот, но он смахнул его, быстро моргнув и тоже потянувшись за клинком.

– Моя сестра – целительница. Я слышал, что твои кости трещат и ломаются, как пруттики.

– Почему бы тебе не подойти и не проверить? – я заставила себя улыбнуться, выжидая, когда он начнет заводиться, потому что это то, что он делал всегда.

Три занятия я наблюдала за ним с расстояния всего в несколько матов. Он каждый раз вел себя как бык, сплошная сила и никакой грации.

Все его тело вдруг пошло волной, как будто Орена сейчас вырвет, и он закрыл рот ладонью и глубоко задышал, прежде чем снова выпрямиться. По идее, я должна была атаковать, но вместо этого я ждала. И тогда напал он, сделав мощный замах клинком.

Мое сердце колотилось, пока я выжидала несколько мучительных секунд, которые потребовались Орену, чтобы дотянуться до меня. Мой мозг каким-то образом убедил тело оставаться на месте до последнего. Орен замахнулся ножом, и я уклонилась влево, полоснула лезвием его бок, затем повернулась и нанесла удар ногой в спину, отчего враг пошатнулся и полетел вниз лицом.

Сейчас.

Он рухнул на мат, и я немедленно воспользовалась преимуществом, всадив колено в его позвоночник, как это проделала со мной Иможен, и приставив лезвие к его горлу.

– Сдавайся.

Кому нужна сила, когда есть скорость и сталь?

– Нет! – закричал он, но его тело бессильно извивалось под моим, а потом его вырвало. Пришлось смотреть на все, что он съел за завтраком, разбрызганное по коврику вокруг нас.

Это было охуенно противно.

– О боги! – воскликнула Рианнон, и в ее голосе звучало явное отвращение.

– Сдавайся, – снова потребовала я, но его уже всерьез рвало, и мне пришлось отвести нож, чтобы случайно не перерезать ему горло.

– Он сдается, – заявил профессор Эметтерио, с отвращением глядя на нас.

Я убрала клинок в ножны и слезла с Орена, осторожно ступая, чтобы не попасть в лужу блевоты. Затем я взяла клинок, который Орен отбросил на несколько футов, когда его особенно сильно затосило. Этот нож тяжелее и длиннее остальных, но теперь он мой, и я его заслужила. Я вложила его в пустые ножны у левого бедра.

– Ты победила! – заявила Рианнон, обнимая меня, когда я спустилась с матов.

– Он болен, – сказала я, пожимая плечами.

– А я вот в любой день приму удачу за благо, – возразила Рианнон.

– А я должен найти кого-нибудь, чтобы привести это в порядок, – сказал Даин, и его собственное лицо пошло пятнами.

Я выиграла.

* * *

Правильно рассчитывать время – вот что было самым сложным в моем плане.

Я выиграла на следующей неделе, когда коренастая девушка из Первого крыла не сумела сосредоточиться достаточно хорошо, чтобы нанести достойный удар. Всё благодаря нескольким грибам лейгоррел и их галлюциногенным свойствам, которые каким-то образом попали в ее обед. Она успела хорошенько приложить меня по колену, но ничего страшного – несколько дней в бинтах, и все прошло.

Я выиграла недель позже, когда высокий парень из Третьего крыла споткнулся, потому что его большие ноги временно потеряли чувствительность. Не без помощи корня зихны, которая росла на одном приметном выступе возле оврага. Однако я немного не рассчитала время, и он успел нанести мне несколько сильных ударов по лицу, разбив губу и на следующие одиннадцать дней украсив мою щеку синяком, но, по крайней мере, этот неудачник не сломал мне челюсть.

И на следующей неделе я снова победила, когда у симпатичной кадетки в середине поединка помутилось зрение из-за листьев тарсилы, которые чудесным образом попали в ее чай. Она была быстра, повалила меня на мат и нанесла несколько чрезвычайно болезненных ударов ногами в живот, которые оставили разноцветные синяки и один отчетливый отпечаток ботинка на моих ребрах. Тогда я чуть не сломалась и не пошла к Нолону, но потом стиснула зубы и просто перемотала ребра, решив не давать остальным повода выполоть меня из рядов нашего крыла, как хотел Джек или меченые дети отступников.

Я заработала пятый кинжал, с красивым рубином в рукояти, во время последнего вызова в августе, когда победила одного особенно потного парня с щелью между передними зубами. Кора карминового дерева, попавшая в его флягу с водой, сделала его вялым и больным. Эффект был очень похож на воздействие ягод фонили: ужасно обидно, что весь третий отряд секции Когтя Третьего крыла страдал от расстройства желудка. Должно быть, подхватили какой-то вирус. По крайней мере, так я сказала, когда он наконец поддался моему захвату головы – правда, после того, как вывихнул мне большой палец и чуть не сломал нос.

В начале сентября, когда я вышла на ковер в очередной раз, мой шаг пружинил и был гораздо увереннее, чем раньше. Я победила пятерых противников, не убив ни одного из них, чем не могла похвастаться четверть нашего курса – за последний месяц в список умерших добавилось еще почти двадцать имен, и это только среди первоодков.

Я размяла больные плечи и стала ждать своего противника.

Но Райма Корри из Третьего крыла не вышла вперед, как должна была. Ее просто не было в зале.

– Прости, Вайолет, – сказал профессор Эметтерио, почесывая короткую черную бороду. – Ты должна была бросить вызов Райме, но ее отвели к целителям, потому что у нее очень сильно закружилась голова.

Кожура фрукта вальвин дает именно такой эффект, если ее проглотить сырой... скажем, когда ее подмешивают в глазурь утренней выпечки.

– Это, – *вот дерьмо*, — очень плохо, – я поморщилась. *Вайолет, чтоб тебя. Ты дала ей яд слишком рано.* – Может, мне просто... – начала я говорить, уже отступая назад, чтобы сойти с матов.

– Я с удовольствием займу ее место.

Этот голос. Этот тон. Эти ледяные колючки на коже головы и шеи...

О нет. Проклятье, нет. Нет. Нет. Нет. *Нет.*

– Уверен? – спросил профессор Эметтерио, оглядываясь через плечо.

– Абсолютно.

Мой желудок, кажется, упал на пол и провалился сквозь него.

А Ксейден ступил на коврик.

Глава 9

*Я не умру сегодня.
Личное дополнение Вайолет Сорренгейл к книге Бреннана*

Я в полной заднице.

Ксейден шагнул вперед – шесть футов роста, облаченные в боевую кожу цвета полуночи и облегающую рубашку с короткими рукавами, которая только подчеркивала мерцание темных завитков метки восстания на коже. Словно предупреждение – готовься к худшему. Знаю, нелепая мысль, но она почему-то казалась верной.

Мое сердце тут же сорвалось в галоп, как будто тело знало правду, которую разум еще не принял. Сейчас мне надерут задницу... или того хуже.

– Вы все будете в восторге, – проговорил профессор Эметтерио, хлопая в ладоши. – Ксейден – один из лучших наших бойцов. Смотрите и учитесь.

– Конечно, – пробормотала я, и желудок болезненно скрутило, как будто это я только что перекусила кожурой фрукта вальвин.

Уголок рта Ксейдена приподнялся в ухмылке, а золотые капельки в его глазах словно затанцевали. Этот засранец-садист откровенно наслаждался ситуацией. Мои колени, лодыжки и запястья были тщательно перемотаны эластичными бинтами, а белая повязка, защищающая заживающий большой палец, поразительно контрастировала с черной кожей доспеха.

– Она немного не в твоей лиге, тебе не кажется? – Даин решил поспорить с Ксейденом, стоя на краю мата и выплевывая каждое слово с заметным напряжением.

– Расслабься, Аэтан, – Ксейден напряженно глядел за мое плечо, туда, где всегда стоял Даин, когда я сражалась. Посмотрев в глаза Ксейдена, я поняла, что игру в гляделки Даин ему проиграл. – Когда я закончу ее учить, она останется одним целым... куском.

– Не думаю, что это справедливо... – повысил голос Даин.

– Никто не просил тебя думать лишний раз, командир отряда, – ответил Ксейден, отходя в сторону, и принялся вытаскивать клинки (очень много клинков!), прячущиеся в ножнах на его теле, и передавать их Иможен.

Горький, нелогичный привкус ревности наполнил мой рот, но времени тщательно обдумать эту странность не было, не сейчас, когда всего через несколько секунд враг снова окажется передо мной.

– Думаешь, они тебе не понадобятся? – спросила я, поглаживая свои кинжалы.

У Ксейдена массивная грудь, широкие плечи и мускулистые руки. В такую большую цель, должно быть, легко попасть.

– Нет. Ты принесла достаточно ножиц для нас обоих, – лукавая улыбка осветила его лицо, когда он протянул руку и поманил меня пальцем. – Ну же.

Мое сердце забилося быстрее, чем крылья колибри, когда я приняла боевую стойку в ожидании его удара. Этот мат всего двадцать на двадцать футов, и весь мой мир сузился до его пределов и опасности внутри.

Он не в моем отряде. Он может убить меня и не понести наказания.

Я кинула кинжал прямо в его смехотворно хорошо сложенную грудь.

Он поймал его и щелкнул языком.

– Уже видел этот прием.

Охренеть, какой он быстрый.

Значит, я должна стать еще быстрее. Это единственное преимущество, которое у меня было, – вот та единственная мысль, с которой я двинулась вперед, выполняя комбинацию из замаха и удара, которую Рианнон вбивала в меня последние шесть недель. Ксейден ловко увернулся от моего клинка, а затем схватил за ногу. Земля провернулась вокруг, и я упала на спину. Удар выбил весь воздух из моих легких.

Но Ксейден не стал добивать. Вместо этого он отбросил пойманный кинжал... А секунду спустя, когда воздух просочился в легкие, я сделала выпад следующим клинком, целясь в бедро.

Он блокировал мой удар предплечьем, затем схватил мое запястье другой рукой и вырвал кинжал, наклонившись так, что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от моего.

– Сегодня мы хотим крови, не так ли, Вайоленс?¹ – прошептал он.

Металл снова глухо брякнул о коврики, и Ксейден пнул его, отбросив куда-то мимо моей головы... и вне досягаемости.

Он не использовал мои кинжалы против меня; он лишал меня оружия, просто чтобы доказать, что он может. Моя кровь закипела.

– Меня зовут Вайолет, – прорычала я.

– Думаю, моя версия подходит тебе больше. – Он отпустил мое запястье и встал, протягивая мне руку. – Мы еще не закончили.

Моя грудь тяжело вздымалась, дыхание все еще не восстановилось после того, как Ксейден вышиб из меня дух, и я приняла предложенную помощь. Он поднял меня на ноги, а потом быстро завел мою руку за спину и прижал меня к своей твердой груди прежде, чем я сумела обрести равновесие.

– Проклятье! – выплюнула я.

Тут же по бедру скользнула ладонь Ксейдена, и еще один из моих кинжалов прижался к моему горлу, а грудь врага еще сильнее уперлась мне в затылок. Его предплечье давило на ребра, и хватка казалась каменной – словно у статуи. Бесплезно было откидывать голову и бить назад – когда противник такой высокий, этим можно его только разозлить еще сильнее.

– Не доверяй ни одному человеку, который стоит перед тобой на этом ковре, – предупреждающе прошипел он, его дыхание теплом согрело мое ухо, и, хотя нас окружали зрители, я поняла, что он понизил голос не просто так.

Этот урок предназначался только для меня.

– Даже тому, кто должен мне услугу? – возразила я так же тихо.

Мое плечо начинало протестовать против неестественного угла, но я не двигалась. Не хотела доставить ему такого удовольствия.

Он уронил третий мой кинжал и отбросил ногой вперед, туда, где стоял Даин, держа в руках два других клинка. И глядя на Ксейдена абсолютно убийственно.

– Это я решаю, когда оказать эту услугу. Не ты, – Ксейден отпустил мою руку и отступил назад.

Я крутанулась, пытаясь ударить его по горлу, но он отбросил мою ладонь в сторону.

¹ От англ. violence – «насилие, жестокость; сила; буйство». – *Примеч. пер.*

– Хорошо, – проговорил он с улыбкой, отражая мой следующий удар, глазом не моргнув. – Удар в горло – отличный вариант, правда, если оно открыто.

Ярость застала мне глаза и заставила снова ударить по отработанной схеме – мышечная память взяла верх, – и Ксейден опять захватил мою ногу, на этот раз выдернув кинжал, который был в ножнах на бедре. Он бросил его на мат, прежде чем отпустить меня, разочарованно подняв бровь.

– Я ожидал, что ты будешь учиться на своих ошибках, – и снова отбросил мой кинжал в сторону.

Но у меня оставались еще пять, все в ножнах у ребер.

Схватив один и подняв руки для защиты, я начала кружить вокруг Ксейдена, но он даже не попытался держаться ко мне лицом, что бесило все больше и больше. Он просто стоял в центре мата, его сапоги не сдвинулись ни на дюйм, а руки свободно свисали по бокам у бедер – в то время как я могла атаковать в любой момент!

– Ты собираешься танцевать или все же ударишь?

Да пошел он.

Я сделала выпад вперед, но он уклонился, и мой клинок пролетел над его плечом, промахнувшись на целых шесть дюймов. В животе стало пусто-пусто, когда Ксейден схватил меня за руку, дернул вперед и обхватил сбоку, поднимая в воздух. Я на мгновение взмыла вверх, прежде чем шлепнуться на мат, где ребра героически приняли удар на себя.

Ксейден сжал мою руку в болевом приеме, белая вспышка пронзила всю конечность, от кончиков пальцев до плеча, и я вскрикнула, роняя кинжал... но он еще не закончил. Нет, его колено уперлось мне в ребра, одной ладонью он держал мою руку, а другой выхватил еще один кинжал из ножен и отшвырнул его к ногам Даина, а затем взял другой и приставил его к нежному месту, туда, где челюсть переходит в шею.

Затем он наклонился еще ближе.

– Устранить врага до битвы – это очень умно, вот что я тебе скажу, – прошептал он, и его теплое дыхание вновь коснулось моего уха.

О боги. Он знает, что я делала. Боль в руке – ничто по сравнению с тошнотой, подкатывающей к горлу при мысли о том, что он может сделать с этим знанием.

– Проблема в том, что если не проверять себя во время вызовов, – он провел кинжалом по моей шее, но теплой струйки крови не было, поэтому я знала, что он не порезал кожу, – то ты не будешь становиться лучше.

– Ты бы предпочел, чтобы я умерла, без сомнения, – ответила я, вжимаясь лицом в коврик.

Это было уже не просто больно, а унижительно.

– И лишиться удовольствия от твоего общества? – усмехнулся он.

– Я, блядь, ненавижу тебя, – слова вылетели раньше, чем я успела закрыть рот.

– Не ты одна, так что это не делает тебя особенной.

Давление ушло с моей груди и руки, когда он поднялся на ноги, отбрасывая кинжал в сторону Даина.

У меня остались последние два, и теперь возмущение и гнев намного перевешивали страх.

Не обращая внимания на протянутую руку Ксейдена, я встала на ноги, и его губы скривились в одобрительной улыбке.

– Гляди-ка, да ее можно учить.

– Она быстро учится, – ответила я.

– Это еще предстоит проверить.

Он отступил на два шага назад, оставляя между нами небольшое пространство, прежде чем снова ткнуть в меня пальцем.

– Ты и так уже показал всем, что охеренно крут, – сказала я достаточно громко, чтобы Имоджен со свистом втянула воздух.

– Поверь мне, я только начал. – Он сложил руки на груди и качнулся на пятках, явно ожидая, когда я начну действовать.

Я не думала. Я просто нырнула вниз и ударила его сзади под колени. Ксейден упал, как срубленное дерево, и звук удара его тела о мат показался мне более чем приятным... Но, ни мгновения не медля, я кинулась следом, пытаясь поймать его в удушающий захват. Ведь неважно, насколько велик противник. Важно, что человеку любого размера нужен воздух. Поймав горло Ксейдена в локтевой сгиб, я напрягла руку.

Но вместо того, чтобы хватать меня за руку, он извернулся, уцепился за заднюю часть моих бедер, так что я потеряла преимущество, и мы покатались. Ксейден оказался сверху.

А как же иначе.

Его предплечье уперлось мне в горло, не перекрывая воздух, но определенно способное это сделать, а его бедра прижали мои. Ксейден замер, неподвижно устроившись между моими раскинутыми ногами.

Все вокруг нас исчезло, и мой мир сузился до высокомерного блеска в его взгляде. Он – все, что я могла видеть, все, что я могла в тот момент чувствовать.

Но я не могла позволить ему победить.

Я выхватила один из последних кинжалов и, целясь ему в плечо, ударила... Но он перехватил мое запястье и вздернул над головой.

Блин. Блин. Блядь.

Жар пробежал по моей шее, и словно языки пламени лизнули щеки, когда он опустил лицо так, что его губы оказались всего в нескольких дюймах от моих. Я могла различить каждую крупинку золота в его ониксовых глазах, каждый бугорок и гребень его шрама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.